Конное право.

Подборка материалов из Интернета

Копное право

Игры богов. Акт шестой. Славянские привычки

Цитаты из фильма:

"...Издревле Русь не имела политического устройства общества, у нас не было государства. На Руси царил родовой строй - Род, управляемый самодержавным народом на основе копного права. Единый организм Руси совершал действия сильные, гармоничные и продуманные, потому что понятие "Право" у славян неразрывно с понятием "Правда"...

Семья - это не ячейка общества, это семя Рода. Что посеешь, то и пожнёшь. Если семя здоровое, крепкое, то и дерево вырастет ладное, с могучими корнями и плодоносное, а яблоко от яблони - сами знаете. Наши пословицы и поговорки - это народная мудрость, совокупная мудрость Рода, ведь всё, что в ПриРоде передаётся потомству на духовном и генетическом уровне. Кстати, понятие Родины у русов неразрывно с землёй, как и КультУра - культ обжитой земли. Родина - это место рождения, это круг земли, радиус которого человек может одолеть пешком от рассвета до заката, всё, что этот круг населяет, находится с сроднившимся в нём человеком в резонансе и способствует его гармоничному выживанию. Этот естественный порядок притяжения подобий..."

Держава Русь (КОПА)

Держава Русь – это тысячи селений, объединенные в общины, где любой важный вопрос решался всем миром, скопом на Вече непосредственным народовластием. В общину входило от 4 до 9 соседних селений, одно из которых служило центральным местом, где собиралось народное собрание – **Копа** (купа, громада). Совещание народного собрания называлось **Вече**: копа собиралась на вече, т.е. для совещания.

Место собрания копы называлось **копище** или **коповище, капище**. Вопросы решали под открытым небом в заповедной дубраве, в священной роще с естественными или специально нарытыми холмами. Обязательно рядом должны быть река, пруд, озеро, родник. Для исследования уголовных дел копа собиралась на месте преступления. Если нужно было решить спор о поземельной собственности, то копа собиралась на спорной земле; а когда находили убитого человека, копа собиралась в том месте, где находился труп.

Слово «копа» означает – «вместе», отсюда слова: скопом, совокупность, копить, копна... **КОПА – это единство множества; Собрание сходатаев для совещаний и решения дел, связанных с жизнью общины**. Решали гражданские и уголовные дела, судили преступников, присуждали пострадавшим вознаграждение, проводили выборы и т.д.

В каждом селении был **вечевой колокол**, собирающий неторопливыми, могучими ударами жителей на вече. Если возникала какая-то проблема, любой мог подойти и ударить в этот колокол. Собирались все кто в это время был в селении: старики, женщины, дети. Это собрание в отдельном селении. А копа собиралась только по вопросам, которые касались всей общины и совещались уже только домохозяева.

Состав копы

1. На Копе обязан был присутствовать каждый домохозяин, но участвовали в совещаниях только **Главы Родов**, имеющие постоянную оседлость. Их сыновья и братья, не имевшие отдельных хозяйств, а также женщины участия в совещаниях не принимали, а приглашались только по особому требованию копы для свидетельских показаний. Называли участников копы: *сходатаи, соседи околичные, судьи копные, мужеве, обчие*, т.е. общинные *мужи*.

2. Также на копе присутствовали **Старцы**, но права голоса они не имели, однако их советы могли играть решающую роль. Они строго следили за соблюдением ведических заповедей и обычаев Предков.

3. Кроме сходатаев, приглашались по 1-2 человека из трех селений соседней общины. Эти лица назывались **людьми сторонними**; они не участвовали в совещаниях и в постановлении приговора, но следили за ходом дел копы, чтобы в случае надобности, свидетельствовать о принятых решениях.

Число сходатаев могло быть весьма значительным: 100-300 человек.

* Так как крестьяне вступали в брак в молодых летах, могли основывать отдельные хозяйства, а присутствовать на копе обязаны все домохозяева, то каждый из них имел возможность в течение многих лет изучать народное обычное (Копное) право. Т.е. вече было не только судебным собранием, но и школой для изучения права, которое без помощи письма, сохранялось в памяти мужей-сходатаев, переходя от одного поколения к другому.

Копное право

Копное право (общинное или обычное право) – это древнейшая форма самоуправления внутри славянской общины; Совокупность народных юридических обычаев.

Основа копного права – **Заветы Праотцов (Богов) и правило единогласия**, т.е. все сходатаи приходили к единому мнению. Достигалось единогласие тем, что право голоса имели только самые мудрые и здравомыслящие мужи, заботящиеся о благе общины и доказавшие своей жизнью, что они могут упорядочить пространство вокруг себя. Мнение копы было для славянина высшим духовно-нравственным ориентиром. Руские люди говорили:

«Что мир порядил, то Бог рассудил».

Нарушение копного права, постановлений копы было редким явлением. Решения выполнялись всеми добросовестно. При этом каждый славянин, столкнувшийся с нарушением обычаев или копного права, обязан был приложить все силы для пресечения и устранения нарушения. Если он этого не делал, то считался соучастником преступления и нес за это полную ответственность наравне с нарушителем.

Славяне жили согласно заповеди Бога Одина:

«Непозволительно прощать того, кто умышленно совершает зло, ибо зло, оставшееся без наказания, умножается, а вина за приумноженное зло лежит на том, кто оставил зло не наказанным и не привел его на правый Божий суд».

Выборы (десятские и сотские)

Выборные должности десятского и сотского усиливали самодержавие. Сотский при содействии десятских наблюдал за чистотой в селениях, за пожарной безопасностью и порядком во время торгов, базаров, за качеством продуктов.

Десятский – 1 от 10 дворов. Сотский – 1 от 100 дворов.

Выборы. Собирались 10 хозяев, которые хорошо друг друга знают, соседи и решали, кто из них будет представителем от их 10 дворов, семей. Естественно они выберут лучшего, поскольку все в этом заинтересованы. Таким образом, единогласно выбирался **десятский**, ответственный за все 10 семей, и каждый мужчина имел право спрашивать его, требовать ответа за деятельность как десятского. Далее собирались 10 десятских и единогласно выбирали лучшего из них - **сотского**.

Уничтожение Копного права

С началом христианизации и заменой общинно-родового уклада на феодальный, копу начинают вытеснять. При Ярославе Мудром (ок. 978-1054) на Руси появился первый писанный уголовно-правовой феодальный кодекс «Руская Правда», который всячески защищал интересы нарождавшегося класса феодалов, будущих помещиков. Именно они были первыми гонителями копы как выразительницы интересов широких слоев народа.

С Запада активно начало наступать писанное, Посполитное (польское) право, а также Магдебургское право. Принявшие такое «право» жители городов на копу больше не являлись, а управлялись уже по другим законам.

Под натиском крепостного права копа перерождается в сельский суд. От каждого селения стали приглашать только по одному сходатаю, а помещик со священником, урядником и несколькими своими приятелями вершили дела так, как им нужно. С 1557 года помещики получили право даже убивать своих крестьян.

Вследствие жалкого состояния крестьян и их безусловной зависимости от помещиков, народные собрания теряли доверие, их копное право выходило из употребления, судебные приговоры оставались безсильными. Наконец, в XVII веке некоторые помещики вовсе запретили своим крестьянам ходить на народные собрания и принимать участие в общинных судах.

**** Книга Н.Д. Иванишева «О древних сельских общинах на юге России», 1863 г.***

http://fizrazvitie.ru/2012/07/kopa.html

Держава и государство. Правда, Совесть, КОПА

ГОСУДАРСТВО – форма организации общества, когда страна находится под управлением политической организации.

«Государство – особая политическая единица, представляющая отделенную от населения организацию власти, претендующая на верховное право управлять (требовать выполнения действий) населением вне зависимости от его согласия» - Гринин Л.Е.

Часто понятия государство и страна считают синонимами, но это не так.

Государство - это власть (полиция, суд).

Страна - это культура, география и другие факторы.

ДЕРЖАВА – форма организации общества, построенная на Божьем Законе (Мудрость Предков) и традициях, когда сам народ управляет своей повседневной жизнью. Такая форма самоуправления общества называется самодержавием.

** С появлением на Руси царей, значение самодержавия извратили до неограниченной монархии (самодержец), которая опиралась на теорию о ее божественном происхождении.*

***«Не живите по законам, что создали люди, дабы лишить вас Свободы, а живите по Законам Бога Единого»* - Заповедь Бога Рамхата**

В Державе нет светского верховного правителя. Все стороны жизни и правосудие разбираются на Копе (собрание **сходотаев**), там же для защиты земель от внешних врагов и поддержания порядка, всенародно избирается Великий Князь (из потомственных Витязей). Для обеспечения Духовной жизни существовала иерархия Жрецов.

Правовая система Державы и государства

Государственная правовая система построена на понятии **право**. Право власть имущего управлять подданными по своему усмотрению и делегировать часть своих прав подчиненным. Именно государственная система породила такие понятия как – «право первого», «право сильного» и т.д., опираясь на которые государи творили и творят произвол.

Правовая система Державы зовется словом **Правда** (от словосочетания «Прави Дар»). Правь – это Мир Всевышнего Прародителя и его детей Светлых Славяно-Арийских Богов. Корень «Правь» лежит в основе слов – «правый», «правильный», «правда». Т.е. слова «Правь» и «Правда» обозначают Законы Единого Бога-Прародителя, по которым должен жить человек на Земле.

ПРАВДА – это главенство Божьего промысла над человеческими устремлениями и деяниями. Правда незыблема и вечна, поскольку законы Всевышнего едины и вечны для

всего Мироздания. Жизнь не по Правде претит Славянам, т.к. ложь и кривда не соответствуют образу их Праведной Жизни.

СОВЕСТЬ (Сошедшая с Небес Совместная Весть), соединяющая Бога и Душу Славян.

Является мерилом всех желаний, мыслей и действий. Совесть - это генетическая данность Славян, ее нельзя получить при воспитании или образовании. Она либо есть от рождения, либо ее нет (в основном из-за кровосмешения). Совесть препятствует человеку поступать не по Правде, нарушать Божьи Законы, заставляет оценивать свои поступки и не позволяет лгать.

Каждый Славянин знает - если он преступит Божьи Законы, то его ждет Суд Божий, который состоит из трех уровней – Суд собственной Совести, а после завершения земной жизни и перед началом жизни Небесной – Суд Предков Рода и Суд Бога-Покровителя Рода. Суд Совести является для Славян самым тяжелым, от Совести ничего не скроешь и никуда не спрячешься.

Совесть – это внутренний контролер поведения, а общественное мнение – это внешний контролирующий орган, не позволяющий Славянам нарушать Божьи Законы. Славяне вольны в своих действиях, но не могут делать то, что затрагивает свободную волю другого человека или причиняет вред Природе.

Правосудие в Державе

Правосудие в общественной жизни обеспечивает единая система (За)конов Копы (Копная Правда). Различают умышленное совершение зла и неумышленные проступки. Главным принципом судебной системы является неотвратимость наказания.

КОПА – древнеславянское собрание сходатаев. Отсюда слова – **скопом, совокупность, копить, копна, докопаться (до истины).** Численность Копы могла колебаться от 100 до 300 человек, в нее входили представители 4-9 близлежащих сёл и деревень. Большинство городов на Руси выросло именно из Коп. До сих пор остались названия Майкоп, т.е. Имеющий Копу (от слова «Маять» - иметь), станица Копанская, хутор Копани.

Копа собиралась на **соВЕЩание (ВЕЧе)** под открытым небом. Собирались в центре одного из сёл общины, которое называлось **КОПовище, КОПище, КАПище**. Правом совещания пользовались лишь домохозяева, имевшие постоянную оседлость (семейные старейшины, главы родов). Их называли **«Судьи копные»** или **«Мужеве обчие»,** т.е. общинные мужи. Сыновья и братья, а также женщины права голоса не имели.

На Копе присутствовали старцы, которые не имели права голоса, но их советы могли иметь решающее значение. Они строго следили за соблюдением Ведических заповедей и обычаев Предков.

Вече Копы было одновременно и обучением Копному Праву, принципы которого сохранялись в памяти Копных мужей и передавались из поколения в поколение. **Копное Право** основано на правиле единогласия (прихода к единому мнению всех сходатаев). Достигалось единогласие тем, что присутствовали на Копе только самые мудрые и здравомыслящие мужи, заботящиеся о благе общины.

Позднее произошла подмена Копного закона единогласия на демократический принцип выборов, который основан на процентном перевесе голосов.

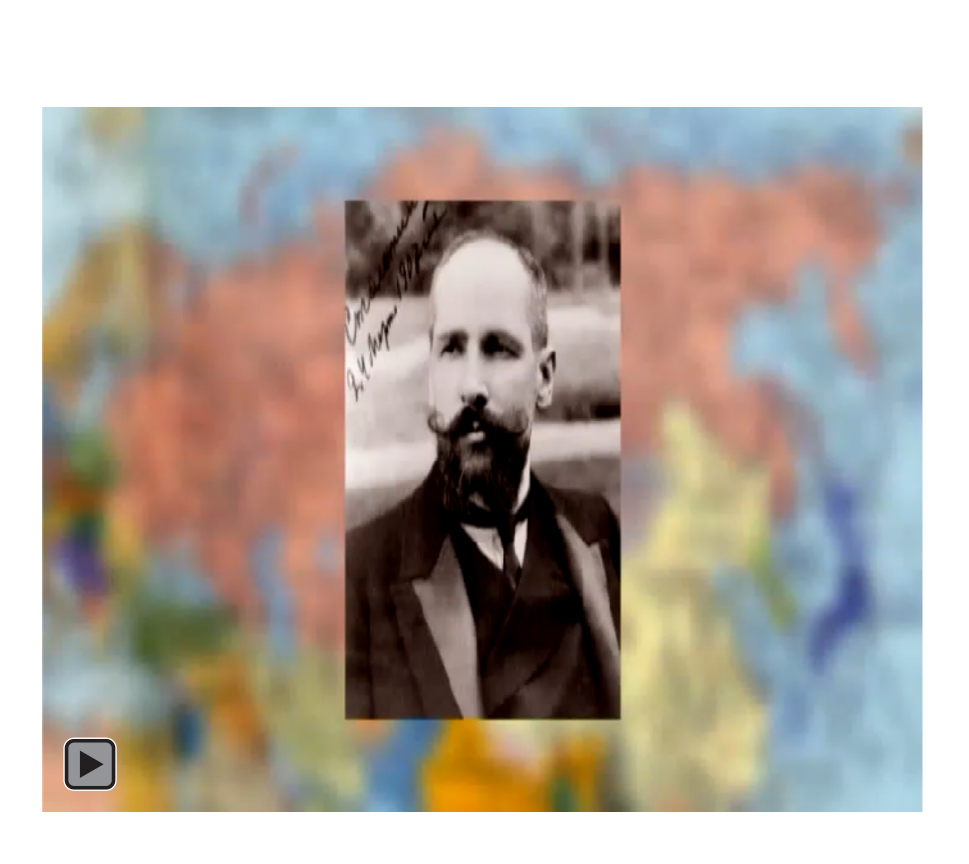
На Копе улаживали все стороны жизни общины и проводили судебные разбирательства. Высшей мерой наказания являлось придание позору (публичное наказание) через сечение ивовой ветвью у столба. Смертной казни в давние времена не было, поскольку она противоречит заповедям Богов.

Если живший не по Правде не исправлял свое поведение, его объявляли неприкасаемым, изгоем (язычник), и изгоняли из Рода и Общины. С помощью такого естественного механизма Славяне очищали общество от преступников, сохраняя нравственное и физическое здоровье своих Родов.

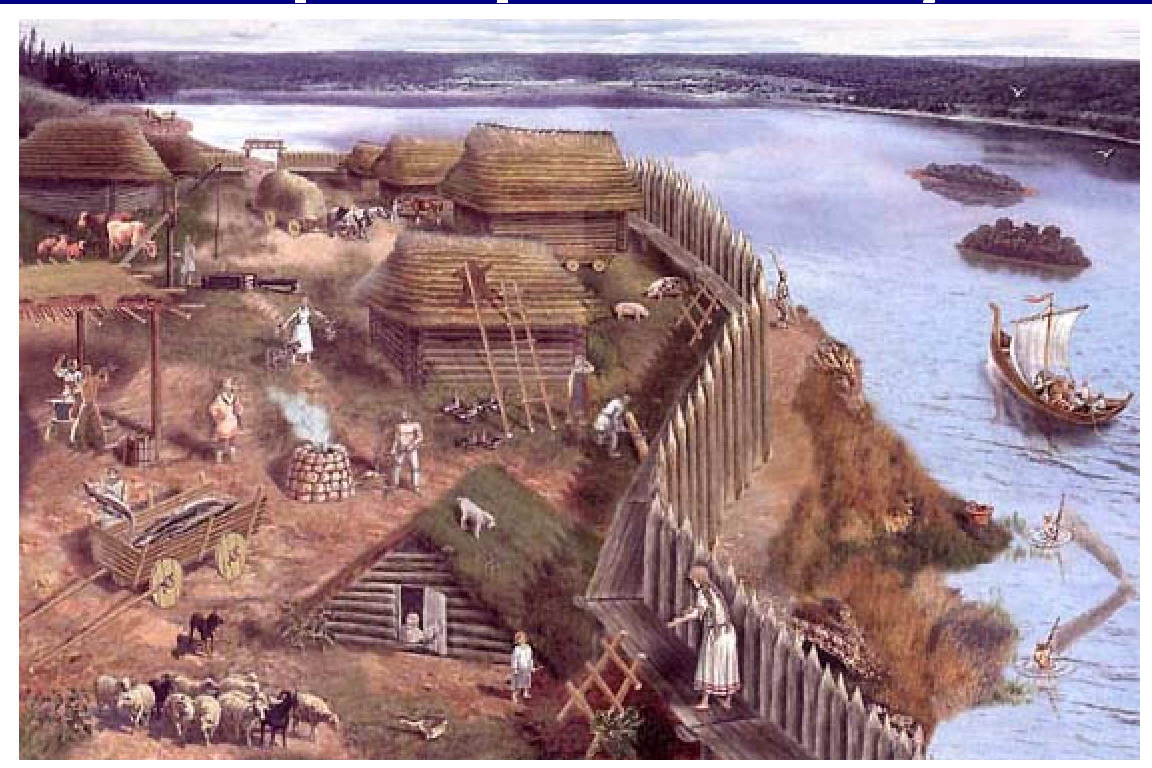
При Самодержавии (Самоуправлении) каждый Славянин, столкнувшийся с нарушением обычаев или Копного Права, должен был приложить все силы для пресечения и устранения нарушения. Если он этого не делал, то считался соучастником преступления и нес за это полную ответственность наравне с нарушителем.

Самодержавие усиливалось выборными должностями – десятского (по одному от 10 дворов) и сотского (от 100 дворов). Сельские общины, входящие в Копу образовывали Волость. На Копе выбирались Волостной старейшина (обычно на 3 года), Волостное правление и Волостной суд. При необходимости выбирали ходатаев по общественным делам – челобитчиков в Стольный град.

http://fizrazvitie.ru/2011/04/derzhava-gosudarstvo.html

Народоправство на Руси

Народоправство — совместное управление людьми общественными процессами.

Древнерусское народоправство — одно из интереснейших явлений в славянской истории, по эффективности оно остается уникальным в наших глазах. Скопа, дума, совет, вече, собор

Историки говорят нам, что в давние времена, задолго до существования государств, различные неславянские племена существовали на принципах лидерства — вожак руководил селением.

На Руси же был особый вид управления — народоправство, где люди сообща решали все вопросы.

Многие века существования этого метода управления позволяли жить обществу в благополучии семейном и общественном. Некоторые люди считают древнерусское народоправство — самым мудрым методом управления из всех существующих.

Свидетельство **Прокопия Кесарийского:** *«Эти племена, славяне и анты, не управляются одним человеком, но издревле живут в народоправстве, и потому у них счастье и несчастье в жизни считается общим делом».*

В отличии от семейных вопросов — их решали в кругу семьи, или вопросов рода — их решали в кругу родичей, народоправство существовало для решения важных общественных вопросов, касающихся жителей определенной территории.

Думаю, вы не раз слышали слова: скопа, дума, совет, вече, собор.

Что же это такое и какая между ними разница?

Наиболее распространенное название народоправия — вече.

В летописях в разных источниках смысл, вкладываемый в слово «вече» был немного различен. Если взять все источники в целом: вечем собранием называли всякое сборище — будь то народная дума, скопа иди другое собрание.

По территории распространения на всех славянских землях вечевой строй был явлением всеобщим: он не составлял особенности одной какой-либо земли.

Далее по тексту, управление на Руси:

- период родово-общинного стоя (от периода селений — до периода возникновения городов и образования княжеств) — условно назовём докняжеским периодом.

- время существования княжеств — условно назовём княжеским периодом.

- конец эпохи княжеств и начало существования царей — условно назовём царским периодом.

Скопа, дума, совет, вече, собор — все эти названия говорят об одном и том же методе народного управления в разных его формах.

Существованием разных форм обуславливалось изменением образа и уклада жизни в различный промежуток времени, вследствие чего происходило видоизменение метода народоправия.

Упрощенно эволюцию можно представить так: родово-общинный строй (жизнь в родовых поместьях на земле, территориально объединенных в селеньи) — образование крупных селений — образование городов — образование княжеств — образование царства Русского.

Текст Лаврентьевской летописи:»По мнению начального летописца и позднейшего, жившего в конце XII века, вече было всегда: Вече как явление обычного права существует с незапамятных времен…»

Историки часто для различия форм вече в разные временные периоды добавляют приставку — «племенное» вече, «волостное» вече и пр.

С момента образования княжеств вечевое правление стало угасать и фактически как эффективный метод народоправия — исчезать. Всего же элементы народоправия существовали в обществе славян вплоть до конца 16 века.

Народоправие в царский период

В этот поздний период, когда существовало Царство русское, народоправие ещё имело силу, звалось собор — и собирался он для решения самых важных государственных вопросов. Когда надобности в созыве собора не возникало, государь правил тоже не единолично. Текущие вопросы он обсуждал с Боярской Думой, которая являлась законосовещательным органом. Формула любого указа звучала: «Царь повелел, и бояре приговорили».

Начиная с первого царя Ивана Грозного и дальше управление постепенно изменялось в сторону централизации власти. Собор собирался всё реже, права бояр урезались, со временем последние элементы народоправства исчезли и были заменены вертикальным правлением.

Народоправие в княжеский период

Теперь переходим к рассмотрению княжеского периода.

«Новгородцы бо изначала и Смоляне и Кияне и Полочане и вся власти яко на думу на веча сходятся. На что же стареишие сдумають, на том же пригороди станутъ».

По летописям в княжеский период — круг вопросов решаемых вече довольно широк. Прежде всего, это вопросы войны и мира, судьбы княжеского стола и княжеской администрации. Вече ставило и снимало князей, принимало любые другие важные решения — которые безпрекословно исполнялись.

Заметим, что в княжеский период на вече участвовали все взрослые жители города.

В вече не имел разницы социальный статус — участвовали как «низы» общества («люди» по терминологии того времени), составлявшие основную массу участников народных собраний, так и «лучшие мужи».

«Подобно тому, как в эпоху родоплеменного строя народные собрания не обходились без племенной знати, так и в Киевской Руси непременными их участниками были высшие лица: князья, церковные иерархи, бояре, богатые купцы. Нередко они руководили вечевыми собраниями. Но руководить и господствовать — вовсе не одно и то же. :.Древнерусская знать не обладала необходимыми средствами для подчинения вече. Саботировать его решения она тоже была не в силах» (Фроянов И. Я. Указ. соч.)

«Полномочия веча:

- заключение и расторжение договора с князем;

- избрание и смещение посадников, тысяцких, владык;

- назначение новгородских воевод, посадников и воевод в провинции;

- контроль за деятельностью князя, посадников, тысяцких, владыки и других должностных лиц;

- Законодательство, примером которого служит Новгородская судная грамота;

- внешние сношения, решение вопросов войны и мира, торговые отношения с Западом;

- распоряжение земельной собственностью Новгорода в хозяйственном и юридическом отношении, пожалование земель;

- установление повинностей населения, контроль за их отбыванием;

- контроль за судебными сроками и исполнением решений; в случаях, волновавших весь город, непосредственное разбирательство дел; предоставление судебных льгот.»

(Мартышин О. В. Указ. соч.)

Как же современные люди представляют вече?

Стоит упомянуть исторические фильмы, сценарии которых писали люди с хорошим художественными способностями, но слабыми знаниями истории. И посему в фильмах мы видим, при изображении народного вече: толпа людей собралась у возвышения, стоит вопрос выбора кандидатуры, все кричат, и коих людей больше кричащих — того и избирали.

Либо еще один вариант: необходимо решить какой-то вопрос, опять те же декорации — князь, крыльцо, что-то люди покричали, а князь решил.

Парадокс, но то, что показано в фильмах — разновидность демократии, не имеет ничего общего с народоправием Руси. Но данная установка растиражирована фильмами вовсю — от эпизодов с вече в Новгороде, Киеве, так при показе других исторических событий, например, выбор атамана в запорожском казачестве.

Исторические летописи читают лишь особо любознательные, поэтому благодаря фильмам в современном обществе был закреплен данный образ вече — демократия.

Так же частично поддержке данного образа способствуют многие современные ученые.

Несмотря на значительное количество изданных книг — о народных собраниях идёт в основном описательная часть: что вече могло — права вече, какое историческое событие было при том князе; а что там были бояре, кто они, что делали; прочие исторические следствия решений принятых на вече — того сняли, того поставили, упуская как суть собраний, их разновидности — так и саму схему принятия решений.

Парадокс, но написано множество кандидатских, курсовых и рефератов. Вроде информации должно быть много, а фактически все они переповторяют друг друга в той или иной манере.

Есть закономерность — один ученый с регалиями написал какие-то мысли (выдвинул теорию), множество других его повторили. Далее это вошло в норму. Сама схема управления в народоправии в современных исторических трудах не описывается. Открываем книгу современного историка и видим стандартное описание: было народоправие, собирался люд, могли снять князя, могли решать другие важные вопросы.

Всё. Сама схема управления отсутствует.

В обыденном представлении вечевые собрания представляются как своеобразные митинги, на которых решение вопроса определяется силой крика участвующих.

На самом деле, как показывают источники, вече, имело достаточно четкую организацию.

О вечевом собрании 1147 г. у св. Софии упомянутом в Лаврентьевской летописи: *«перед нами отнюдь не хаотическая толпа, кричащая на разный лад, а вполне упорядоченное совещание, проходящее с соблюдением правил выработанных вечевой практикой».*

Давайте немного раскроем суть метода управления.

Управление проходило в 4 этапа: формулировку вопроса, постановку задачи, выбор исполнителя и претворение в жизнь.

В источниках описывается, что на выдвижение актуального вопроса сходились все люди — без разницы по социальному или любому другому статусу. Вече состояло из тех, кто мог прийти на него, то есть в основном жителей города, так как о созыве веча не сообщалось заранее. Фактически они занимались формулировкой вопроса, который необходимо решать.

В то же время на вече, на котором решались (!) эти вопросы мог присутствовать далеко не каждый. На таком вече присутствовали **только мужчины**, достигшие в своей жизни благополучия — от семейной до бытовой сферы.

Корень этого метода вече (почему мужчины и что считалось благополучием) — следует искать в докняжеский период, но о нём чуть позже.

О новгородском вече:

«Довольно любопытной деталью оказывается то, что на вече участники сидели. Многие исследователи полагают в связи с этим, что на вечевой площади должны были стоять скамьи. Точно установив место, где в Новгороде Великом происходили вечевые собрания, современный историк Янин В. Л. провел, так сказать, следственный эксперимент: на вечевую площадь были выставлены скамьи, на которые сели участники Новгородской археологической экспедиции и студенты местных вузов. Оказалось, что при таких условиях на площади могло разместиться не более 300 — 400 человек..»

Заметьте, что 300-400 человек — это количество людей участвовавших в вече на весь крупный город. Сколько же тогда людей участвовали в вече принимающего решения в деревни? Вероятнее всего цифра была значительно ниже.

Приведу цитату из **«История кабаков в России в связи с историей русского народа»** (Иван Прижок, 1868 г.) описывающую старинную жизнь русского народа*: «Русская Земля издавна имела свой наряд, жила по обычаям своих и по закону отцов своих. Ни мужиковь, ни крестьянь тогда еще не было, а были люди — имя, которое досель еще живеть вь южной Руси (люде — народь) — был народь, владевшей землею».*

Обратите внимание по чьим законам жили люди. Не женщин, ни мужей, а именно отцов.

Далее, там же.

«Лучшие мужи держали землю, решали дела общею народною думою: В главе земскаго дела стояли совещательные собрания народа, сельския и племенныя, миры, веча и сеймы:. Расселившись по земле и воде, весь народ, сь примыкавшему к нему инородцами, составляли одну землю, жившими одними и тем же земскими устроемя, но сообразно с местными особенностями. Силой, которая тянула друг к другу отдельных членовь общей русской семьи, было братство, сказавшееся особенно в Новгороде, вь народоправномь характере братчины, в южно-русском обычае побратимства, и в последствии вь браствах южно-западной Руси. Братство, община, дело мирское, громадское, составляли основу жизни; скопь была делом государственным, с целью защиты земли… Общины и миры, города и села сходились на игрища, сбирались на братчины, пиры и беседы, которые по старой памяти, доселе еще именуются у народа почетными и чесными».

Заметьте, что по свидетельству этого историка XIX века — существовало несколько форм народных собраний — миры, веча и сеймы, регулирующие общественную жизнь, скопь же собиралась для военных целей.

Отдельно стоит упомянуть слово «единогласие», которое некоторые историки упоминают рядом со словами «принималось решение» при описывании вечевых собраний.

В их трактовке слово означает: «При постановке решений простого большинства не было достаточно; требовалось единогласие («едиными устами», или «единодушно»).

Под единогласием скрывалось подавляющее большинство, которое могло заставить молчать всех разномыслящих».

Итак, по мнению некоторых исследователей, решения принималось единогласно, т.е. подавляющим большинством.

Мы вкратце рассмотрели вопросы народоправия в княжеский период. Но этот период мало любопытен для изучения, более интересны формы народоправия в докняжеский период.

Народоправие в период родово-общинного строя

Наиболее важный период времени, ввиду того, что от него идут истоки народоправия.

Так же он наиболее сложный для изучения: если о вечевых собраниях княжеского периода можно прочитать в летописях и множествах книг 17xx-18xx годов, то информацию о вече докняжеского периода приходится собирать буквально по крупицам.

Описывая быт полян, летописец пишет: «Полем же жившем особе и володеющем роды своими, иже сее братье бяху поляне, и живяху кождо с своим родом и на своих местех, владеющие кождо родом своим»(«Повесть временных лет») Прим. поляне — люди, жившие в Среднем Поднепровье в районе Киева.

Итак. Перейдем в тот период, когда люди жили на земле, в своих родовых поместьях — объединенных в селенье, и не было тогда еще ни больших посёлков, ни городов, ни государства как такового.

Славяне были объединены общей культурой и жили в традиции. Каждый жил по правде и совести. Общественные же вопросы всего селенья — решало вечевое собрание.

В эту пору мы находим два названия вечевых собраний — совет старейшин и скопь. Фактически и то и другое называется общим словом вече.

Ещё характерная деталь — повествования о вечевом собрании неразрывно идут с упоминаниями «лучшие мужи», «старейшины».

Как происходило вечевое собрание

Представим селенье состоящие из родовых поместий — каждая семья имела свой участок земли, с домом, садом, прочими постройками и насаждениями.

В один из условленных дней собирался народ на общей поляне. Обменивались приветствиями, общались, и так сообща формулировался насущный вопрос для решения.

Например, собрался люд и обсудил, что вот неплохо было бы построить просторный домик на общей поляне — много у нас в селе девушек мастериц, и зимними вечерами, когда собираются они вместе на вышивку и вязание — все уже не помещаются в доме. Значит необходимо построить еще один домик, больше прежнего.

Формулировали вопрос для решения сообща, стало быть, каждый готов вложить свою лепту в это нужное дело.

Сформулированный вопрос для решения записал писарь: *«Ещё один домик на общей поляне, размером чтобы вмещались все мастерицы, чтобы три горницы было большие, скамейки удобные, формой похож на домик в соседнем селеньи, только света чтобы было в горницах чуть больше».*

Далее народ расходился по поместьям — заниматься своими делами.

Далее на копу (скопь) в один из дней сходились лучшие мужи — те, которые мастера своего дела, они умеют и свое дело делать, и семью свою в благополучии держать, дела их не стоят отдельно от слов, результат всем виден, и время есть и на общие дела.

Скопа на основе сформулированного вопроса делала постановку задачи для исполнения и подбирала на неё исполнителя.

Итак, собралась скопа:

«Так, необходимо построить общий дом, больше прежнего. У нас в селеньи 217 поместий, в основном ходят на вечера 25-30 девушек мастериц, максимально 35. Три горницы, чтобы вмещались 10-12 человек в каждой. Дом из дерева, чтобы формой и расположением был похож на дом в соседнем селенье, только окна чуть шире — чтобы света более было.

Кто у нас в селенье самый лучший организатор-строитель? Любодар.

Кто организует поставку дров и прочих необходимостей для дома? Данило и Вернидуб хороши организаторы, но сейчас заняты они, вот Всеслав тоже организатор славный, он как раз свободен. Поручим ему.»

Позвали Любодара и Всеслава.

Любодару говорят, вот необходимо домик построить, как в соседнем селенье, параметры такие (зачитывают постановку задачи). Срок — к осени, начинать через один месяц, закончить через 3. В помощь выберешь себе 12 молодцов, материалами тебя обеспечим. Результат такой — должен был полностью дом готов и всё в нём к концу вересня (дневнеруск. сентябрь).

- Есть ли у тебя желание, время и возможности заняться сим делом?

- «Да, есть, с радостью возьмусь за сие нужно дело», — отвечает он.

- По силам тебе это осуществить в указанный срок? Согласен с условиями?

- «Да», — держит ответ Любодар.

После того как Любодар согласился с условиями и сроками выполнения — ему передают всю полноту ответственности за вверенное ему дело.

Аналогично происходит беседа с Всеславом.

«Берешься ли ты организовать поставку древесины и прочей надобности в течении трех недель. Дерево брать в том-то лесу, 20 молодцев помощников таких-то в селеньи. По силам тебе это осуществить в указанный срок? Согласен с условиями?»

«Да», — держит ответ Всеслав.

Ему передали всю полноту ответственности за вверенное ему дело.

Итак, подытожим: ЧТО делать, в КАКИЕ СРОКИ, какие есть РЕСУРСЫ — скопа выработала постановку задачи и передала на исполнение исполнителям.

Всё, вечевое собрание завершено, скопа расходится.

Этап исполнение задачи

Далее Любодар и Всеслав исполняют вверенные им дела, принимая все необходимые для дела решения, согласно постановки задачи и вверенных им материальных и людских ресурсов.

До момента оговоренного срока (отчета о результатах), ни скопа, ни другие люди из селенья — никто не имеет права указывать исполнителю КАК надо исполнять вверенное ему дело.

Исполнитель сам выбирает методы, форму исполнения, руководит всем процессом.

Любодар пошел в соседнее селенье, посмотрел на домик, обмерял, пообщался со строителями этого дома. Далее он встречается с Всеславом и сообщает о параметрах необходимой древесины и прочих элементов, используемых в постройке дома.

Всеслав обходит по дворам, и с каждого двора у кого сколько есть необходимой величины и т.д. — собирает рубленое высушенное дерево. Далее он с помощью вверенных ему помощников организует: процесс доставки на место постройки дома; процесс вырубки нужного количества леса для возврата жителям селенья; нахождение и доставку других вещей, необходимых для строительства.

Любодар тем временем находит помощников — от плотников до ковалей. Рисует макет, и распределяет обязанности — вверяя ответственным участки работы.

Важная деталь — за один участок работы назначался ответственным один человек. Не было никогда такого, чтобы за одно и тоже дело были ответственны хотя бы двое.

Например, Любодар на исполнение задачи по обтесыванию древесины к нужным размерам нашел исполнителя Ратибора.

Задача Любодара — четко сформулировать задачу, сроки исполнения — и передать Ратибору материальные и людские ресурсы для исполнения (средства для рубки и обтёски да трое молодцев в помощники — Ясногора, Цвитана, Вышеслава).

Ратибор отвечает за выполнение задачи согласно заданию и в условленные сроки.

Далее при необходимости Ратибор распределяет ответственных за направления работы — ты Ясногор будешь обтесывать древесину топором, ты Цвитан — доводить рубанком, чтобы гладенький был, Вышеслав распиливает древесину для лавочек, я (Ратибор) займусь их обтесыванием.

Если же кто-то плохо справлялся с работой — то его журили в своём кругу другие работники. Особо небрежных, ленивых и прочее — выносили на общее обозрение, когда собирался весь люд селенья.

Таким образом осуществлялся процесс исполнения.

Когда проходил момент оговоренного срока отчета по организации материалов — собиралась скопа, приходил Всеслав и держал скопе ответ о выполненном задании.

Аналогично Любодар.

Если человек достиг заданного результата (всё необходимое доставлено, все соответствует параметрам, в срок выполнил) — его хвалили, возможно, делали какие-то замечания на будущую работу.

Если исполнитель не справлялся — то ли некачественно делал, то ли в сроки не успел, то ли вообще не справился за вверенный участок работ — на будущее такому человеку не вверялось дело такого объема.

О плодах выполненной работы потом высказывались на общем собрании селенья.

Рассказывали о вкладе каждого, участвующего в процессе: *«Любодар хорош организатор, все сделал, так как надо, качественно и вовремя».*

Любодар*: «Спасибо за доверие, что вверили мне этот участок работы. Наше общее дело делали двенадцать молодцов. Повествует о участниках. Ратибор хорошо справился с задачей обтесывание древесины к нужным размерам…».*

Ратибор рассказывает о большом вкладе в процесс Ясногора, Цвитана, Вышеслава и как хорошо они выполняли каждый свое дело.

И так людям повествуются о ценном и необходимом вкладе каждого участника в общее дело.

Тех людей, которые хорошо поработали — хвалили.

Если человек справлялся с заданием, но немного небрежно или не так качественно как хотелось бы, то его лишь упоминали при общем отчете — не говоря ни хорошего, ни плохого. Ведь его вклад тоже есть, он старался. Человек сам давал себе оценку и в следующий раз старался лучше сделать.

Порицали лишь лентяев и пустословов.

Если же были такие люди, которые спустя рукава относились к своей части работы, таким образом, подводили других людей — то на общем собрании упоминалось об этом. Но такие случаи были изредка, так как каждый дорожил мнением людей и стремился, чтобы о его имени звучали положительные отзывы.

Святослав СТЕЦЕНКО, forestsvt@gmail.com

Газета «РОДОВОЙ дом», 7(25) 2008 г.

http://gifakt.ru/archives/index/narodopravstvo-na-rusi/

Основные принципы Копного Права

Для многих уже стало очевидным, что демократический политический режим на практике не имеет ничего общего с народовластием и самоуправлением. Нам говорят, что народ является единственным легитимным источником власти, но видим мы совершенно другое.

У нас отняли даже право избирать президента, т.к. имеющие власть сами подбирают кандидатов, а неугодных не допускают к выборам под надуманными предлогами. Это стало возможным только потому, что данная политическая система имеет серьёзные недостатки.

Этих недостатков лишена наша исконно Русская система народовластия - Копное Право.

Благодаря А.Трехлебову, ТВ "Русское Вече" и др. у нас есть общее представление об этой системе, но нужно что-то более конкретное. Давайте попробуем упорядочить информацию. Если я что-то забыл, перепутал или допустил неточность, поправьте в комментариях.

Копа – древнеславянское собрание Сходотаев. Значение понятия Копа можно выявить из слов: **скопом, совокупность, скопище, копна, докопаться (до истины)** и т.д.

В Копу входили от четырёх до девяти близлежащих сёл, Сходотаи которых собирались в особом месте – **«местечке»,** отсюда название главного села – **местечко, мисто**. Со временем местечко перерастало в город, который сохранял за собой Копное Право, а жители звались **мещанами**.

Численность Копы колебалась от 100 до 300 человек. Копа собиралась у одного из сёл общины, место сбора называлось **КОПовище, КОПище, КАПище**. Занималась решением спорных вопросов и других дел под открытым небом.

Копа собирается на совещание, т.е. на **Вече** (отсюда слова – вещий, вещать, извещать).

Копными мужами имеющими право управления другими и выбора властей (право голоса) могут быть:

1. Русы и коренные, а также Русские, приравненные к Русам и коренным решением Копы за особые заслуги. Десятниками и выше могут быть ТОЛЬКО Русы и коренные.
   Русские - это дети Русских матерей от нерусских отцов, выросшие в России, воспитанные по Русски и желающие стать Русами.
   Копными мужами не могут быть Русы, коренные и Русские имеющие еврейских жен.
   Коренные - народы исконно живущие на территории Руси (России), не путать с РФ, не имеющие своих государств за её пределами, не желавшие ранее и не желающие сейчас выйти из состава России.

2. Мужчины имеющие семью и детей или потерявшие их в результате не своей вины.

3. Живущие за счет своего непаразитического труда.

4. Живущие в личном жилье.

5. Не имеющие алкогольной и наркотической зависимости.

6. Не имеющие психических заболеваний.

7. Не имеющих криминальной истории как минимум 10 лет.

8. Живущие на данной территории более года.

9. Активно участвующие в деятельности Коп и неукоснительно выполняющий все её решения.

10. Имеющие личное оружие, готовые и обученные применять его для защиты семьи и Народа.

Каждая Копа выбирает копных мужей на должности для представления своих интересов на более высоком уровне:

десятник - от 10 дворов (семей);

сотник - от 100 дворов, выбирают десятники;

тысячник - от 1000 дворов, выбирают сотники.

Десятник выполняет наказы своей десятки и не может принимать решения, которые противоречат интересам десятки. Все десятники должны находить общее решение, которое учитывает интересы их десяток. Сотники принимают наказы от десятников и т.д. Если десятник совершает ошибку, его десятка в праве переизбрать эту должность. Десятники могут переизбирать сотников и т.д.

На Вече собираются представители Коп в зависимости от уровня вопроса. Решения принимаются только единогласно на основе справедливости и здравомыслия. Необходимо находить такое решение, которое устраивает всех. Если кто-то из представителей Коп (десятник, сотник...) препятсвует принятию решения и при этом по мнению других сходотаев противоречит справедливости и здравому смыслу, сходотаи ставят в известность об этом Копы, избравшие представителя и рекомендуют его переизбрать. Присутствуют на Копе и старцы, мнение которых спрашивают, когда нужно вынести приговор на основании давних решений: они не имеют права голоса на Копе, но их советы могут иметь решающее значение.

Для защиты своих земель от внешнего врага и поддержания должного порядка внутри страны из представителей самых влиятельных и крепких родов потомственных воинов, которые составляли Честь и Славу нашего Отечества, сотниками на Руси выбирались князья. На Всеземском Соборе из достойнейших князей выбирался монарх – глава всей страны – Великий Стольный Князь Всея Руси.

Каждый славянин, столкнувшись с какой-либо несправедливостью, нарушением обычая или копного права, обязан приложить все свои силы для пресечения и устранения этого нарушения. Если он этого не делал, то считается соучастником преступления, свидетелем которого был, и несёт за это полную ответственность наравне с нарушителем.

Использованные материалы:

- А.Трехлебов (http://www.youtube.com/watch?v=1B7mCEVrCVQ)
- http://russkoeveche.org/
- http://aum108.ru/publ/slavjanskie_znanija/slavjanskij_slovar_a_v_trekhlebova_2/21-1-0-246
- http://rodobozhie.ru/publ/Инглiизмъ/kopnoe_pravo_na_rusi/3-1-0-861

- http://rodovoidom.info/stat/25/narodopravstvo.php
- http://www.darislav.com/obschestvo/198-2008-11-12-12-19-50.html

http://slavkrug.org/narodopravie-kopnoe-pravo/osnovnye-principy-kopnogo-prava.html

Копное и вечевое мироустройство на Руси

http://posovesti.su/

В нынешней тревожно-трагической общественной ситуации русские люди ищут способы физического самосохранения и возрождения своей духовно-культурной самобытности.

Нам нужны новые идеи, идеалы, герои, обычаи и праздники, новая модель справедливого жизнеустройства общества, ни коим образом не похожая на сегодняшний толпо-элитаризм, навязанный нам Западом.

Мы отчётливо видим, что хвалёная демократия западного образца – это вовсе не народное правление, а технология обмана простолюдинов. Во время выборов властных структур мы наблюдали хорошо срежиссированный спектакль, театр, блистательную показуху, аморальную и антинравственную по своей сути.

Нынешние «демократические» выборы – это всего лишь купля-продажа, пустые посулы, корыстная и бессовестная игра в заботу о народе.

Не будем перечислять несчастья, проблемы, несправедливости, навалившиеся на головы славян в XXI веке, все мы их хорошо знаем. Но может ли быть иначе, если уже много веков мы живём не по своим исконным законам, а по римским и византийским, рождённым в недрах рабовладения с его антигуманизмом и презрением к человеку-труженику.

Зададимся вопросом – существует ли альтернатива знаменитому Римскому праву, широко используемому на протяжении многих веков европейскими государствами? Существует.

Это **народное славянское Копное и Вечевое право, прямое народовластие или народное самоуправление,** тысячелетия бытовавшее в славянских землях и сохранявшееся на Руси до XVII века.

Копное право – это совокупность народных юридических норм и обычаев, вобравшая в себя принципы общинности, взаимопомощи и взаимовыручки соотечественников.

К сожалению, из официальных письменных источников известно о древнем славянском праве совсем немного. Тысячи документов и книг, содержащих сведения о нём, были уничтожены рьяными христианизаторами Руси, заинтересованными в том, чтобы славяно-русы забыли свои исконные справедливые общественные порядки.

Чужая рабская идеология была навязана нашим предкам тысячу лет назад так же, как навязывается она нам сегодня. Однако всё же сохранившиеся и чудом дошедшие до нас письменные источники (русско-византийские договоры X-го века, записки арабского путешественника Ибн-Руста и арабского писателя аль-Марвази, произведения византийских авторов Льва Диакона и Константина Багрянородного, западноевропейские хроники, трактаты и анналы и др.) дают нам возможность реконструировать правовую жизнь наших предков (пусть пока не во всех подробностях), восстановить картину корневого славянского мироустройства.

Изучать Древнерусское право нам помогают также работы ректора Киевского университета **Н.Д. Иванишева**, жившего в середине XIX века. Замечателен и поистине бесценен для нас его труд **«О древних сельских общинах юго-западной России**». К счастью, его и сегодня можно найти в крупных библиотеках страны. Иванишев исследовал основные принципы славянского права в сельскохозяйственных общинах Малороссии, изучая многие тома древних актовых книг. Немало интересных и ценных фактов можно найти и в книге русского историка **Н.П. Павлова-Сильванского** (1869-1908 гг.) **«Феодализм в Древней Руси»**, изданной в конце XIX века.

Приверженец «арийской» теории происхождения славянской общины, он доказал глубокую её древность, показал борьбу бояр с общиной, подчинение общины княжеской и боярской власти. Следы Копного права можно найти в «Правде Русской», письменном своде законов, появившемся на Руси во времена Ярослава Мудрого. Из него мы узнаём о вечевом правлении на Руси. Бытописания казачьих общин, где существовало народное Копное право, также помогают нам в исследовании отечественной правовой темы.

Копа (купа) – это народное собрание лучших представителей родов и семей – сходатаев, домохозяев, решавших жизненно важные для славянской общины вопросы. У сербов народное собрание и сейчас называется **«скупъ»,** а высшим законодательным органом Сербии является **«Народна скупштина (скупщина)».**

Даже не языковеды и не лингвисты видят, сколь близки по смыслу однокоренные слова **«копа», «скопище», «копить», «копна», «совокупность».** Другое название копы –

«громада», сохранилось поныне в украинском языке и означает оно «общество», «государство».

Участвовали в этих собраниях оседлые домохозяева - сходатаи, имевшие собственность, наделы земли, семью и хозяйство. Их называли также **«судьями копными», «мужеве», «обчие (общинные) мужи»**, в Малороссии бытовало название **«панове-мужове».**

Приглашались на копу и люди из трёх селений соседней общины (по одному или два).

Назывались они **«сторонние», «сугранычные»** или **«соседи околичные».**

Присутствовали здесь и старцы. Они не имели права голоса, но их мнение уважалось, к их советам прислушивались. Женщины на народное собрание, как правило, являлись лишь по специальному приглашению для дачи свидетельских показаний.

Собирались сходатаи в центре одного из сёл, входивших в общину, или в дубраве, священной роще под открытым небом. В таких местах всегда были естественный или насыпной холм и река или озеро. Назывались места народных собраний **«копищами»** или **«коповищами».** Народ на собрание созывался возжиганием костра или звоном колокола (била).

На копе решались самые разнообразные житейские вопросы – земельные, лесные, сельскохозяйственные, строительные, торговые, уголовные, семейные, бытовые и другие. Народное собрание искало, судило и наказывало преступников, возвращало обиженному отнятое. Здесь поощрялось искреннее публичное раскаяние нарушителя законов и прощение пострадавшим обидчика. Выслушивалась и учитывалась последняя воля наказуемого, прощались смертельно раненные. Сходатаи старались примирять спорящих. Дела общинников разбирались по совести.

Решения копы уважались всеми членами общины и выполнялись беспрекословно.

Нарушения Копного права были крайне редки. Если таковые случались, то воспринимались как чрезвычайные происшествия. Каждый, столкнувшись с нарушением народных обычаев, должен был пресечь его. В противном случае такой человек считался соучастником проступка или преступления и наказывался по закону. Для всякого славянина мнение копы было высшим духовно-нравственным ориентиром.

Существенным отличием копы от прочих сходок, проводимых в последующие века собраний, совещаний, конференций и съездов был принцип единогласия. Здесь принимались такие решения, которые устраивали всех присутствующих. Славяне умели договариваться друг с другом. Это наводит на мысль, что они обладали высокой духовной культурой и нравственностью. Формы принятия решений большинством голосов, как это было в более поздние времена и бытует по сей день, не существовало.

На собрании устанавливалась круговая порука, то есть вся община отвечала за проступки своих членов, а также ручалась за безопасность жизни и имущества как своих общинников, так и пришлых. Благодаря Копному праву в славянских общинах была высокая рождаемость, население быстро восстанавливалось после войн и эпидемий, воспитывались воины-патриоты, поддерживалась экология поселений и их окрестностей, охранялись и восстанавливались леса.

На копе при бурном и эмоциональном обсуждении проблем и вопросов проявлялись лучшие качества славян – искренность, честность, бескорыстие, прямота, храбрость и благородство. Собрания принимали форму публичной исповеди, души людей очищались от корысти, зависти, иных индивидуальных пороков. *Общественные интересы ставились выше личных,* торжествовал закон справедливости. Дела и поступки общинников подвергались строгому контролю. Для многих славян копа была школой жизни и университетом нравственности.

Народ выбирал от десяти дворов десятского, от ста дворов – сотского. Сами общины назывались **«сотнями».** В Новгороде названия **«сотня», «сто»** за городскими общинами утвердились очень рано. Сельские же назывались в основном **«погостами».** В других местах (во Владимирской и Волынской землях) «сотнями» назывались сельские, а не городские общины.

Десятские и сотские наблюдали за экологией сёл, ведали бытовыми и земельными вопросами, следили за общественным порядком на улицах и торгами на базарах, отвечали за пожарную безопасность. Сотский наделялся полномочиями выносить указы об имущественных и телесных наказаниях правонарушителей, решал вопросы строительства общественных зданий, выдавал разрешение на проживание пришлым людям и пленным инородцам.

Для защиты своих земель от врага славяно-русы выбирали князей, чаще из крепких родов потомственных воинов. (Выборность князей существовала до VIII-IX веков, сохранившись в последующие века лишь при вечевых порядках). Князь набирал себе дружину из самых храбрых и сильных общинников. На их содержание, на строительство пограничных застав и оборонительных линий копа выделяла десятину (десятую часть дохода домохозяев). Если требовалось срочно построить военно-оборонительные объекты, делалось это добровольно и сообща всеми мужчинами общины. В военные времена всё мужское население общины, способное носить оружие, становилось воинами.

В системе древнеславянского самоуправления все общественные должности были выборными (как правило, на короткий срок). Каждое избранное народом лицо в случае невыполнения или недобросовестного выполнения возложенных на него обязанностей немедленно переизбиралось или наказывалось материально. Таким образом, общество всегда оставалось здоровым и подвижным, самоочищалось от недобросовестных, безответственных, ленивых или некомпетентных общественных руководителей.

Многие века народное право славян передавалось в семьях из поколения в поколение, по наследству, устно. Записываться народные юридические нормы стали лишь с проникновением на русские земли феодализма.

Некоторые исследователи называют свод правовых установлений славяно-русов **«Поконом (Законом) Русским».** Он действовал на Руси с V – VI веков и упоминается в договорах с Ромеей (Византией) 911 и 944 годов.

Называли его в старину **«Устроение отне и дедне».** В эпоху общеславянского единства в древнеславянском языке возникли и утвердились слова «суд», «закон», «право», «правда», «вина», «казнь» и др. «Закон (Покон) Русский» пришёл в Среднее Поднепровье в IX веке вместе с балтами и карпатскими русами и стал общим для населения Киевской земли.

Это была правовая основа русских общин, существовавших от Балтики до Чёрного моря. В Среднем Поднепровье нормы этого законодательства работали больше в пользу русичей, чем славян (славянам, например, было отказано в праве кровной мести). Многие славянские племена во времена князя Игоря жили «каждо своим обычаем» согласно своим собственным порядкам. «Закон (Покон) Русский» не знал свободы как абстрактного понятия, как абсолютной моральной ценности. Принималась в расчёт лишь свобода конкретного лица или группы лиц.

Всяк знай своё место – главная мысль древнерусского родового права. При рассмотрении дел эта правовая система не учитывала имущественный статус тяжбующихся, перед Законом все были равны в равной степени.

Постепенно «Закон Русский» и Славянское право срастались и в таком виде вошли в «Правду Русскую», защищавшую уже не интересы самого народа, а нарождающихся на Руси

сначала боярского, а затем помещичьего и дворянского кланов. После христианизации славяно-русских земель многие положения «Покона» были отброшены и забыты.

Наши предки серьёзно и уважительно относились к своему народному праву. Об этом говорят их клятвы – русичи клялись богами и на оружии, славяне на оружии не клялись. Они подавали правой рукой клок своих отрезанных волос (как символ того, что они клянутся собственной головой). Иногда волосы заменяли пучком травы, как бы призывая в свидетели мать-сыру-землю, подательницу жизни и силы. Иногда на голову клали кусок дёрна или целовали землю. Символично это означало, что боги присматривают за людьми.

Законодательные новшества, привозимые на русские земли с иных территорий, приживались у наших предков с большим трудом. Ибо ценилось и уважалось всё отнее (отцовское) и деднее (дедово).

Охраняя жизнь славяно-русов, их достоинство, земли, здоровье и собственность, Закон тех времен был весьма суров к его нарушителям. На провинившихся накладывались крупные штрафы. Например, за удар соотечественника тупой стороной меча или бытовым предметом обидчик должен был платить пострадавшему 1,5 кг серебра. В «Законе Русском» существовало два суровых, но справедливых вида наказания: конфискация имущества и смертная казнь.

Существовавшая на тот момент кровная месть регулировалась принципом талиона: наказание должно было быть соразмерно ущербу от преступления. Но право кровной мести давалось родственникам пострадавшего только после судебного разбирательства. Братоубийство в древнем народном праве не прощалось. (Становится понятно, почему киевский князь Владимир, убивший своего кровного брата Ярополка, в свою пользу поменял сварожичам веру, а вместе с ней и юридические законы. Хотя были и другие причины личного характера).

В XI-XII веках в Киеве процветали братины – цеховые объединения русских ремесленников. Братина имела свой дом для собраний и выборные органы самоуправления. Возглавляли их избранные народом старосты (старшины). Члены братины были поголовно вооружены и спаяны железной дисциплиной. Часто они успешно противостояли давлению бояр и князей. Последние вынуждены были считаться с трудовым людом, сдерживающим их корыстные аппетиты. Подобные братины существовали и во Владимире, и других русских городах.

На рубеже VIII-IX веков в славянских землях уже происходила консолидация земель в Союз племён, имевший протогосударственную форму правления. Наиболее известным и влиятельным из племенных союзов был Союз словен Ильменских. В 60-е годы IX века появилась племенная конфедерация, которая приобрела качество государственного образования – Новгородская Русь, Держава Рюрика.

Насильственная христианизация славяно-русов привела к утрате славяно-арийской правовой культуры, уничтожила сложившееся за тысячелетия мировоззрение. В эпоху крещения Руси в чужую веру между русскими князьями участились и ужесточились усобицы, разрушавшие славянское единство.

Несмотря на жестокую, насильственную христианизацию славяно-русов, принесшую на Русь чужие права и законы, народное Копное право продолжало упрямо существовать почти во всех славянских землях. Однако сюда всё агрессивнее стали вползать чужеземные **Посполитое (польское) и Магдебургское (немецкое)** права.

В новых, заимствованных на Западе порядках были заинтересованы зажиточные горожане, князья, бояре, позже – богатые помещики. Именно они были первыми ярыми гонителями копы как выразительницы народных интересов. Многочисленные нарождающиеся князья боролись и с сельскими копами, и с городскими. Некоторые слишком

самостоятельные и непослушные города уничтожались князьями огнём и мечом. Но они вновь возникали из сельских общин благодаря росту населения и развитию ремёсел. Во многом благодаря Копному праву они наполнялись новой жизненной силой. Несколько столетий всё усиливавшаяся княжеская власть, уже передающаяся по наследству, боролась с народной копой.

Со временем, принявшие западные юридические новшества жители городов перестали являться на копу. К таким городам автоматически приписывались окрестные (околичные) сёла, в них стал нарастать произвол помещиков. Крепостное право (чудовищно-людоедское изобретение российских феодалов и их покровителей – царей Романовых) способствовало перерождению копы в сельский суд, на котором присутствовало по одному сходатаю от каждого села. Фактически сходатаи уже не могли противостоять натиску алчных и становящихся всё более наглыми помещиков, которым было разрешено даже безнаказанно калечить своих крестьян. Случались и убийства.

На стороне помещиков всегда были попы и урядники. Поэтому сходатаи уже не могли доказать свою правоту и влиять на исход решений собрания. Часто помещики просто уводили своих крестьян с копы, а в XVII веке в открытую стали запрещать крепостным крестьянам посещать коповища.

Не являлись они на копу и сами. Всё стало делаться так, чтобы народовластие, самоуправление на Руси снизошло на нет.

Народное право подвергалось нападкам не только многочисленных удельных князей, но и христианской церкви, которая с годами становилась всё более богатой и агрессивной (что, впрочем, повторяется в наше время). От новых европейских законов выигрывала лишь кучка богатеев, чаще всего жуликов, казнокрадов и негодяев, жиревших за счёт людей-тружеников.

Однако копа не сдавалась. Убить её было не так-то просто. Пассионарность славяно-русов многие века оставалась достаточно высокой. Древние актовые книги сообщают нам, что в 1602 году на некоторых славянских территориях Копное право ещё жило и действовало. Уголовные дела обсуждались прямо на месте преступления – в дубраве, бору, у реки или под горою. Часто ограбленный или обиженный селянин сам разыскивал своего шкодника, собирал на него улики, расспрашивал людей. Это предварительное расследование называлось «обыск». Если истец не мог разыскать своего обидчика, он требовал собрать копу. Жалобу истца сходатаи слушали молча, не перебивая его. Истец мог созывать копу трижды.

Когда приходилось решать земельные проблемы, сходатаи собирались на спорной земле. Если помещик причинял кому-либо вред, его вызывали на копу для разговора. Помещика вызывали на собрание трижды. Если он не являлся на третий раз, копа производила расследование и принимала решение самостоятельно. Приговор народного суда назывался **«выпалязокъ», «усказанье», «знайденье копное»,** иногда **«высказанье копное».**

В позднейших актах употреблялось словосочетание **«декрет копы».** Если ответчик мирился с истцом, его прощали.

Долгое время сильные русские города наподобие Пскова и Новгорода назывались свободными и вольными именно потому, что жили по законам древнего славяно-русского права, сохраняя арийскую правовую культуру.

Копное право легло в основу **Вечевого права**, действовавшего на Руси в начале Средневековья. (В переводе со старославянского **«вече»** означает **«совет»).** В летописях вече упоминается в Южном Белгороде (997 г.), Великом Новгороде (1016 г.), Киеве (1068 г.).

Однако вечевые собрания горожан происходили и ранее. Русский, советский историк И. Я. Фроянов считал, что в конце I тысячелетия – начале II тысячелетия н. э. вече было высшим правящим органом во всех русских землях, а не только в Новгородской республике.

Представители знати (князья, бояре, церковные иерархи) руководили этими могучими собраниями, но не обладали достаточной силой, чтобы саботировать решения народа или подчинять его действия своей воле.

На вече обсуждался широкий круг вопросов – заключение мира и объявление войны, распоряжение княжеским столом, финансовыми и земельными ресурсами. Заключались и расторгались договора с князьями, контролировались действия князей, посадников, владык и других должностных лиц, избирались и смещались владыки, посадники, тысяцкие, назначались воеводы и посадники в городе и окрестных селениях, устанавливались повинности населения, решались земельные вопросы, утверждались правила торговли и льготы, контролировались судебные сроки и исполнения судебных решений.

Вече было механизмом сглаживания социальных противоречий наших предков. Однако возникавшая с веками социальная неоднородность древнерусского общества всё больше делала народные демократичные вечевые сходы подконтрольными боярской аристократии.

Уже в XII—XIII веках не только в Новгородской республике, но и в других русских землях, земская знать в значительной мере подчинила своей воле вечевые собрания. Иногда на городских вечевых сходах случались кулачные бои (на сельской копе такого никогда не было). Это происходило в тех случаях, когда одной из боярских группировок требовалось протолкнуть выгодное для неё решение.

Но бои эти были не обычными уличными драками, они корректировались определёнными правилами судебного поединка. В XII-XIII веках новгородцы вели себя столь буйно, что князья отказывались к ним ехать. В XIV веке вечевые страсти в Новгороде стали несколько утихать. По сути, со временем вече стало проводником воли бояр, оформленной как воля народа, своеобразным компромиссом между т.н. элитой и простым людом.

Вечевое правление продержалось в Новгороде до середины XV века. Этот действительно великий город был одним из последних оплотов самоуправления и народовластия в уже феодальной России. После насильственного захвата московскими князьями-царями Великого Новгорода и Пскова в этих землях стали исчезать вечевые порядки. Более слабые и менее организованные русские города сдались **Посполитому** или **Магдебурскому** юридическим нормам значительно раньше.

Значение народного права на Руси угасало по мере развития феодализма. Когда царский режим дал помещикам полную волю и неограниченные права, народные юридические обычаи окончательно утратили свою силу. Хотя элементы Копного права некоторое время сохранялись в среде казаков. Наиболее ярко народное право проявлялось в Запорожской Сечи. Именно казаки и пронесли через века **«звычай права нашого копнаго».**

Ещё в начале XX века в России употреблялось слово **«волость».** Оно появилось на Руси в X веке и тесно связано с Копным правом. Волость образовывали сельские общины, управляемые копой. На волостной копе выбирались: **правление, старшина (староста), суд, писарь, челобитники** (**ходатаи** по общественным делам в стольный град). В обязанности правления входило ведение книг, где фиксировались решения собраний, сделки, торговые и трудовые договоры.

На собраниях председательствовал старшина. В его обязанности входило хранение архивных документов (постановлений, грамот, расписок и т.п.), привлечение к ответу любого селянина, оглашение постановлений копы по уголовным делам. Старшина строго следил за соблюдением народных законов. Он был связующим звеном между домохозяевами и

удельным князем, перед которым ходатайствовал за интересы народа. Чтобы сгладить конфликты между князем и общинниками, разъяснял непонятливым княжеские требования и решения.

Старшина отчитывался за свои дела перед сотским, сотский – перед десятским, десятский – перед домохозяевами. Каждый из избранников народа, лишившись его доверия, в любой момент мог быть отстранён и переизбран. Однако случалось такое весьма редко, так как общественным доверием в те времена дорожили.

С приходом в Новгород Рюрика княжеская власть на Руси стала передаваться по наследству. Славно-арийская выборная управленческая культура стала утрачивать своё значение.

Князем (а позднее – царём) становился не более достойный (сильнейший, умнейший, храбрейший и т.п.) представитель народа, а любой бездарный, немощный и даже психически неполноценный отпрыск правящей династии. Происходило отчуждение властных структур от народных интересов (что мы воочию наблюдаем и сегодня).

К XVII веку мы уже имели окончательно устоявшуюся монархию, где ни о каких народных правах не было и речи.

Новый всплеск и возрождение народовластия, но уже в трансформированной форме, произошли в советское время. Однако, в конце XX века, не без помощи того же Запада, мы утратили и Советы.

Не будем впадать в крайности и идеализировать Копное и Вечевое мироустройство на Руси. Конечно, были у наших предков свои проблемы и сложности. Но наверняка такого беспредела и античеловечности, какие царят в нашем обществе сегодня, у русичей и славян не было.

Думается, что мироустройство их общества было куда разумнее, справедливее и нравственнее нашего. Общинность (в XX веке – коллективизм) – дело великое. Утрачивая его, мы, потомки славяно-русов, утрачиваем себя, свою самобытность, духовную культуру, свой морально-нравственный стержень, свою уникальную душу. Чем раньше мы осознаем это, тем больше шансов на то, что Новая Русь в XXI веке не только выживет, но и поднимется до уровня ведущих держав мира.

Естественно, сегодня мы не сможем (да это и не нужно) во всей их полноте и аутентичности перенести законы Копного и Вечевого права на современное общество. Но взять лучшее из глубины веков, из честной и справедливой системы прямого народовластия мы не только можем, но и обязаны.

С тем, что нынешнюю паразитическую систему народного оболванивания надо менять, согласится всякий здравомыслящий человек. Как это сделать технически – другой вопрос. Сейчас мы знаем одно – русским людям необходимо вернуть прямое народовластие. В самоорганизации – наше спасение. Не насилие власти сверху, а её самостоятельное формирование снизу. Только так можно обеспечить достойную жизнь нашим соотечественникам в XXI веке.

Впереди – время славянской цивилизации (как бы она ни называлась). А сегодня русским людям надо выходить из состояния тысячелетнего библейского рабства и холопства перед Западом.

Рабовладельческому, феодальному, криминально-капиталистическому духу – нет!

Общинному (коллективистскому) славяно-русскому духу, миру – да!

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1.Цветков С.Э. «Русская история» в 4-х томах, М, «Центрполиграф», 2006

2. Прищепенко В.Н «Страницы русской истории» в 2-х томах, М., Профиздат, 1998

3. Гумилев Л.Н. «От Руси до России», М., Хранитель, 2006

4. Иванишев Н.Л «О древних русских общинах юга Руси», С-Пб., 1857

5. Павлов-Сильванский Н.П. «Феодализм в Древней Руси», М., Наука, 1988

Смотреть видео

Акт 8 Міръ. Общество: Очень хочется снять кино без слов. Молча. И чтобы всё было понятно. Вернее - чтобы все всё поняли правильно. В природе общение осуществляется образами. Мы же утратили единое восприятие образов, и стали пользоваться словами. Слов теперь много. А качество общения всё ухудшается. И чтобы его восстановить, без слов теперь не обойтись. Но как говорится, - клин клином вышибают. Продолжим возвращать словам изначальные образные смыслы.

«Нет ничего неправильнее несовершенства» - заметил знаменитый Тонино Гуэрра. То есть, совершенство правильно. А что такое совершенство? Это когда в полной мере совершено то, что задумано. Воплощённая идея. И если мы соглашаемся с совершенством Создателя, то можно принять за эталон и всё изначально созданное по его образу и подобию.

Сегодня принято считать, что демократия наилучшим способом позволяет решать общественно-политические задачи. Мы активно используем этот термин, но что это такое никто толком определить не может. Чем, скажем, демократия в Англии, с конституционной монархией и судом присяжных, отличается от демократии в странах с президентским правлением, или в пятой по счёту французской республике? Везде демократия. Но готовы ли вы назвать хоть одну страну, где власть действительно принадлежит народу? А может демократия это просто виртуальная крыша, удобная для разного рода корыстных манипуляций?

Игры Богов. АКТ 8.1 - МЇРЪ, ч.1

http://www.youtube.com/watch?v=Iajrlqv9aes

Игры Богов. АКТ 8.1 - МЇРЪ, ч.1

http://www.youtube.com/watch?v=1MeqyLcDJlk

Скачать с торрента

http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=4033013

Николай ИВАНИШЕВЪ

О ДРЕВНИХЪ СЕЛЬСКИХЪ ОБЩИНАХЪ ВЪ ЮГОЗАПАДНОЙ РОССIИ

КIЕВЪ
В тип. Федорова и Мин.
1863

Въ отношенiи къ составу, сельскiя общины югозападной Россiи являются въ различныхъ формахъ. Одно многолюдное селенiе могло составлять отдѣльную общину. Такую общину составляло село Богуринское въ Луцкомъ повѣтѣ, принадлежавшее нѣсколькимъ помѣщикамъ [1].

Но общины, состоявшiя изъ одного селенiя, встрѣчаются рѣдко; большею частiю онѣ заключали въ себѣ нѣсколько, отъ четырехъ до девяти, сосѣднихъ селенiй [2]. Одно изъ селенiй, составлявшихъ общину, служило центральнымъ мѣстомъ, въ которомъ собирались крестьяне на вѣче. Частое стеченiе народа въ это селенiе развивало городскiя отрасли промышленности, ремесла и торговлю. Тогда селенiе обращалось въ мѣстечко или городъ; жители его получали званiе мѣщанъ, но по прежнему принадлежали къ общинѣ, состоявшей изъ мѣстечка или города и сосѣднихъ селенiй. Когда мѣстечку или городу, составлявшему центръ сельской общины, предоставлялось магдебургское право, то городское народонаселенiе отдѣлялось отъ общины, составляло отдѣльную корпорацiю, учреждало особенное управленiе, основанное на избирательномъ началѣ, и освобождалось отъ участiя въ сельскихъ народныхъ собранiяхъ. Въ слѣдствiе такого отдѣленiя самой богатой части народонаселенiя, сельская община слабѣла; но связь между селенiями, ее составлявшими, не прекращалась. Можно полагать, что такимъ способомъ отдѣлился городъ Луцкъ отъ своей общины; потому что, не смотря на право магдебургское, которымъ пользовался этотъ городъ, предмѣстье его Окопища все еще продолжало сохранять связь съ селенiями: Вышками, Жидичиномъ, Теремнымъ, Яровицами, Дворцомъ и Липлянами, и составляло съ ними одну общину [3].

Селенiя, составлявшiя общину, назывались ***селами околичными***. На какомъ основанiи и въ какое время возникла и утвердилась между ними общинная связь,опредѣлить трудно. Этотъ вопросъ можно будетъ рѣшить тогда, когда будутъ открыты болѣе древнiе акты. Въ памятникахъ письменнаго законодательства, дошедшихъ до насъ, нѣтъ объ этомъ никакихъ постановленiй. Крестьяне иногда жаловались въ урядѣ, что нѣкоторыя селенiя, состоя съ ними въ одной общинѣ, уклоняются отъ исполненiя общинныхъ обязанностей; но связь между селенiями крестьяне доказывали не законами и не договорами, а одною только давностiю: «они издавна съ нами о шкоды вшелякiя схоживалися» [4].

Каждому селенiю принадлежало пространство земли, опредѣленное точными границами. Это необходимо было особенно потому, что, въ случаѣ преступленiя, отвѣтственность, прежде всего, падала на то селенiе, на земляхъ котораго находимы были улики. Совокупность земель, принадлежавшихъ такимъ селенiямъ, составляла округъ сельской общины. По присоединенiи древнихъ областей югозападной Россiи къ Литвѣ и Польшѣ, общинныя земли частiю присоединены были къ королевскимъ имѣнiямъ, частiю розданы

помѣщикамъ, городамъ, церквамъ и монастырямъ; поэтому сельскія общины, въ томъ видѣ, какъ онѣ изображаются въ открытыхъ нами актахъ, не имѣли права собственности на земли, ими занимаемыя. Впрочемъ, каждый крестьянинъ отдѣльно могъ пріобрѣтать поземельныя участки, и владѣть ими на правѣ полной собственности.

Сельская община состояла изъ всѣхъ лицъ простаго сословія (люди простого стану), имѣвшихъ постоянную осѣдлость въ ея округѣ. Сюда относились: крестьяне королевскіе, помѣщичьи, монастырскіе и церковные, сельчане, или свободные поселяне (мѣщане, не пользовавшіеся правомъ магдебургскимъ. Сверхъ того, къ общинѣ принадлежали также земляне королевскіе, то есть, безземельные шляхтичи, которые получали во владѣніе участки королевскихъ земель, подъ условіемъ исполнять опредѣленныя, преимущественно военныя повинности.

Исчисленныя нами общины находились только въ двухъ повѣтахъ: Луцкомъ и Владимірскомъ, но изъ Статута Литовскаго видно, что это установленіе распространено было по всей Руси и въ другихъ мѣстахъ; а Русь, въ тѣснѣйшемъ смыслѣ составляли воеводства: Волынское, Подольское, Бельское и Русское, къ которомупринадлежали земля Львовская, земля Саноцкая, земля Галицкая и земля Хелмская. Сверхъ того, изъ актовъ видно, что сельскія общины существовали и въ воеводствѣ Кіевскомъ.

Главная цѣль соединенія селеній въ общины состояла въ томъ, чтобы предупреждать нарушеніе законовъ, открывать и преслѣдовать преступниковъ, судить и наказывать ихъ, наконецъ присуждать и доставлять обиженному вознагражденіе. Каждое селеніе порознь и вся община вмѣстѣ отвѣчали за проступки всѣхъ своихъ членовъ. Въ предѣлахъ своего округа, община ручалась за безопасность жизни и имущества какъ своихъ собственныхъ членовъ, такъ и пришельцовъ. Мы говоримъ здѣсь о сельской общинѣ, какъ она является въ открытыхъ нами актахъ XVI и XVII вѣка; во времена болѣе отдаленныя, она могла имѣть болѣе обширный кругъ власти и отвѣтственности.

Каждая сельская община имѣла свои народные собранія для совѣщаній и для рѣшенія дѣлъ, подлежавшихъ ея вѣдомству. Такое народное собраніе называлось ***копа*** или ***купа***, также ***громада***, ***великая громада***. Совѣщаніе народнаго собранія называлось ***вѣчемъ***: копа собиралась на вѣче, то есть, для совѣщанія [5]. Изъ этого видно, что вѣча, о которыхъ упоминаютъ наши древнія лѣтописи, не были исключительною принадлежностію городскихъ общинъ, но они принадлежали и сельскимъ общинамъ. Слово вѣче встрѣчается только въ древнѣйшемъ изъ открытыхъ нами актовъ (1564 Апрѣля 18); въ позднѣйшихъ актахъ употребляются слова ***купа***, ***копа*** и ***громада***; въ актахъ XVII вѣка слово копа исчезаетъ и употребляется вездѣ слово громада.

Не всѣ лица, принадлежавшія къ сельской общинѣ, составляли народное собраніе и участвовали въ его совѣщаніяхъ; это право предоставлялось однимъ только домохозяевамъ, имѣвшимъ постоянную осѣдлость. Ихъ сыновья и братья, не имѣвшіе отдѣльныхъ хозяйствъ, а также женщины, являлись въ собраніе только по особому требованію копы и при томъ не для совѣщанія, а только для свидѣтельскихъ показаній [6]. Копа иногда поручала домохозяевамъ допросить сыновей и братьевъ и представить собранныя свѣденія народному собранію [7]. На копѣ являлся священникъ, но онъ присутствовалъ для приведенія подсудимыхъ къ присягѣ и въ качествѣ свидѣтеля, не принимая участія въ народныхъ совѣщаніяхъ [8].

Домохозяева, составлявшіе народное собраніе, назывались: ***сходатаи***, ***сходатаи сугграничные***, ***сосѣди околичные***, ***сосѣди-сугграничники***, ***судьи копные***, ***мужеве***, ***панове-мужеве***, ***обчіе***, то есть, общинные ***мужи***. Между ними отличались ***старцы***, которыхъ мнѣніе пользовалось уваженіемъ особенно въ такихъ случаяхъ, когда нужно было постановить приговоръ на основаніи давнихъ рѣшеній народнаго собранія.

Такъ какъ каждый домохозяинъ обязанъ былъ присутствовать въ народныхъ собраніяхъ, и такъ какъ крестьяне, въ молодыхъ лѣтахъ, вступали въ бракъ и могли основывать отдѣльныя хозяйства; то по этому каждый изъ нихъ имѣлъ возможность, въ теченіи многихъ лѣтъ, изучать народное обычное право и, въ свою очередь, передавать его младшимъ поколѣніямъ. Такимъ образомъ, вѣче было не только судебным собраніемъ, но и школою для изученія права, которое, безъ помощи письма, сохранялось въ памяти мужей-сходатаевъ, переходя отъ одного поколѣнія къ другому.

Сверхъ сходатаевъ, въ народное собраніе приглашались люди изъ трехъ селеній сосѣдней общины, по одному или по два человѣка изъ каждаго селенія. Эти лица назывались ***людьми сторонними***; они не участвовали въ совѣщаніяхъ и въ постановленіи приговора, но слѣдили за ходомъ делъ въ народномъ собраніи, чтобы, въ случаѣ надобности, свидѣтельствовать о производствѣ дѣлъ и судебныхъ рѣшеніяхъ.

Помѣщики и ихъ управители могли также присутствовать на копѣ; это случалось тогда, когда они сами приводили своихъ крестьянъ на вѣче. Впрочемъ, помѣщики и ихъ управляющіе не участвовали ни въ совѣщаніяхъ копы, ни въ постановленіи судебныхъ приговоровъ. Какъ народному собранію, такъ и подсудимымъ, предоставлялось право приглашать ***вознаго*** изъ гродскаго уряда. Въ такомъ случаѣ возный присутствовалъ на копѣ въ качествѣ свидѣтеля, составлялъ протоколъ и представлялъ свое донесеніе въ урядъ гродскій, для вписанія въ актовыя книги.

Число сходатаевъ иногда было весьма значительно. Копа, собиравшаяся въ 1601-мъ году, заключала въ себѣ около ста человѣкъ хотя собраніе было не полное, потому что нѣкоторые помѣщики своихъ крестьянъ на вѣче не пустили [9]. Копа, собиравшаяся въ 1602-мъ году, состояла изъ полутораста судей копныхъ [10].

Копа собиралась въ центральномъ мѣстѣ сельской общины, которое называлось ***коповище*** или ***копище***, и занималась изслѣдованіемъ и рѣшеніемъ дѣлъ подъ открытымъ небомъ. Для изслѣдованія дѣлъ уголовныхъ копа собиралась на мѣстѣ преступленія: въ дубравѣ, въ бору, подъ горою. Если нужно было рѣшить споръ о поземельной собственности, то копа собиралась на спорной землѣ; а когда въ округѣ общины оказывался трупъ убитаго человѣка, то копа собиралась въ томъ мѣстѣ, гдѣ находился трупъ или его разрозненные члены.»

Вѣдомству копы подлежали всѣ лица простаго сословія, имѣвшія свою осѣдлость въ округѣ сельской общины, именно: крестьяне королевскіе, помѣщичьи, монастырскіе и церковные, свободные поселенцы и мѣщане городовъ, не пользовавшихся правомъ магдебургскимъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ власть копы простиралась и на самыхъ помѣщиковъ. Помѣщики имѣли право, по добровольному согласію, представлять копѣ рѣшеніе споровъ, между ними возникавшихъ. Такъ въ 1591 году возникъ споръ между паномъ Малинскимъ и паномъ Вышинскимъ о правѣ собственности на ниву и копань. Вмѣсто того, чтобъ обратиться въ урядъ, помѣщики собрали копу, на которой старцы показали, что на спорной нивѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, покрадена была рѣпа, и что копа присудила удовлетвореніе пану Малинскому, что въ другой разъ собиралась копа о покражѣ пшеницы на той же нивѣ, и что вознагражденіе присуждено было тому же пану Малинскому. На этомъ основаніи, спорная нива и копань признаны собственностію пана Малинскаго; рѣшеніе было записано въ актовыя книги и получило законную силу [11]. Если въ помѣщичьемъ имѣніи, находившемся въ округѣ общины, причиненъ былъ вредъ, и если подозрѣніе падало на одного или нѣсколькихъ помѣщиковъ, имѣвшихъ осѣдлость въ томъ же округѣ, то помѣщикъ, потерпѣвшій вредъ, имѣлъ право собрать копу и просить, чтобъ она изслѣдовала дѣло и присудила удовлетвореніе за причиненный вредъ. Тогда копа посылала возныхъ и требовала, чтобъ обвиняемые помѣщики вмѣстѣ съ своими крестьянами, явились предъ собраніемъ и оправдались въ обвиненіи. Если помѣщики не являлись, то копа три раза посылала свое требованіе, и за тѣмъ, безъ всякаго

дальнѣйшаго изслѣдованія, опредѣляла декретомъ своимъ взыскать съ непослушныхъ помѣщиковъ и ихъ крестьянъ удовлетвореніе за весь вредъ, причиненный истцу. По окончаніи суда, копа отправляла въ урядъ гродскій депутатовъ, которые вмѣстѣ съ вознымъ излагали дѣло, и объявляли рѣшеніе, для внесенія въ гродскія книги [12]. Копа имѣла право производить слѣдствіе надъ помѣщикомъ. Если онъ присутствовалъ при этомъ и замѣчалъ, что открываются обстоятельства, уличающія его въ преступленіи, то могъ прервать дѣйствіе копы, и требовать, чтобы дальнѣйшее изслѣдованіе дѣла предоставлено было уряду гродскому. Такъ на копѣ, производившей въ 1581 году слѣдствіе о убіеніи Жидовъ-мытниковъ Луцкихъ, присутствовалъ панъ Яковъ Шибенскій съ своими крестьянами. Дворовая женщина Таца показала подъ пыткою, что убійство совершено съ вѣдома пана Шибенскаго. Тогда панъ Шибенскій сказалъ: «Слышу, что здѣсь и обо мнѣ идетъ рѣчь; эта подлая женщина и меня вмѣшала въ дѣло. Поэтому я, чтобъ доказать свою невинность, предаю всѣхъ, подозрѣваемыхъ въ преступленіи, суду уряда гродскаго, и самъ являюсь въ урядъ въ назначенный срокъ». За тѣмъ копа разошлась, прекративъ изслѣдованіе дѣла [13].

Постоянно возраставшая власть помѣщиковъ, ограничивая общинныя права поселянъ, произвела важное измѣненіе въ составѣ народныхъ собраній. Въ XVII вѣкѣ, мужи-сходатаи начинаютъ терять свое прежнее значеніе, уступая власть своимъ помѣщикамъ. Села околичныя посылаютъ отъ себя только по одному депутату; помѣщикъ или помѣщица съ нѣсколькими пріятелями, иногда въ присутствіи священника, производятъ судъ и расправу, постановляя приговоръ, на основаніи Литовскаго Статута. Крестьяне, присланные околичными селеніями, присутствуютъ безмолвно, соглашаясь съ распоряженіями помѣщика и его пріятелей; судъ общинный перестаетъ называться копнымъ судомъ, и получаетъ названіе сельскаго суда (sad wieiski) [14].

Въ порядкѣ судопроизводства копа слѣдовала своимъ древнимъ обычаямъ: «водле стародавное звыклости, водлугъ давнаго звычаю, водлугъ стародавнаго звычаю» [15]. Совокупность народныхъ юридическихъ обычаевъ называется ***копнымъ*** правомъ; судъ, производившійся на основаніи этихъ обычаевъ, называется ***копнымъ*** судомъ. Сходатаи говорили: «звычай права нашого копнаго», противуполагая это право посполитому праву, подъ которымъ они разумѣли писанные законы, изложенные въ Статутѣ Литовскомъ. Нѣкоторые обычаи копнаго права вошли въ составъ Статута и такимъ образомъ получили силу писаннаго закона. О такихъ обычаяхъ сходатаи говорили: «копный звычай, въ правѣ посполитомъ описанный» [16].

Если преступленіемъ нарушены были права частнаго лица, то, по началамъ копнаго права, обиженному самому предоставлялось отыскивать своего ***шкодника***. Истецъ распрашивалъ людей, собиралъ письменныя доказательства, отыскивалъ улики. Такое предварительное изслѣдованіе дѣла называлось ***обыскомъ***. Если истецъ, при всемъ своемъ стараніи, не могъ отыскать своего шкодника, и если онъ подозрѣвалъ, что преступникъ находится въ округѣ сельской общины, то онъ имѣлъ право требовать, чтобъ собрана была копа. Для этого онъ обращался къ помѣщикамъ, которые, по просьбѣ истца, высылали своихъ крестьянъ на вѣче. Истецъ могъ также обратиться въ урядъ гродскій, который давалъ ему урядовый листъ ко всѣмъ околичнымъ селеніямъ, составлявшимъ общину, приказывая собраться на копу (идти на копу, идти до права), въ опредѣленное время и въ назначенномъ мѣстѣ. Такіе же листы урядъ разсылалъ отъ себя по всѣмъ околичнымъ селеніямъ [17]. Крестьянинъ помѣщичій, желавшій предложить дѣло на рѣшеніе копнаго суда, обращался къ своему помѣщику, который оповѣщалъ околичныя селенія, назначая мѣсто и время собранію.

Всѣ селенія, составлявшія общину, обязаны были собраться на копу, въ назначенный срокъ. Если какое нибудь селеніе не являлось въ собраніе, то копа избирала депутатовъ,

которые вмѣстѣ съ вознымъ, отправлялись въ не явившееся селенiе и звали сходатаевъ на копу. Когда сходатаи идти не хотѣли, то депутаты возвращались и объявляли объ этомъ копѣ. Тогда копа, слѣдуя стародавнему обычаю, постановляла приговоръ, что селенiя, не явившiяся на вѣче, за ихъ упорство въ непослушанiи, должны удовлетворить истца за весь причиненный ему вредъ, а себѣ искать виноватаго. Правило, на которомъ копа основывала такой приговоръ, выражалось словами: «невыходъ платитъ шкоду» [18].

Когда всѣ околичныя селенiя, составлявшiя общину, были собраны на копѣ, то истецъ имѣлъ право сдѣлать имъ перекличку, чтобъ удостовѣриться, всѣ ли сходатаи находятся на лицо; за тѣмъ онъ словесно излагалъ свою жалобу и произведенный имъ обыскъ, прося сходатаевъ изслѣдовать дѣло и постановить приговоръ, на основанiи права. Жалобу истца копа должна была слушать безмолвно, не прерывая рѣчей.

По выслушанiи жалобы, копа обязана была разъяснить всѣ обстоятельства преступленiя и открыть виновнаго. Для достиженiя этой цѣли, употреблялись два способа: во первыхъ, распросъ на копѣ сходатаевъ и другихъ лицъ, прикосновенныхъ къ дѣлу; во вторыхъ, изслѣдованiе ***знаковъ***, то есть уликъ, доказывающихъ преступленiе; первый способъ называется ***опытъ*** (чинить опытъ, выслухать опытъ), второй способъ называется ***ликъ*** (копа ликомъ доходитъ шкодника, копа выходитъ на ликъ о шкоды).

Право производить опытъ принадлежало истцу. Сходатаи, тотчасъ по выслушанiи жалобы, начинали совѣщанiе, переговариваясь между собою. Если при этомъ совѣщанiи какой нибудь сходатай проговаривался, или открыто объявлялъ, что знаетъ преступника, или имѣетъ на кого нибудь подозрѣнiе; то истецъ долженъ былъ засвидѣтельствовать это объявленiе копою (освѣтчать копою), и тогда копа требовала, чтобы проговорившiйся сходатай объявилъ имя преступника и все, что ему извѣстно о преступленiи. Если онъ отказывался исполнить это требованiе, то долженъ былъ удовлетворить истца, по приговору копнаго суда; но, удовлетворивъ истца, онъ прiобрѣталъ право отыскивать преступника, требовать отъ него удовлетворенiя, или предать его суду.

Когда сходатаи, окончивъ переговоры, объявляли, что имъ ничего неизвѣстно ни о преступленiи, ни о преступникѣ, тогда истецъ объявлялъ, на кого онъ имѣетъ подозрѣнiе, и подтверждалъ свои слова доказательствами. Подозрѣнiе могло быть двоякаго рода: во первыхъ, истецъ могъ объявить, кого именно онъ считаетъ преступникомъ (кому даетъ вину); во вторыхъ, онъ могъ изъявить подозрѣнiе, что кто нибудь изъ лицъ, принадлежавшихъ къ общинѣ, знаетъ, кѣм совершено преступленiе, но не хочетъ выдать преступника. Обвиняемый, противъ доказательствъ истца, долженъ былъ дать выводъ, то есть, очистить себя отъ подозрѣнiя, опровергнувъ доводы истца, или представивъ доказательства своей невинности. Если отвѣты обвиняемаго копа находила удовлетворительными, то освобождали его отъ подозрѣнiя; но если истецъ не соглашался съ мнѣнiемъ копы, то могъ требовать, чтобъ обвиняемый былъ подвергнутъ пыткѣ, и копа исполняла требованiе истца. Но если допрашиваемый былъ человѣкъ добрый, вѣры годный и неподозрительный, то истецъ могъ подвергнуть его пыткѣ только тогда, когда подтверждалъ свое подозрѣнiе присягою. Если бы истецъ ничего не домучился, и подозрѣнiе его осталось не доказаннымъ, то онъ обязанъ былъ заплатить обвиняемому за муку, по приговору копнаго суда. Пытка производилась въ присутствiи копы; допрашиваемаго сѣкли прутьями и жгли огнемъ.

Истецъ могъ три раза собирать копу, если распросъ сходатаевъ и изслѣдованiе судебныхъ доказательствъ того требовали. Послѣ перваго копнаго собранiя, истецъ, до окончанiя суда, отдавалъ помѣщику на поруки, въ опредѣленной суммѣ денегъ, всѣхъ крестьянъ того села, на которое падало подозрѣнiе. Помѣщикъ обязанъ былъ заботиться о томъ, чтобы крестьяне этого селенiя, уклоняясь отъ отвѣтственности, не разошлись въ разбродъ. Между каждою сходкою назначалось три дня промежутка; въ теченiи этого времени,

истецъ продолжалъ розысканіе, для пополненія своихъ доказательствъ, а сходатаи обязаны были собирать свѣдѣнія, допрашивая сыновей и слугъ своихъ.

Если копа, на всѣхъ трехъ сходкахъ, объявляла, что она ничего не знаетъ и не вѣдаетъ ни о преступленіи, ни о преступникѣ, и если истецъ, съ своей стороны, ни на кого не могъ объявить подозрѣнія, то ему предоставлялось выбрать по произволу, по нѣскольку мужей изъ всѣхъ селеній, присутствовавшихъ на копѣ, и требовать присяги въ томъ, что они ничего не знаютъ о преступленіи и преступника невѣдаютъ. Послѣ третьей сходки, на другой день, копа собиралась снова, и сходатаи, избранные истцомъ, приводились къ присягѣ; впрочемъ, истцу предоставлялось требовать присяги только отъ одного изъ нихъ, и если онъ отказывался, то, по приговору копы, долженъ былъ удовлетворить истца.

Сверхъ распроса сходатаевъ, средствомъ къ открытію преступника служили улики, называемыя въ актахъ копнаго суда ***знаками***. Къ такимъ знакамъ преимущественно относились слѣды, оставленные преступникомъ на дорогѣ, по которой онъ уходилъ, совершивъ преступленіе; также трупъ убитаго и разрозненные его члены. Если уликой были слѣды, оставленные преступникомъ, то истецъ, собравъ на копу сходатаевъ всѣхъ селеній, составлявшихъ общину, и пригласивъ людей стороннихъ, ***гналъ слѣдъ***. Копа, ***взявъ слѣдъ*** въ томъ мѣстѣ, гдѣ совершено преступленіе, вела его до конца. Каждое селеніе, входившее въ составъ общины, обязано было отвѣсти слѣдъ отъ своихъ земель. Если бы какое нибудь селеніе на копу не явилось, а между тѣмъ слѣдъ доведенъ былъ до земли, ему принадлежавшей, то копа, остановившись на слѣду вызывала сходатаевъ, требуя, чтобъ они вышли, ***взяли слѣдъ*** отъ копы и отвели его отъ своей земли къ чужой границѣ, по стародавнему обычаю. Если никто не являлся на зовъ, то копа ночевала на слѣду и, на другой день, во второй и третій разъ, вызывала жителей селенія. Если и послѣ третьяго зова никто не являлся, то копа, оставаясь на томъ же слѣду, присуждала все селеніе, неявившееся на слѣдъ, къ удовлетворенію истца за причиненный преступникомъ вредъ и за всѣ убытки. Жители этого селенія, удовлетворивъ истца, получали право отыскивать преступника.

Если въ округѣ общины находили трупъ неизвѣстнаго убитаго человѣка, и если никто не являлся съ жалобою на убійство, то помѣщикъ или его управляющій, принявъ мѣры къ сохраненію трупа, созывалъ сходатаевъ околичныхъ селеній для распроса, который производился надъ трупомъ убитаго. Сначала распрашиваемы были крестьяне того селенія, на земляхъ котораго найденъ былъ трупъ. За тѣмъ, помѣщикъ, или его урядникъ, три раза спрашивалъ сходатаев, не извѣстно ли кому нибудь изъ нихъ, кто былъ убитый, и кѣмъ совершено убійство? Если сходатаи объявляли, что незнаютъ ни убитаго ни убійцы, то каждый изъ нихъ долженъ былъ присягнуть въ томъ, что онъ убитаго не знаетъ, преступника не вѣдаетъ, и что никто изъ его общины не совершалъ убійства. За тѣмъ копа погребала трупъ, составлялся актъ копнаго слѣдствія и вносился въ актовыя книги.

Если истецъ, производя обыскъ, отыскивалъ своего шкодника въ какомъ нибудь селеніи, то обращался къ сельской громадѣ, которая, выслушавъ жалобу истца и разсмотрѣвъ представленныя имъ доказательства, обязана была выдать преступника. Истецъ могъ помириться съ своимъ шкодникомъ, получивъ отъ него удовлетвореніе, по добровольному согласію, или могъ препроводить его на мѣсто преступленія и предать копному суду. Если преступникъ подлежалъ смертной казни за совершенное преступленіе, то истецъ долженъ былъ приглашать палача. Копа, выслушавъ жалобу истца и разсмотрѣвъ его доказательства, допрашивала обвиняемаго, а если недовольствовалась добровольнымъ показаніем, то подвергали его пыткѣ. По окончаніи слѣдствія, копа постановляла приговоръ и, если обвиняемый за свое преступленіе подлежалъ смертной казни, то онъ тотчасъ предавался въ руки палача.

Предъ совершеніемъ казни, каждый изъ присутствовавшихъ въ народномъ собраніи могъ требовать, чтобъ осужденный преступникъ былъ подвергнутъ пыткѣ, для удостовѣренія,

не совершилъ ли онъ еще какихъ преступленій; особенно предсмертная пытка считалась необходимою, если въ округѣ общины преступленія были часты. Пыткѣ подвергался преступникъ также и тогда, когда онъ сговаривалъ кого нибудь въ преступленіи; но оговоръ только тогда имѣлъ важность, когда осужденный подтверждалъ свои слова предъ самымъ совершеніемъ казни, стоя на ступеняхъ лѣсницы, приставленной къ висѣлицѣ (на послѣднемъ стопию у шибеницы на дробинѣ). За тѣмъ палачъ совершалъ казнь, въ присутствіи народнаго собранія.

Приговоръ копнаго суда называется ***выналязокъ*** [19], ***знайденье копное***, ***усказанье*** или ***всказанье копное*** [20]. Въ позднѣйшихъ актахъ употребляется слово ***декретъ***, ***декретъ копный*** [21]. Приговоръ постановлялся общимъ голосомъ всѣхъ сходатаевъ, составлявшихъ народное собраніе (копа сказала, или всказала, копа забороняла). Неизвѣстно, какъ поступала копа въ случаѣ разногласія, возникавшаго между сходатаями при рѣшеніи дѣлъ; такой случай не встрѣчается въ открытыхъ нами актахъ.

Въ юридическихъ обычаяхъ югозападной Россіи, какъ вообще въ древнихъ славянскихъ и германскихъ законодательствахъ, начало частнаго права было преобладающимъ, не только въ дѣлахъ гражданскихъ, но и уголовныхъ. Лицо, котораго право было нарушено преступленіемъ, могло предать виновнаго всей строгости законовъ, или окончить дѣло добровольнымъ соглашеніемъ; въ послѣднемъ случаѣ, преступникъ освобождался отъ всякаго наказанія. Особенно уважалось прощеніе, которое давалъ смертельно раненный своему убійцѣ; преступникъ освобождался отъ всякаго суда и не платилъ головщины родственникамъ убитаго. Даже и въ томъ случаѣ, когда преступникъ былъ приговоренъ и къ смертной казни, онъ могъ ***поеднаться***, то есть, помириться съ истцомъ и освободиться отъ наказанія [22]. Если дѣло не оканчивалось добровольнымъ соглашеніемъ, то копа постановляла приговоръ на основаніи Статута Литовскаго [23].

Постановивъ приговоръ, копа принимала мѣры къ его исполненію. Если преступникъ приговоренъ былъ къ смертной казни, то приговоръ немедленно исполнялся въ присутствіи копы, на мѣстѣ суда. Если копа присуждала къ денежному взысканію, помѣщичьяго крестьянина и если онъ платить отказывался, то всѣ сходатаи отправлялись къ помѣщику и требовали, чтобъ онъ приказалъ своему крестьянину исполнить приговоръ копнаго суда [24]. Право собственности на бортное дерево въ общемъ лѣсу обозначалось на самомъ деревѣ клеймомъ владѣльца. Если кто жаловался объ уничтоженіи клейма и о незаконномъ завладѣніи бортнымъ деревомъ, то копа отправлялась въ лѣсъ и, постановивъ приговоръ, возобновляла клеймо истца, уничтоживъ клеймо незаконнаго владѣльца [25]. Во всѣхъ случаяхъ, когда отвѣтчикъ отказывался исполнить приговоръ копнаго суда, сходатаи приглашали вознаго, излагали ему дѣло и вмѣстѣ съ нимъ отправляли отъ себя посланцовъ въ урядъ гродскій, прося записать приговоръ въ актовыя книги.

Сельская община югозападной Россіи, съ ея юридическими обычаями и самостоятельнымъ составомъ копныхъ судовъ, имѣетъ признаки глубокой древности. О началѣ и происхожденіи этого установленія мы не находимъ никакихъ свѣдѣній, ни въ лѣтописяхъ, ни въ письменныхъ законодательныхъ памятникахъ. Съ большою вѣроятностію можно предполагать, что сельскія общины возникли въ то время, когда славянскія племена, населявшія нынѣшнюю югозападную Россію, еще не были соединены государственнымъ союзомъ, подъ верховною властію государей. Это предположеніе мы основываемъ на слѣдующихъ доказательствахъ: древніе князья русскіе, какъ великіе, такъ и удѣльные, не могли быть основателями сельскихъ общинъ. Въ первый періодъ образованія русскаго государства городскія общины существовали въ югозападной Россіи, во всей ихъ силѣ, выражая свою власть посредствомъ народныхъ собраній, которыя назывались вѣчами. Демократическое начало, на которомъ основаны были эти народныя собранія было совершенно противуположно политикѣ великихъ князей русскихъ, стремившихся къ самодержавію; по этому древняя исторія Россіи

представляетъ продолжительную и упорную борьбу верховной власти князей съ могущественными городскими общинами. Нельзя предполагать, чтобы князья Русскіе, истребляя городскія общины огнемъ и мечемъ, въ тоже время основывали сельскія общины, тѣм болѣе что города, по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, которые возникали не по распоряженію правительства, но по естественнымъ экономическимъ законамъ, въ слѣдствіе увеличенія народонаселенія и развитія промышленности, возникали изъ сельскихъ общинъ и почерпали изъ нихъ свои жизненныя силы.

Древнихъ польскихъ королей нельзя также считать основателями сельскихъ общинъ въ югозападной Россіи. Они, также какъ и русскіе князья стремились къ самодержавію, и поэтому старались ослабить общинное начало у всѣхъ Славянскихъ племенъ, вошедшихъ въ составъ польскаго королевства. Этой цѣли короли польскіе достигали преимущественно распространеніемъ нѣмецкаго права въ земляхъ имъ подвластныхъ, и усиленіемъ власти помѣщиковъ надъ крестьянами. Нѣмецкое право, проникавшее въ Польшу со временъ Болеслава 1-го (992-1025), основывалось на избирательномъ началѣ; вмѣсто народнаго собранія или вѣча являлся войтъ съ лавниками и ратманами. Эти лица имѣли административную и судебную власть; народныя собранія подъ открытымъ небомъ замѣнялись засѣданіями въ магистратахъ и ратушахъ, народные юридическіе обычаи уступали мѣсто нѣмецкому праву, общины или совершенно исчезли или слабѣли, теряя свое древнее юридическое значеніе.

Въ Статутѣ Литовскомъ, въ первый разъ находимъ ясныя и опредѣленныя свѣдѣнія о существованіи сельскихъ общинъ въ югозападной Россіи, объ ихъ древнемъ обычномъ правѣ и народныхъ собраніяхъ. Во всѣхъ трехъ редакціяхъ Статута, сельская община является не новымъ, но стародавнимъ установленіемъ; народное сельское собраніе, или копа, производитъ судъ и расправу по стародавнимъ обычаямъ.

Статутъ Литовскій 1529 года, въ первый разъ предоставилъ народнымъ собраніямъ законную, обязательную силу. Копа собирается, производитъ слѣдствіе и судъ, въ слѣдующихъ случаяхъ: 1, Въ случаѣ вреда, причиненнаго въ чужомъ лѣсу (разд. VIII, арт.5); 2, Въ случаѣ присвоенія чужой борти (разд. VIII, арт. 6); 3, Копа производила также слѣдствіе и судъ о воровствѣ, если преступникъ былъ не извѣстенъ, и если подозрѣніе въ покражѣ падало на цѣлое селеніе. Впрочемъ, законодатель не считалъ нужнымъ вносить въ Статутъ полную систему обычнаго права, предполагая это право болѣе извѣстнымъ, чѣмъ писанные законы. Поэтому, въ Статутѣ постановлено рѣшать дѣла по стародавнимъ обычаямъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, на которые нѣтъ опредѣленныхъ писанныхъ законовъ (разд. VI. арт. 1, 5, 25; разд, VIII. арт. 6). Такимъ образомъ, обычное или копное право, имѣвшее своимъ основаніемъ автономію общинъ, утверждено было верховной властію и получило силу закона, наравнѣ съ писанными законами.

Второй Статутъ Литовскій, изданный въ 1566 году, подтвердилъ статьи перваго Статута о копныхъ судахъ и, сверхъ того, заимствовалъ изъ копнаго права еще нѣсколько постановленій, не вошедшихъ въ первый Статутъ. Сюда относятся: слѣдствіе и судъ надъ трупомъ человѣка проѣзжаго или безплеменнаго, за котораго некому было получить головщину (разд. XI. арт. 31); слѣдствіе и судъ о потравѣ хлѣба скотомъ (разд. XIII. арт. 2); о преслѣдованіи и открытіи преступника, по его слѣдамъ (XIV. арт. 6.).

Третій Статутъ Литовскій, изданный въ 1588-мъ году, принялъ въ свой составъ постановленія о копныхъ судахъ, помѣщенныя въ первыхъ двухъ Статутахъ[26], подтвердилъ существованіе древнихъ сельскихъ общинъ въ югозападной Руси и распространилъ это установленіе на нѣкоторыя другія области, входившія въ составъ польскаго королевства. Говоря о преслѣдованіи преступниковъ, Статутъ постановляетъ, что на Руси и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ издавна бывали народныя собранія сельскихъ общинъ (копы), тамъ они должны существовать на старыхъ коповищахъ, по старому

обычаю. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде копы не бывали, тамъ они должны быть собираемы, такимъ же порядкомъ. Подкоморіи, завѣдывавшіе разграниченіемъ и размежеваніемъ земель, должны были въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде копъ не бывало, назначить сборныя мѣста, или коповища, приписавъ къ этимъ центральнымъ мѣстамъ всѣ околичныя селенія, находившіяся, со всѣхъ четырехъ сторонъ, на растояніи одной мили [27].

Не смотря на постановленіе Статута Литовскаго, имѣвшее цѣлію распространить сельскія народныя собранія въ югозападной Руси и дать имъ законную силу, сельскія общины, въ XVI и XVII вѣкахъ, являются въ состояніи совершеннаго упадка и разрушенія. Находясь въ противурѣчіи съ новыми началами государственнаго устройства и особенно съ властію помѣщиковъ, не соотвѣтствуя тому состоянію, въ какое были поставлены, какъ увидимъ ниже, крестьяне въ это время, — сельскія общины югозападной Россіи, съ своими вѣчами и копнымъ правомъ, поражаютъ изслѣдователя, какъ развалины древняго, нѣкогда обширнаго и (можетъ быть) стройнаго зданія, среди вновь построеннаго города. Власть вѣча и юридическіе обычаи, имъ созданные, въ древнія времена имѣли основаніемъ автономію общинъ. Но эта автономія должна была прекратиться съ принятіемъ верховною властію новыхъ началъ и съ развитіемъ неограниченной власти помѣщиковъ. Съ тѣхъ поръ, общинное или копное право должно было оставаться неподвижнымъ; вся его сила и дѣйствительность принуждены были основываться только на вѣрномъ сохраненіи обычаевъ въ памяти мужей-сходатаевъ, на старинѣ и давности. Поэтому, когда сходатаи являлись въ урядъ и требовали исполненія постановленнаго ими приговора, то они ничѣмъ не могли доказать справедливость своего требованія, какъ только давностію своего копнаго права. Такъ, общинная связь между селеніями, обязанность являться на копу и отвѣчать за совершенныя въ округѣ общины преступленія основывались только на томъ, что крестьяне этихъ селеній были сходатаями издавна: «издавна о шкоды вшелякія схоживалися». Также точно и основныя положенія копнаго права, которыми руководствовались собранія общинъ въ производствѣ слѣдствія и суда, основывались на одной только давности: «издавна межи нами шкодника ничѣмъ инымъ, какъ только копою доходятъ»; или: «невыходъ всегда платитъ шкоду, по стародавнему обычаю»; «копа вела слѣдъ, водле стародавное звыклости» [28]. Основываясь на давности и остановившись неподвижно въ своемъ развитіи, копное право въ XVI и XVII вѣкахъ, является несовременнымъ, несоотвѣтствующимъ новымъ условіямъ общественной жизни. Притомъ же, въ это время существовали правительственныя мѣста, по разнымъ отраслямъ управленія: урядамъ гродскимъ принадлежала мѣстная полиція, судъ надъ преступниками и рѣшеніе споровъ о движимой собственности; дѣла о поземельной собственности принадлежали уряду земскому; подкоморскіе суды завѣдывали межевыми дѣлами. Эти правительственныя мѣста, обнимая всѣ отрасли мѣстнаго управленія, руководствовались опредѣленными писанными законами; поэтому копные суды, съ своими древними обычаями, сохранявшимися въ памяти сходатаевъ, представляли странную аномалію въ общемъ составѣ управленія.

Сходатаи, составлявшіе народныя сельскія собранія, находясь въ состояніи жалкаго униженія и угнетаемые бѣдностію, теряли способность быть безпристрастными слѣдователями, разумными судьями и правовѣдами [29]. Отъ этого, при изслѣдованіи преступленій, они дѣйствуютъ робко, и рѣшенія ихъ не всегда согласны съ правомъ. Такъ на копѣ, производившей слѣдствіе, въ 1564 году, о выдраніи пчелъ изъ бортей, истцы, крестьяне Сенько и Демьянъ, объявили подозрѣніе въ покражѣ на повара господарскаго Степана. Обвиняемый давалъ отводъ, ссылаясь на мѣщанина Мельницкаго Зенька. По копному праву, слѣдовало, прежде всего распросить Зенька; но истцы, не слушая приговора копы, подвергли обвиняемаго пыткѣ, били прутьемъ и жгли огнемъ. Сходатаи, вмѣсто того, чтобъ удержать мучителей, разошлись, и допрашиваемый умеръ подъ пыткою [30]. Униженіе и бѣдность произвели нравственную порчу въ сельскомъ народонаселеніи; поселяне, вмѣсто того, чтобы предотвращать преступленія, открывать и

наказывать преступниковъ, сами разбойничали, поджигали и грабили имѣнія сосѣднихъ владѣльцевъ, упорно отказываясь являться на вѣче, для открытія и наказанія преступниковъ.

Судебная власть, которою пользовались крестьяне въ народныхъ собраніяхъ, находилась въ рѣзкомъ противурѣчіи съ неограниченною властію помѣщиковъ. Помѣщикъ и его управляющій имѣли безотвѣтное право казнить своихъ слугъ и крестьянъ смертію [31]. Эти же самые крестьяне, собранные на копу, могли, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, требовать помѣщиковъ на свой судъ и подвергать ихъ взысканіямъ. Сходатаи, находясь въ полной зависимости отъ своихъ помѣщиковъ и рѣшая дѣла въ ихъ присутствіи, не могли имѣть той свободы мыслей, которая необходима для безпристрастнаго изслѣдованія дѣла и для добросовѣстнаго суда. Иногда помѣщичій урядникъ, присутствуя на копѣ, вмѣшивался въ дѣлопроизводство, перебивая рѣчи истца, прерывая распросъ сходатаевъ ругательствами, и самовольно уводилъ крестьянъ изъ собранія, не дождавшись судебнаго рѣшенія [32]. Производя слѣдствіе и судъ подъ вліяніемъ помѣщиковъ и ихъ урядниковъ, копа постановляла рѣшенія, не всегда согласныя съ правомъ. Такъ, напримѣръ, копа, собиравшаяся для изслѣдованія и рѣшенія дѣла о покражѣ яблокъ и хмѣля въ саду Евстафія Коровая, въ угоду этого помѣщика, рѣшила дѣло неправильно. Одинъ изъ сходатаевъ, Хведько Игнатовъ сынъ, объявилъ на копѣ, что онъ видѣлъ, какъ сыновья крестьянина Кузьмича везли хмѣль чрезъ село отъ саду пана Евстафія Коровая. Послѣ такого показанія нужно было, по копному праву, допросить сыновей крестьянина Кузьмича; но копа, производя судъ въ присутствіи помѣщика, рѣшила дѣло иначе, предоставивъ истцу право выбрать изъ присутствовавшихъ въ собраніи крестьянъ шесть мужей, которые должны были присягнуть, что они о покражѣ ничего не знаютъ и преступника не вѣдаютъ. Крестьяне, твердо зная свое копное право, присягать отказались, сказали: «Ужъ какъ ты себѣ хочешь, панъ Коровай, а мы присягать не пойдемъ и не хочемъ; такъ какъ Хведько Игнатовъ сынъ вызналъ, что сыны Кузьмичовы везли чрезъ село хмѣль, отъ саду пана Евстафія Коровая ко двору своего помѣщика». Тогда панъ Коровай выбралъ одного изъ шести сходатаевъ, крестьянина Гераська Кузьмича, и требовалъ отъ него одного присяги. Гераськo Кузьмичъ также присягать отказался. Тогда копа опредѣлила декретомъ своимъ, что Гераськo Кузьмичъ, отказавшійся присягнуть по требованію пана Коровая, долженъ заплатить за весь вредъ, причиненный покражею въ саду пана Коровая. Такимъ приговоромъ нарушено было копное право въ существенныхъ его основаніяхъ. Такъ какъ общинный союзъ оказывался безсильнымъ для предупрежденія преступленій и для водворенія безопасности, то помѣщики установляли между собою ***заруку***: они заключали договоръ, по которому крестьяне одного селенія, причинившіе вредъ другому селенію, обязаны были, сверхъ удовлетворенія за убытки, платить денежный штрафъ, опредѣленный договоромъ [33].

Въ слѣдствіе жалкаго состоянія крестьянъ и ихъ безусловной зависимости отъ помѣщиковъ, народныя сельскія собранія теряли довѣріе; ихъ копное право выходило изъ употребленія, ихъ судебные приговоры оставались безсильными, возбуждая презрѣніе помѣщиковъ. Такъ однажды объявленъ былъ приговоръ копы помѣщицѣ Хребтовичевой въ Богуринѣ. На основаніи этого приговора, вся копа, въ полномъ составѣ, явилась къ помѣщицѣ и требовала, чтобъ она приказала уряднику своему заплатить за покражу вола. Пани Хребтовичева отвѣчала: «Я на голое слово мужицкое платить не приказываю» [34]. Наконецъ, въ XVII вѣкѣ, нѣкоторые помѣщики вовсе запретили своимъ крестьянамъ ходить въ народныя сельскія собранія и принимать участіе въ общинныхъ судахъ. Въ 1602 году, собиралась копа во Владимірскомъ повѣтѣ, около села Могильна. Крестьяне села Овадна, входившаго въ составъ общины, не явились на вѣче. Тогда сходатаи отправили отъ себя депутатовъ въ село Овадно и требовали, чтобъ крестьяне этого села явились на копу, крестьяне села Овадна сказали депутатамъ: «Мы рады были бы на копу идти, да

паны наши приказали, чтобы мы ни на какую копу не ходили; поэтому, боясь своихъ пановъ, не пойдемъ» [35].

Изображенное нами состоянiе сельскихъ общинъ югозападной Руси, въ XVI и XVII столѣтiяхъ, доказываетъ, что это установленiе уже отжило свой вѣкъ, что оно какъ остатокъ древности, противурѣчило новымъ формамъ общественной жизни и должно было изчезнуть отъ разширенiя власти правительственныхъ мѣстъ и лицъ, отъ нравственнаго и экономическаго упадка поселянъ, наконецъ отъ постепеннаго возрастанiя власти помѣщиковъ надъ крестьянами.

Примечания

1. См. прил. II (Книга гродская Луцкая 1570 года, листъ 19 на оборотѣ).

2. Въ открытыхъ нами актахъ находимъ шесть такихъ общинъ: 1) Община въ Владимiрскомъ повѣтѣ заключала въ себѣ четыре селенiя: помѣщичьи селенiя Низненичи, Бутятичи, Варески и село епископа Владимiрскаго Тышкевичи (прилож. VI.); 2) Община въ томъ же повѣтѣ заключала въ себѣ пять селенiй: королевское село Стеферицкое и помѣщичьи села Овлучимъ, Вербое, Руда и Вохновичи (прилож. V.); 3) Въ Луцкомъ повѣтѣ община заключала въ себѣ шесть помѣщичьихъ селенiй: Крупое, Ставокъ, Дворецъ, Подгайцы, село Переднее Подгайцы и Вишки. Въ составъ этой общины входило также предмѣстье Луцкое (книга грод. Луцкая 1583-го года, листъ 255-й); 4) Общину въ Владимiрскомъ повѣтѣ составляли семь помѣщичьихъ селенiй: Могильно, Гнойно, Турья, Смолянка, Колинъ, Войчовъ и Вербое (книга гродская Владимiрская 1602 года, листъ 131); 5) Общину въ Луцкомъ повѣтѣ составляли восемь селенiй: Велицкъ, Селецкъ, Подлѣсье, Арсоново, Корсынъ, Читогощъ, Брехово, и Уголье (прил. I.); 6) Въ томъ же повѣтѣ общину составляли девять помѣщичьихъ селенiй: Порыцкъ, Жмучъ, Воля Жмудская, Мельница, сельцо пана Евстафiя Коровая, сельцо пана Андрѣя Коровая, сельцо паньи Малинской, село Углы и село Подлѣсы (книга гродская Луцкая 1591 года, листъ 47).

3. Книга гродская Луцкая 1596 года, листъ 237.

4. Приложенiе III (Книга гродская Луцкая 1583 года, листъ 76-79).

5. См. приложенiе I (Книга гродская Луцкая 1564 года, листъ 62 на оборотѣ).

6. Книга гродская Луцкая 1583-го года, листъ 255-259.

7. Въ той же книгѣ, листъ 274.

8. Тамъ же, листъ 297.

9. Книга грод. Владимiрская 1601-го года, листъ 131-132.

10. Смотри прилож. V (Книга гродская Владимiрская 1608 года, листъ 286).

11. Книга гродская Луцкая 1591 года, листъ 47, на оборотѣ.

12. См. приложенiе V (Книга гродская Владимiрская 1608 года, листъ 286).

13. Книга гродская Луцкая 1583 года, листъ 297-300.

14. См. прилож. VI (Книга гродская Владимiрская 1622 года, листъ 911, на оборотѣ). Также книга гродская Владимiрская 1622 года, листъ 480. Книга гродская Владимiрская 1622 года, листъ 638.

15. Смотр. прилож. III (Книга гродская Луцкая 1583 года, листъ 76-79); книга гродская Луцкая 1591 года, 47 на оборотѢ; книга грод. Владимірская 1601 года, листъ 131.

16. Книга гродская Луцкая 1569 года, листъ 237-й. ЗдѢсь помѢщено слѢдствіе и судъ о найденномъ въ округѢ общины трупѢ неизвѢстнаго человѢка. Обычай, въ этомъ случаѢ наблюдавшійся, внесенъ въ Статутъ и составилъ арт. 31, разд. 11.

17. Книга гродская Луцкая 1583 года, листъ 255.

18. См. прилож. III (Книга гродская Луцкая 1583 года, листъ 76-79).

19. Книга гродская Луцкая 1583 года, листъ 274-й.

20. См. прилож. I (Книга гродская Луцкая 1564 года, листъ 62 на оборотѢ).

21. Книга гродская Луцкая 1595 года, листъ 70 на оборотѢ. Книга гродская Владимірская 1622 года, листъ 480-й.

22. Такъ въ селѢ Подгайцахъ копа осудила на смертную казнь, за убіеніе тіуна, отъявленныхъ разбойниковъ; крестьянина Гушу и его сыновей, но осужденные поеднались и освобождены были отъ наказанія. Книга гродская Луцкая 1583 года, листъ 274-й.

23. Книга гродская Владимірская 1622 года, листы 480 и 638-й, приложеніе VI (Книга гродская Владимірская 1622 года, листъ 911, на оборотѢ).

24. См. прилож. II (Книга гродская Луцкая 1570 года, листъ 19 на оборотѢ).

25. См. прилож. V (Книга гродская Владимірская 1608 года, листъ 286).

26. Разд. XI. арт. 26; разд. XIII. арт. 2; разд. XIV. арт. 2, 9, 17 и 18.

27. Стат. Литов. 1588 года, разд. XIV. арт. 2.

28. См. прилож. III (Книга гродская Луцкая 1583 года, листъ 76-79).

29. Въ актовыхъ Луцкихъ книгахъ находится описаніе нѢкоторыхъ селеній, входившихъ въ составъ одной изъ исчисленныхъ нами выше общинъ, именно селеній: Топольнаго, Воли Рожищской, Пожарокъ, Теремнаго, Липлянъ и мѢстечка Рожища. Возный доносилъ уряду, что всѢ эти селенія «зубожоные, дворы покажоные, погнилые, люди разогнанные, знищеные». Книга гродская Луцкая 1591 года, листы 314-318.

30. См. прилож. I (Книга гродская Луцкая 1564 года, листъ 62 на оборотѢ).

31. Это право предоставлено было помѢщикамъ въ 1557 году. СлѢдующая выписка изъ актовыхъ книгъ представляетъ образецъ помѢщичьего суда и доказываетъ, что помѢщики и ихъ управляющіе дѢйствительно пользовались правомъ казнить смертію своихъ слугъ и крестьянъ. Въ 1593-мъ году, генеральный возный доносилъ уряду гродскому: «Былъ я въ мѢстечкѢ Степановскомъ, когда панъ Василій Золотолинскій судилъ слугу своего Миша, который убилъ Петра Творовскаго, слугу пана Богдана Омельяновича, старосты Степанскаго. И когда тотъ Мишо, убійца, представленъ былъ на судъ, то панъ Золотолинскій спрашивалъ его: «признается ли онъ въ своемъ преступленіи?» и Мишо сказалъ: «я ничего никакой вражды съ Петромъ Творовскимъ не имѢлъ, только грѢхъ меня попуталъ, что я его убилъ». Панъ Золотолинскій, слыша такое добровольное признаніе слуги своего Миша, осудилъ его, какъ убійцу, на смертную казнь. Тотъ же часъ, предо мною вознымъ, осужденный отданъ былъ въ руки палача и, какъ убійца, подвергнутъ строгой казни: «былъ четвертованъ». (Книга гродская Луцкая 1593 г., листъ 798). Въ 1573-мъ году, возный Кременецкій, Григорій Гуляльницкій, доносилъ уряду Кременецкому: «Былъ я у пана Ласка Секунскаго, вмѢстѢ съ слугою князя Николая Збаражскаго, Лавриномъ Козулею. И Лавринъ Козуля спрашивалъ пана Михаила Ласка: «для чего ты приказалъ безвинно повѢсить боярина господарскаго Евхима, который

имѣлъ братьевъ и осѣдлость въ Жолобѣ?». И панъ Михаилъ Ласко отвѣчалъ: «кто безвинно велѣлъ умертвить боярина Евхима, тотъ за него хорошо заплатитъ; а велѣлъ я его повѣсить потому, что онъ былъ въ то время моимъ крестьяниномъ». Потомъ спрашивалъ Лавринъ у пана Михаила Ласка: «по какой причинѣ, ты приказалъ замучить на смерть боярина Семена Воронка, Протаса Лавриновича и Степана Сѣдельника, и для чего забралъ себѣ все ихъ имущество?». Панъ Ласко признавался, что Воронко умеръ у него въ тюрьмѣ, а о Лавриновичѣ и Степанѣ сказалъ: «они получили плату по заслугамъ, и я никому не обязанъ давать въ этомъ отчетъ, такъ какъ они были крестьяне моихъ селъ». (Книга гродская Луцкая 1573 года, листъ 166 на оборотѣ).

32. См. прилож. II (Книга гродская Луцкая 1570 года, листъ 19 на оборотѣ).

33. Книга гродская Луцкая 1595 года, листъ 70 на оборотѣ.

34. См. прилож. II (Книга гродская Луцкая 1570 года, листъ 19 на оборотѣ).

35. Книга гродская Владимiрская 1601 года, листъ 131.

I *Жалоба королевскаго повара Васька Степановича о томъ, что Сенько Туровичь и Демьянъ Федцевичь, въ присутствiи копы, собранной на вѣчѣ въ дубравѣ, замучили пыткою отца его Степана. Показанiе урядоваго вижа. 1564-го Апрѣля 18.*

Року 1564, мѣсяца Априля 18 дня, у волторокъ.

Пришодчи передъ мене Андрѣя Ивановича Русина, подстаростего Луцкого, кухаръ Его Королевское милости, Васько Степановичь Велицкiй, съ прiятелями своими, жаловалъ плачливе а обтежливе на подданного ее милости, княгини Матѳеевое Четвертенское, княгини Овдотьи ѳедоровны Вагановского, наймя на Сенка Турецковича, человѣка Подлѣсскаго, и на помочника его Демьяна Федцевича, подданнаго ихъ милости, князя Василiя и князя Марка Солтановичовъ Сокольскихъ, Корсынскаго, оповѣдаючи тымъ обычаемъ: ижъ дей осени прошлое, року минулого шестьдесятъ третьяго, подраны пчелы ихъ зъ бортей на дуброве, о што дей теперешнихъ часовъ, у недѣлю прошлую, мѣсяца Априля шестагонадцать дня, тыи подданныи вышейменованные, Сенько и Демьянъ, збирали копу, хотечися виноватаго дойскати, на которой дей копе были люде Велицкiе, Селецкiе, Подлескiе, Арсоновскiе, Корсынскiе, Читогощскiе, Бреховскiе и Угольскiе. Тогды дей, тамъ въ дуброве, на вечю, Сенько а Демьянъ, маючи вазнь на отца моего Степана, безъ жадное вины, кромъ знайденя копного, одно своволыне, пофативши отца моего силою моцъю, стали его прутьемъ бити, повѣдаючи: естли дей на немъ чего не домучимо, мы дей то гораздъ заплатимо; чего дей копа имъ забороняла и прочь пошла. А они дей его безвинней, одно зъ вазни а гнѣву своего, прутьемъ били, мордовали, огнемъ палили и тамъ же его на смерть замордовали, а ничего ся на немъ не домучили. Яко жъ, на обвоженье и на огледанье оного трупу небожчика Степана, отца своего, Васько Степановичь Велицкiй бралъ у меня вижомъ, зъ уряду замку Луцкаго, боярина господарскаго Красносельскаго, Миколая Марковича, который вижъ, тамъ бывши, оттоля прiѣхалъ, и ставши передо мною, въ замку Луцкомъ, до книгъ замковыхъ тыми словами созналъ: Ижъ будучи мне въ Тристени подъ Велицкомъ, у кухаровъ господарскихъ, и маючи при себѣ сторону людей добрыхъ, огледалъ есми трупъ, тѣло небожчика Степана,

кухара господарскаго, и видѣлъ есми, што все тѣло збито и окрутне огнемъ попалено. А потомъ, ѣхавши до Велицка, пытали есмо людей Велицкихъ: Юшка Бортниковича, Яцка Кузмича и сусѣдовъ ихъ, которые на томъ вечю были, такъ тежъ и сельчанъ: для чего тотъ истый Сенько и Демьянъ оного Степана, кухара господарскаго, збили, змордовали и на смерть замучили: естли же за усказаньемъ, або зъ знайденья копного, чили пакъ свовольне то вчинили? Тогди люде Велицкіе, подданные пана Малинскаго и пана Ивана Яцковича Борзобогатаго, владыки Володимірскаго, такъ тежъ и сельчане, одностальными словы повѣдили: Ижъ копа оного Степана, кухара господарскаго, Сеньку и Демьяну на жадную муку не всказовала; бо дей онъ давалъ на то выводъ, ижъ у мельницы, меду пресного пчолъ своихъ, отбежныхъ сее весны, выбравши, мѣщанину Мельницкому Занкови за шестнадцать грошей продалъ, якожъ дей и слатися до того мѣщанина Мельницкого хотѣлъ. А они дей, не посылаючи ся тамъ, ани припускаючися на выводъ его, одно свовольне, его безъ лица и кромъ права, поймавши, стали быти и мучити, чего дей имъ и Подрежская копа забороняла и не допусчала. Што Васько Степановичь, сынъ небожчиковъ, мною, вижемъ врядовымъ, освѣтчивши, а оттоля до дому пріѣхавши, оный трупъ, тѣло отца своего, поховати далъ. И, хотечи Васько Степановичь о то мовити, просилъ, абы было записано. А такъ я тую жалобу, оповѣданье его, и вижово сознане въ книги замковые записати казалъ.

(Книга гродская Луцкая 1564 года, листъ 62 на оборотѣ).

1564 года, Апрѣля 18-го дня, во вторникъ.

Явившись предо мною, Андрѣемъ Ивановичомъ Русиномъ, подстаростою Луцкимъ, поваръ Его Королевской милости, Васько Степановичъ Велицкій, съ плачемъ, горько жаловался на Сенька Турецковича, человѣка Подлѣсскаго, крестьянина ея милости, княгини Матвѣевой Четвертенской, княгини Авдотьи Ѳедоровны, урожденной Вакановской, и на помощника его Демьяна Федцевича, Корсынкаго крестьянина ихъ милостей, князей Василія и Марка Солтановичей Сокольскихъ, объявляя свою жалобу слѣдующими словами: «Прошлою осенію, въ истекшемъ тысяча пять сотъ шестьдесятъ третьемъ году, выдраны были изъ бортей въ дубравѣ пчелы, принадлежавшія поименованнымъ выше крестьянамъ, Сеньку и Демьяну. По этому случаю, недавно, въ прошлое воскресенье, Апрѣля шестнадцатаго дня, Сенько и Демьянъ собирали копу, чтобъ доискаться виноватаго. На этой копѣ были люди Велицкіе, Селецкіе, Подлѣсскіе, Арсоновскіе, Корсынскіе, Читогощскіе, Бреховскіе, и Угольскіе. Въ означенный выше день, въ дубравѣ, на вѣчѣ, Сенько и Демьянъ, питая вражду къ отцу моему Степану, безъ всякой съ его стороны вины, не слушая копнаго приговора, а только по своеволію, насильно схвативъ отца моего, начали его бить прутьемъ, говоря: «если мы отъ него ничего не домучимся, то за муку дадимъ хорошую плату». Копа запрещала имъ это, пошла прочь. А они, безвинно, только по враждѣ и гнѣву своему, били его прутьемъ, мучили, жгли огнемъ, и тамъ же его на смерть замучили, не домучившись отъ него никакого признанія. Въ слѣдствіе чего Васько Степановичъ Велицкій, для изслѣдованія дѣла и для осмотра трупа покойнаго Степана, отца своего, бралъ у меня вижомъ, изъ уряда замка Луцкаго, Николая Марковича Красносельскаго, боярина господарскаго, который, побывавъ на мѣстѣ преступленія, оттуда пріѣхалъ, и, явившись предо мною въ замкѣ Луцкомъ, донесъ, для записанія въ замковыя книги, слѣдующее: «Былъ я въ Тристени подъ Велицкомъ, у поваровъ господарскихъ, и, вмѣстѣ съ сторонними добрыми людьми, осматривалъ трупъ, тѣло покойнаго Степана, повара господарскаго, и видѣлъ, что все тѣло избито и пожжено огнемъ. А потомъ отправившись въ Велицкъ, спрашивали мы людей Велицкихъ: Юшка Бортниковича, Яцка Кузьмича и сосѣдей ихъ, которые на томъ вѣчѣ были, спрашивали также и сельчанъ: «По какой причинѣ Сенько и Демьянъ

избили, измучили и на смерть замучили Степана, повара господарскаго: по приказанію ли и приговору копы, или своевольно?» Люди Велицкіе, крестьяне пана Малинскаго и пана Ивана Яцковича Борзобогатаго, владыки Владимірскаго, а также и сельчане единогласно показали: «Копа не присуждала Сеньку и Демьяну повара господарскаго, Степана, ни на какую муку, потому что Степанъ давалъ выводъ, утверждая, что онъ, выбравъ пресный медъ у мельницы, оставшійся отъ пчелъ, улетѣвшихъ нынѣшнею весною, продалъ этотъ медъ мѣщанину Мельницкому Занку, за шестнадцать грошей; при чемъ, Степанъ хотѣлъ снестись съ тѣмъ мѣщаниномъ Мельницкимъ. Но Сенько и Демьянъ, не сносясь съ мѣщаниномъ Мельницкимъ, и отвергая оправдательный доводъ обвиняемаго, своевольно, безъ поличнаго и въ противность праву, поймали Степана, начали его бить и мучить, не смотря на то, что копа Подрежская имъ запрещала и ихъ къ тому не допускала». Засвидѣтельствовавъ это показаніе мною, вижомъ урядовымъ, и пріѣхавъ домой, Васько Степановичъ, сынъ покойнаго Степана, велѣлъ похоронить трупъ отца своего. Имѣя намѣреніе начать объ этомъ искъ, Васько Степановичъ просилъ, чтобы означенное выше показаніе было записано; поэтому я, какъ жалобу истца, такъ его показаніе и донесеніе вижа, приказалъ записать въ замковыя книги.

I ***Копный судъ о покражѣ вола. 1570, генваря 12.***

Року 1570, мѣсяца Генваря 12 дня.

Ставши очевисто въ замку Луцкомъ, передо мною Петромъ Хомякомъ, подстаростимъ Луцкимъ, возный повету Луцкого, Яско Опарипескій, оповедилъ и до книгъ гродскихъ тыми словы созналъ: Ижъ дей, будучи мне зъ уряду приданымъ на справы ее милости пани Ивановои Хребтовича Богуринское, панеи Любце Дчусанце, и сыномъ ее милости, будучи мнѣ въ Богурине, поведила ее милость, пани Богуринская, ижъ дей року прошлаго шестьдесятъ девятаго, у великій постъ, украдено у боярина моего Богуринского, Томила Гаркевича, вола зъ оборы, и онъ дей о того вола, водлугъ обычаю, собравши копу все село Богуринское: люди съ части пани Висилевое Хребтовичовое, люди мои и люди съ части пани Петровое Хребтовичовое, опытъ чинилъ обычаемъ копнымъ. Врядникъ дей паней Петровое, Нестеръ, не выслухавши обыску того боярина моего Томилца и почалъ говорити, перекаживаючи ему рѣчь, на першой копе, не заховаючися ведлугъ обычаю копъного, и прочь самъ пошолъ, и подданныхъ созвалъ съ копы. Копа дей, не чинечи коротъко, сказала дей боярину моему еще копу збирати. Тотъ дей бояринъ мой собралъ и другую копу, село наше спольное, вси люди съ части пани Петровои и люди съ части пани Василевои, а къ тому и стороннихъ людей, то есть зъ Новоставецъ, зыменя пана Подскарбего, подданного его милости, Осипа Семеновича, а подданного князя Ярославовича, съ Прусъ, Томила Микитича, а врядника пана Михаила Вильгорского Симоновского Кондрата, которыи, вжо будучи на копе другой, ждали часъ немалый врядника панеи Петровои, ажъ по него посылали, абы на копу пришолъ. И кгды вжо онъ на копу пришолъ съ подданными панеи своеи, почалъ дей на первей, обачивши стороннихъ людей, пытати, чого бы на копу пришли, хто бы ихъ послалъ? И тые люди сторонніи поведили, ижъ дей за прозьбою боярина ее милости, паней Богуринское, отъ врядниковъ пановъ своихъ есмо тутъ послани. Врядникъ тежъ паней Петровой, Нестеръ почалъ говорити: «изнайду дей я виноватого, напрасно ся тутъ бавимо». А кгды то вымовилъ, бояринъ дей мой Богуринскій, Томило почалъ тые слова его копою освѣдчати: «Што дей я вжо неповиненъ искати, нехай дей ищетъ, коли такъ говоритъ.» И копа, то все

обачивши, почали врядника паней Петровой пытати, если бы онъ ведалъ о томъ, хто того вола вкралъ, ижъ его обецалъ ее знаидовати, абы того злодѣя на тои копе обявилъ, если бы на той же копе былъ, або гдѣ инде, абы, водлугъ повести своеи, поведилъ; бо дей где его твоя милость не знаймишъ, якось самъ мовилъ, уже дей тотъ бояринъ ее милости панее Багуринское не повиненъ опыту большь чинити. Але гдѣй дей твоя милость того злодея, водлугъ повести своее, не ознаймишъ, то дей твоя милость того вола ему заплатити мусишъ. Врядникъ дей паней Петровои, видечи то, почалъ се съ того иншими словы выламовати, ижъ того виноватаго яко самъ знайдовати, такъ тежъ и обявити не хотелъ. Копа, тому ся прислухавши, и отложила до третей копы, которая гды ся зобрала, бояринъ мой Богуринскій, не отступуючи ничого того, што на другой копе было, просилъ копы, абы ему на томъ врянику паней Петровой, Нестору, водлугъ словъ его было сказано, съ чого ся врядникъ ее милости только упоромъ выламовалъ, не хотечи виноватого знайдовати, яко самъ мовилъ, ани обявити. Копа то слышачи, всказали того вола, на врянику паней Петровой, Нестору, боярину моему, за слушънымъ доводомъ, што за того вола давано, две копы грошей Литовскихъ, и рокъ заплате положили за чотыры недели. За прозьбою моею тая копа и люди сторонніи передъ панею Петровою судъ свой сознали. За што я сама, просечи, посылала до паней Петровой, абы того вола вряднику своему боярину моему казала заплатити. Ее милость отказала: «ижъ дей я на голое слово мужицкое вряднику своему за того вола платити не кажу». Гдежъ тая копа и сторона, передо мною вознымъ Луцкимъ, Яскомъ Опарипескимъ, то сознали: «Яко копа была, што на ней будучи, межи тымъ урядникомъ паней Петровое и бояриномъ паней Богуринское точилося, и яко передъ пани Петровою копа и сторона вызнавали, и пани Петровая прошона отъ пани Богуринское, абы то на рокъ пани Петровая вряднику своему казала то заплатити, и што пани Петровая отказала, то мнѣ повѣдили». И просила ее милость пани Богуринская, веснолокъ зъ сынми своими, абы то было записано. А такъ я тое очевистое возного сознане до книгъ гродскихъ записати казалъ.

(Книга гродская Луцкая 1570 года, листъ 19 на оборотѣ).

1570 года, мѣсяца Генвяря, 12 дня.

Явившись лично въ замкѣ Луцкомъ, предо мною Петромъ Хомякомъ, подстаростою Луцкимъ, возный повѣта Луцкаго Яско Опарипескій, объявилъ для записанія въ книги гродскія, созналъ нижеслѣдующее: «Былъ я отряженъ урядомъ, по дѣлу ея милости, паньи Ивановой Хребтовича Богуринской, паньи Любки Дчусанки, и сыновей ея милости. И когда я былъ въ Богуринѣ, то ея милость, пани Богуринская, объявила мнѣ: «Въ прошломъ тысяча пятьсотъ шестьдесятъ девятомъ году, въ великій постъ, украденъ волъ изъ хлѣва, у боярина моего Богуринскаго, Томила Гаркевича, который, слѣдуя обычаю, собиралъ на копу все село Богуринское: людей изъ участка паньи Васильевой Хребтовичевой, моихъ людей, также людей изъ участка паньи Петровой Хребтовичевой, и производилъ распросъ копнымъ обычаемъ. На первой копѣ урядникъ ея милости, паньи Петровой, Несторъ, не выслушавъ розыска, произведеннаго бояриномъ моимъ Томилцомъ, началъ говорить, перебивая его рѣчи, нарушая обычай копнаго права. За тѣмъ, не выслушавъ распроса, обругалъ моего боярина и пошелъ прочь, созвавъ и крестьянъ съ копы. Копа, не допуская поблажки, присудила моему боярину еще разъ собрать копу. Бояринъ мой собралъ и другую копу, на которой было все наше общее село, всѣ люди изъ участка паньи Петровой и люди изъ участка паньи Васильевой, а также сторонніе люди, а именно: изъ имѣнія его милости, пана подскарбія, Новоставецъ, крестьянинъ Осипъ Семеновичъ, изъ Прусъ — крестьянинъ князя Ярославовича, Томило Микитичь, и Симоновскій урядникъ пана Михаила Вильгорскаго, Кондратъ. Эти люди,

уже собравшись на вторую копу, долгое время дожидались урядника паньи Петровой, и принуждены были послать за нимъ, чтобы на копу пришолъ. И когда онъ пришолъ на копу съ крестьянами своей паньи и увидѣлъ стороннихъ людей, то, прежде всего, началъ спрашивать, зачѣмъ они на копу пришли, и кто ихъ послалъ? И тѣ люди сторонніе, сказали, что они посланы урядниками пановъ своихъ, по просьбѣ боярина ея милости, паньи Богуринской. Тогда урядникъ паньи Петровой, Несторъ, началъ говорить: «найду де я виноватаго; напрасно мы здѣсь тратимъ время». Какъ только онъ это сказалъ, тотчасъ бояринъ мой Богуринскій, Томило, началъ свидѣтельствовать эти слова копою, говоря: «Я уже больше не повиненъ искать виноватаго: пусть онъ ищетъ, когда такъ говоритъ». Копа, все это увидѣвши, начала спрашивать урядника пани Петровой, знаетъ ли онъ, кто вола укралъ? «Такъ какъ твоя милость обѣщалъ найти виноватаго, то долженъ объявить вора на этой же копѣ, и, согласно своему обѣщанію, сказать: находится ли онъ здѣсь на копѣ, или гдѣ индѣ? Потому что, если твоя милость не объявишь вора, какъ ты самъ обѣщалъ, то бояринъ паньи Богуринской уже не повиненъ будетъ производить распросъ, а твоя милость долженъ будешь заплатить за украденнаго вола». Видя это, урядникъ паньи Петровой, началъ увертываться иными словами, и объявилъ, что онъ ни искать, ни объявлять вора не хочетъ. Копа, выслушавъ это, отложила дѣло до третьей копы. И когда собралась третья копа, то бояринъ мой Богуринскій, не отступая ни въ чемъ отъ производства дѣла, бывшаго на второй копѣ, просилъ копу присудить урядника паньи Петровой, Нестора къ уплатѣ за украденнаго вола; такъ какъ этотъ урядникъ только по одному упорству, противясь требованію копы, не хотѣлъ ни объявить, ни отыскивать виноватаго. Копа, слыша это, приговорила взыскать съ урядника паньи Петровой, Нестора, за украденнаго вола, въ пользу моего боярина, назначивъ такую цѣну, какую, по законному удостовѣренію, давали за того вола покупщики, именно двѣ копы грошей Литовскихъ; срокъ платежа назначенъ по истеченіи четырехъ недѣль. По просьбѣ моей, копа и люди сторонніе сознали свой судъ предъ паньею Петровою. Я и сама отъ себя посылала, по этому дѣлу, къ паньи Петровой, прося, чтобы она приказала своему уряднику заплатить моему боярину, за украденнаго вола. Ея милость, панья Петровая, отвѣчала: «Я де, на голое мужицкое слово, уряднику своему, за того вола, платить не приказываю». Тамъ же вышеозначенная копа и люди сторонніе сдѣлали предо мною, вознымъ Луцкимъ, Яскомъ Опарипескимъ, показаніе о томъ, какъ собиралась копа, что происходило на этой копѣ между урядникомъ паньи Петровой и бояриномъ паньи Богуринской, какъ предъ паньею Петровою, копа и люди сторонніе объявляли свой приговоръ, и какъ пани Богуринская просила, чтобы пани Петровая приказала своему уряднику заплатить за украденнаго вола, въ назначенный срокъ, и что отвѣчала на это пани Петровая; все это мнѣ разсказали. И просила ея милость, пани Богуринская, вмѣстѣ съ сыновьями своими, чтобы это было записано. По этому я вышеизложенное личное донесеніе诗 вознаго приказалъ записать въ гродскія книги.

III *Копный судъ о поджогѣ. Копа ведетъ слѣдъ. Рѣшеніе копнаго суда. 1583, Генваря 2.*

Року 1583, мѣсяца Генваря 2 дня.

Ставши предо мною Фалелѣемъ Бережецкимъ, на тотъ часъ будучимъ на мѣстцу пана Станислава Петровскаго, подстаростего Луцкого, въ замку господарскомъ Луцкомъ, Шляхетный Матысъ Хорковскій жаловалъ и оповедалъ тыми словы: Што жъ дей суседове

мое, близко суграничники, зыменя Рожищъ люде, на слѢдъ шкодника моего выйти не хотели; а мне дей великіе кривды и шкоды немалые, отъ ихъ стороны, починилися, а шкодника дей своего межи ними ведати не могу, хде ся переховываетъ, а они дей его выявити и на слѢдъ выходити не хочутъ. Авже дей ми то не пооднокротъ зъ стороны ихъ, нетъ ведома отъ кого, шкода такая ми ся ставаетъ, штожъ маетность мою всю и именечко мое, село Кобче, которое есми милъ на выховане отъ его велможное милости, княжати Марка Сокольского, пана моего милостивого, тое ми палятъ и пустошатъ, не ведаю хто таковый. И тыми часы, недавно прошлыми, въ року тысеча пять сотъ осьмдесятъ второмъ, мѢсяца Ноября двадцатпятаго дня, зъ недѢли на понеделокъ, оттоль же ночью, праве у первоспы, злодѢйскимъ обычаемъ подышедши, уже то пятый кротъ, и будуване тежъ пятое спалено, которого будованя жаднымъ обычаемъ уборонити ани маетности дей своее выратовати есми не могъ; гдыжъ, презъ того злого шкодника дей и презъ неднокротное палене его и пустошене села и маетности моее, великіе дей шкоды маю и поношу, болшей нижли на чотыриста копъ грошей Литовскихъ. За которымъ дей шкодникомъ своимъ, рано въ понедѢлокъ, зобравши дей есми людей добрыхъ, суседовъ околичныхъ, а сходатаіовъ Рожисцкихъ суграничныхъ, зо всихъ селъ тыхъ меновите помененыхъ: зъ Любча, зъ Рудки, зъ Козина, зъ Ставу, зъ Соловина, зъ Дуща, зъ Навоза, зъ Соколя, зъ Смердина; къ тому тежъ людей сторонъныхъ: зъ Суска, зъ Володковщизны, зъ Носячевичъ, зъ Лукова, зъ тою всею копою, слидъ погналъ, который следъ ни чій иншій, только шкодника дей моего. Отъ тоее пожежи копа, вземши зъ села моего Кобча следъ, одвела ажъ до границы на грунтъ ихъ Рожисцкій, неподалеко одного сельца и врочища ихъ Свинохъ, тамъ где чебени мешкаютъ. Тамъ же дей копа вся, на томъ слѢду зостоновивъшися, и послала до того сельца ихъ, зовучи на слидъ, абы они шли. Они дей выйти не хотели. А такъ дей копа, не чинячи имъ въ томъ користи права, переночевавши дей на следу, рано волторокъ, послала съ копы знову до всихъ селъ Рожицъскихъ, яко до сходатаевъ своихъ, людей добрыхъ сторонъныхъ: до Свиньчанъ и до Топольного, такъ тежъ до села Старого Рожища и до Воли Рожищское, и Пожарковъ, звещаючи имъ на копу, и о томъ, абы Свинъчане, где чебени живутъ, съ того селца люде, такъ тежъ зо всихъ селъ Рожищскихъ, вышедши на грунтъ, свой Рожищскій, отъ границы следъ шкодниковъ, отъ всее копы тое, взяли, а зъ грунту своего Рожищскаго, водле стародавнее свыклости, ажъ до иншое границы, вывели. То такъ дей тые вси села Рожищскіе, звышъпомененые звистку того слухати, ани на копу выйти и слиду того взяти выводити не хотели. Штожъ дей копа въ томъ имъ еще была фольгу учинила, послала съ копы человека добраго, до врядника Рожицкого, наймя до Степана Калениковича, ознаймуючи ему о томъ, абы подданые его милости, пана владыки Луцкого, Рожищскіе на тую копу, отъ стороны Сокольскіе зозваную, выйшли; бо дей шкода никому не мила, гды жъ дей здавна межи нами шкодника ничимъ, одно копою доходятъ; гдыжъ дей они, яко сходатае наши здавна будучи, где бы не вышли, хотя бы одно село не стало на копи, тогда дей и къ тому шкода тая приложена отъ копы будетъ. А такъ дей врядникъ тотъ самъ того слухати, такъ тежъ подданымъ ознаймити того не хотелъ. Гдыжъ имъ копа знову, чрезъ свое посланцы, третій разъ, звестила, абы выйшли на копу; вони, подобъно дей чуючи межи собою шкодника моего, и на тотъ заказъ ничого не дбали, и на копу выйти, и о собе справы ниякое дати не хотели. Видечи то копа упоръ ихъ великій, тогды, на тумъ же слѢду стоячи, по возного собе до вряду послала, а съ тымъ вознымъ и зъ людьми сторонъными, тая копа въся шкоды мое на все села Рожищскіе, за невыходъ ихъ вложила. А такъ съ тоее копы, человека околькодесять, постановивъшися на вряде въ замку господарскомъ Луцкомъ, тогожъ дня и даты вышейописаное, повидили тыми словы: ижъ дей мы, отъ всее громады нашое великое, до вряду Луцкого, на вызнанье и на отказованье суду своего копнаго зъ вознымъ и стороною прислани есмо отъ копы, то есть меновите: Лукьяна зъ Навоза, пана Аньдрия Загоровского подданый; съ тогожъ Навоза Сивулаша, князя Марка Сокольского подданый; Грицъ зъ Смердина, пана Щасного, Харлинскаго, подъкоморого Киевского, подданый; съ тогожъ Смердина Ивана князя Сокольского

подданый; съ Дуща Моисея а Трута, а зъ Сокольна Куца а Ивашка, тогожъ князя Марка Сокольского подданые; зъ Любча Нестера, князя Григорья Любецкого подданый; зъ Рудки Феня, а съ Козина Данила, зъ Ставу Симона, зъ Соловина Бартоша, тогожъ князя Любецкого подданые; зъ Любча Ониска, Кондрата, зъ Рудки, Кунца зъ Ставу, Исая зъ Соловика, ее милости панее Миколаевое Харлинское подданые; зъ Любча Яна Ляха, князя Григоря Коширского подданый. При томъ стороныхъ людей: зъ Лукова Прокопа а Мишка Ждановича, пана Андрея Загоровского подданые; зъ Суска Юска Романъчича, зъ Носячевичъ Антона, пана Щасного Харълинъского подданые, зъ Володковщизны Остапа, князя Василя Сокольского подданые. Штожъ мы вызнаваемъ отъ всее копы, ижъ дей тыхъ селъ въ сихъ звышъ помененыхъ здавна о шкоды въшелякие зъ Рожищаны, на границу, або где колвекъ шкода, тамъ схоживалися личити, а теперь до насъ на ликъ о шкоды сусѢда нашого, пана Харъковского, на слѢдъ шкодника его, ни одинъ зъ ныхъ выйти, такъ тежъ о собе справы слушное дати не хотели. А ижъ дей, водле права нашого копного, невыходъ всегды платитъ шкоды; штожъ копа вся, заховуючися водле права копного и звычаю стародавного своего, шкоду тую, ко всимъ селомъ Рожищскимъ, за невыходъ ихъ, приложила, и, маючи дей при собе возного и сторону, тую шкоду ко всимъ селомъ Рожищскимъ, за невыходъ ихъ, приложила, осумовавши, а водлугъ менованя шкодъного, на шкоды его доводъ ему всказала. Што менечи собе шкодный такъ, яко чотыриста копъ грошей Литовскихъ; а тумъ же, передъ нами копою всею, передъ вознымъ и стороною, панъ Матысъ Хорьковскій самотреть доводъ учинилъ, а мы тей ему шкоду его присудили на всѢхъ селахъ Рожищскихъ, абы они, заплативши тую шкоду пану Хорковскому, а собе винъного искали. Гдыжъ возный повету Луцкаго, Войтехъ Яблонскій, постановившися обличъне передо мною, тутъ же въ замку господарскомъ Луцкомъ, тогожъ дня, тымижъ словы до книгъ гродскихъ Луцкихъ ку записованью созналъ. Штожъ дей я, будучи зъ уряду приданымъ до копы тоее и маючи дей я при собе двухъ шлахтичовъ: пана Яна Несебенцъкого а пана Матыса Выгоновского, при томъ людей добрыхъ сторонъныхъ звышьпомененыхъ, при которыхъ дей я будучи у громады великой, копе, которая была отъ пана Матыса Хоръковского зобрана, на слѢду шкодника его, у границы, на грунте Рожицскомъ, року осемдесятъ второго, мѢсяца Ноября двадцать осмого дня, тамъ же на тотъ часъ видилъ есми слѢдъ и ступы человечие къ сельцу Рожицскому, где чебани мешкають, идучи на который слѢдъ зъ Рожицское стороны, гды громада кликала и пытала, а жаденъ человѢкъ зъ ихъ стороны къ нему выйти и его узяти не озвался. Што дей копа мною возным и стороною освѢтчила невыходъ ихъ; а шкоду пана Хоръковского, тамъ же на тотъ часъ будучи выменечку его Кобчи, видилъ есми домовъ пять зо всею оселею попаленыхъ, а три хатъ тутошнихъ. А такъ тую шкоду копа вся, при томъ возномъ и стороне тамъ осумовала; при которой шкоди его, копа ему самотретему доводъ учинить всказала, што собе онъ шкоды четыриста копъ грошей Литовскихъ менячи быть. Панъ Хоръковскій на томъ доводъ самотреть учинилъ. Якожъ дей то, за доводомъ его слушнымъ, водле права и артикулу шостого въ разделе чотырнадцатомъ учиненымъ, копа вся приложила шкоду его ко всимъ селамъ Рожищскимъ, за невыходъ ихъ, и всказала тую суму пану Матысу Хоръковскому, за шкоды его, на нихъ, абы дей они, тое заплативши, а собе винъного искали. А такъ тотъ судъ свой копный, копа вся, черезъ возного повету Луцкого, Войтеха Яблонского, и сторону звышъпомененую, мнѢ уряду объвестила и половину пересуду дала. Штожъ я, не отступуючи права посполитого и статуту Великого князства Литовскаго, сложилъ есми рокъ заплате пенежной, тымъ чотыремъ сотъ копамъ, водлугъ артикулу пятдесятъдевятого въ розделе четъверътомъ, на каждую сто копъ двенадцать недель. А такъ плачонъ быти маетъ, почонъши отъ сего дня, мѢсяца Генваря второго дня, втомъ року осемдесятъ третемъ. А такъ я тое оповеданье пана Хоръковского и возного сознане, такъ тежъ объвещенъе, черезъ сторону, суду ихъ копъного, которая притомъ была, и рокъ запълате, отъ уряду положоный, до книгъ гродъскихъ Луцъкихъ записати есми казалъ.

(Книга гродская Луцкая 1583 года, листъ 76-79).

1583 года, мѣсяца Генваря, 2 дня.

Предо мною Фалелеемъ Бережецкимъ, исправляющимъ временно должность пана Станислава Петровскаго, подстаросты Луцкаго, явившись въ замкѣ господарскомъ Луцкомъ, Шляхетный Матысъ Хорковскій, жаловался, объявляя свою жалобу слѣдующими словами: «Сосѣди мои близкіе, пограничные люди изъ имѣнія Рожищъ, не хотѣли выйти на слѣдъ моего шкодника, а мнѣ, съ ихъ стороны, нанесены великія обиды и причиненъ вредъ немалый, а шкодника своего между ними вѣдать не могу, и не знаю, гдѣ онъ скрывается, а они открыть его и на слѣдъ выйти не хотятъ. И уже мнѣ не впервый разъ, съ ихъ стороны, причиняется вредъ, неизвѣстно кѣмъ: жгутъ и опустошаютъ все мое имущество и именьице мое, село Кобче, данное мнѣ для прокормленія его вельможною милостію, княземъ Маркомъ Сокольскимъ, паномъ моимъ милостивымъ; это имѣніе жгутъ и опустошаютъ, а виноватаго я не вѣдаю. И теперь, въ недавнее время, въ тысяча пятьсотъ восемьдесятъ второмъ году, мѣсяца Ноября двадцать пятаго дня, съ недѣли на понедѣльникъ, ночью, ровно во время перваго сна, кто-то, подошедши воровскимъ обычаемъ, уже въ пятый разъ, сжегъ пятое строеніе. Этого строенія я никакимъ способомъ защитить и имѣнія своего спасти не могъ. Такою неоднократною поджогою и опустошеньемъ села, имущества моего причинены мнѣ, шкодникомъ моимъ, великіе убытки, болѣе чѣмъ на четыреста копъ грошей Литовскихъ. Чтобъ отыскать шкодника, я, въ понедѣльникъ утромъ, собралъ людей добрыхъ, сосѣдей околичныхъ, смѣжныхъ сходатаевъ Рожищскихъ, изъ всѣхъ селъ, ниже поименованныхъ: изъ Любча, изъ Рудки, изъ Козина, изъ Става, изъ Соловина, изъ Дуща, изъ Навоза, изъ Соколя, изъ Смердина; сверхъ того людей стороннихъ: изъ Суска, изъ Володковщизны, изъ Носячевичь, изъ Лукова. Со всею этою копою, я погналъ слѣдъ, который былъ ни чей иной, какъ только моего шкодника. Копа, взявъ слѣдъ отъ пожарища, отвела его, изъ моего села Кобча, до границы земли Рожищской, недалеко отъ сельца и урочища Свинюхъ, гдѣ живутъ пастухи. Остановившись тамъ на слѣду, вся копа послала въ Рожищское сельцо Свинюхи и звала жителей, чтобъ шли на слѣдъ; но они выйти не хотѣли. По этому копа, не уклоняясь отъ строгости права, переночевавъ на слѣду, во вторникъ утромъ, снова посылала отъ себя добрыхъ стороннихъ людей, ко всѣмъ селамъ Рожищскимъ, какъ къ своимъ сходатаямъ: въ село Свинчаны, Топольное, въ село Старое Рожище, въ Волю Рожищскую и Пожарки, приглашая на копу, и требуя, чтобы жители изъ сельца Свинюхъ, гдѣ пастухи живутъ, также жители изъ всѣхъ селъ Рожищскихъ, вышли на свою Рожищскую землю, взяли бы на границѣ этой земли, отъ всей копы, слѣдъ шкодника, и вывели бы этотъ слѣдъ изъ своей земли Рожищской до иной границы, по стародавнему обычаю. Но всѣ вышеозначенные села Рожищскія ни слушать позва, ни выйти на копу, ни взять и отвести слѣдъ не хотѣли. Копа оказала имъ снисхожденіе тѣмъ, что еще разъ посылала отъ себя добраго человѣка, къ уряднику Рожищскому Степану Калениковичу, требуя, чтобы Рожищскіе крестьяне его милости, пана владыки Луцкаго, вышли на копу, созванную со стороны пана Сокольскаго: потому что шкода никому не мила; при томъ же, издавна между нами отыскиваютъ преступника ничѣмъ инымъ, какъ только копою. Поэтому, Рожищане, будучи издавна нашими сходатаями, если бы на копу не вышли, всѣ или одно изъ ихъ селъ, то весь причиненный преступникомъ вредъ падетъ на нихъ. Но урядникъ Рожищскій не хотѣлъ ни самъ слушать, ни объявить объ этомъ крестьянамъ. Копа снова, въ третій разъ, требовала чрезъ своихъ посланцевъ, чтобъ на копу вышли; но они, догадываясь, вѣроятно, что между ними находится преступникъ, не уважили и этого позва, на копу выйти и отвѣта о себѣ дать не хотѣли. Копа, видя такое великое упорство

ихъ, тотъ же часъ, стоя на томъ же слѢду, послала въ урядъ за вознымъ, и съ этимъ вознымъ и съ сторонними людьми, приговорила всѢ села Рожищскія, за ихъ невыходъ, къ уплатѢ всѢхъ убытковъ, причиненныхъ мнѢ преступникомъ». За тѢмъ, болѢе десяти человѢкъ изъ копы, явившись въ урядѢ замка господарскаго Луцкаго, въ тотъ же день, вышеозначеннаго числа, объявили слѢдующими словами: «Мы, вмѢстѢ съ вознымъ и сторонними людьми, присланы въ урядъ Луцкій, отъ копы, отъ всей нашей великой громады, для вызнанья и объявленія суда своего копнаго, а именно: Лукьянъ, крестьянинъ пана Андрея Загоровскаго изъ Навоза, Сивулашъ, крестьянинъ князя Марка Сокольскаго изъ того же Навоза. Грицъ, крестьянинъ пана Щаснаго Харлинскаго, подкоморія Кіевскаго, изъ Смердина, изъ того же Смердина Иванъ, крестьянинъ князя Сокольскаго, изъ Дуща Моисей и Трутъ, а изъ Соколина Куцъ и Ивашко, крестьяне того же пана Сокольскаго, изъ Любча Несторъ, крестьянинъ князя Григорія Любецкаго, изъ Рудки Феня, а изъ Козина Данило, изъ Ставу Симонъ, изъ Соловина Бартошъ, крестьяне того же князя Любецкаго, изъ Любча Онисько и Кондратъ изъ Рудки, Кунцъ изъ Става, Исаія изъ Соловика, крестьяне ея милости, паньи Николаевой Харлинской, изъ Любча Янъ Ляхъ, крестьянинъ князя Григорія Коширскаго; притомъ сторонніе люди: изъ Лукова Прокопъ и Мишко Ждановичъ, крестьяне пана Андрея Загоровскаго, изъ Суска Юско Романчичъ, изъ Носячевичъ Антонъ, крестьяне пана Щаснаго Харлинскаго, изъ Володковщизны Остапъ, крестьянинъ князя Василія Сокольскаго. ВсѢ, мы, посланцы, объявляемъ отъ всей копы, что вышепоименованныя села издавна сходились съ Рожищанами для изслѢдованія всякаго вреда, причиненнаго преступникомъ, на границѢ, или гдѢ бы ни былъ причиненъ вредъ; а теперь ни одинъ изъ нихъ, для изслѢдованія вреда, причиненнаго сосѢду нашему пану Хорковскому, ни выйти на слѢд шкодника, ни дать о себѢ надлежащаго свѢдѢнія не хотѢлъ. А такъ какъ, по нашему копному праву, невыходъ всегда платитъ за вредъ, понесенный истцомъ; то поэтому вся копа, поступая по копному праву и стародавнему обычаю своему, присудила всѢ убытки истца взыскать съ селъ Рожищскихъ, за ихъ невыходъ. ВслѢдствіе чего, копа, въ присутствіи markup вознаго и стороннихъ людей, подвергла взысканію всѢ села Рожищскія, за ихъ невыходъ, оцѢнивъ убытки согласно съ показаніемъ истца, который, по опредѢленію копы, долженъ былъ подтвердить свое показаніе присягою. Истецъ, панъ Матысъ Хорковскій, оцѢнилъ понесенные имъ убытки въ четыреста копъ грошей Литовскихъ, и тамже предъ нами, предъ всею копою, въ присутствіи вознаго и стороннихъ людей, самъ-третей, подтвердилъ свое показаніе присягою. А мы присудили ему взысканіе на всѢхъ селахъ Рожищскихъ, съ тѢмъ, чтобы эти села, удовлетворивъ пана Хорковскаго, искали себѢ виноватаго». Въ слѢдъ за тѢмъ, возный повѢта Луцкаго, Войтехъ Яблонскій, явившись лично предо мною, здѢсь же въ замкѢ господарскомъ Луцкомъ, объявилъ, для записанія въ книги гродскія Луцкія, слѢдующее: «Будучи отряженъ урядомъ на вышепомянутую копу, присутствовалъ я, вмѢстѢ съ двумя шляхтичами, панами Яномъ Несебенцкимъ и паномъ Матысомъ Выгоновскимъ, а также съ сторонними добрыми людьми, на копѢ, великой громадѢ, которая была собрана паномъ Матысомъ Хорковскимъ, на слѢду шкодника его, у границы на землѢ Рожищской, въ тысяча пять сотъ восемдесятъ второмъ году, мѢсяца Ноября двадцать восьмаго дня. Тамъ же, въ это время, видѢлъ я слѢдъ и ступни человѢчія по дорогѢ къ сельцу Рожищскому, гдѢ живутъ пастухи. Громада, дойдя по этому слѢду до земли Рожищской, кликала и вызывала Рожищанъ; но ни одинъ человѢкъ съ ихъ стороны не отозвался, никто не вышелъ и не взялъ слѢда. Копа засвидѢтельствовала невыходъ ихъ мною вознымъ и сторонними людьми. За тѢмъ я осматривалъ вредъ, причиненный пану Хорковскому въ имѢніи его Кобчемъ и видѢлъ пять домовъ, сожженныхъ со всѢми принадлежностями, и три тамошнія хаты. Копа, оцѢнивъ весь этотъ вредъ, при мнѢ возномъ и стороннихъ людяхъ, опредѢлила, чтобъ истецъ самъ-третей подтвердилъ оцѢнку понесенныхъ имъ убытковъ присягою. И панъ Хорковскій, оцѢнивая свои убытки въ четыреста копъ грошей, подтвердилъ это самъ-третей присягою. На основаніи этого законнаго доказательства, согласно артикулу шестому въ раздѢлѢ четырнадцатомъ

Статута, вся копа опредѣлила взыскать за вредъ, причиненный преступникомъ, со всѣхъ селъ Рожищскихъ, за ихъ невыходъ, и вышеозначенную сумму присудила пану Матысу Хорковскому съ тѣмъ, чтобы Рожищане, уплативъ эту сумму, искали себѣ виноватаго». Такой судъ копный объявила мнѣ уряду вся копа, чрезъ вознаго и поименованныхъ выше стороннихъ людей, давъ половину пересуда. Въ слѣдствіе чего, я, не отступая отъ права посполитаго, статута Великаго Княжества Литовскаго назначилъ срокъ для уплаты четырехъ сотъ копъ, согласно артикулу пятьдесятъ девятому раздѣла четвертаго, то есть, на каждые сто копъ, двѣнадцать недѣль, считая срокъ съ нынѣшняго втораго числа мѣсяца Генваря, восемдесятъ третьяго года. За тѣмъ я вышеизложенное объявленіе пана Хорковскаго, донесеніе вознаго, также засвидѣтельствованіе стороннихъ людей о копномъ судѣ и срокъ для уплаты денежнаго взысканія, урядомъ назначенный, приказалъ записать въ гродскія Луцкія книги.

IV *Слѣдствіе и распросъ громады о найденномъ въ городѣ Дубнѣ трупѣ неизвѣстнаго убитаго человѣка. Донесеніе вознаго. 1596 Августа 5.*

Року тысяча пять сотъ девятьдесять шостого, мѣсяца Августа, пятого дня.

Пришедши на врядъ замку его королевское милости Луцкаго, передъ мене Александра Сѣмашка на Хупкове, Кашталяна Браславскаго, старосты Луцкаго, урожоный панъ Петръ Сметанковичь Былчинскій, урядникъ Дубенскій княжати его милости, пана воеводы Кіевского, оповедалъ тыми словы: «ижъ дей въ року теперь идучомъ девять десять шостомъ, мѣсяца Іюля, двадцать втораго дня, въ понедѣлокъ рано, праве на свѣтанью, въ мѣстѣ Дубенскомъ, на улицы Швецкой, мещане Дубенскіе нашли тѣло чоловѣка забитого, незнаемого, которого не ведати, если, гдѣ индей хтось забивши, подвезъ, аболи тежъ хто тутъ въ мѣстѣ забилъ. На што дей я, заховуючися водьле права посполитого, мещанъ и предъмещанъ Дубенскихъ, по три разы громаду, тамъ же въ мѣстѣ, чинилъ, на которыхъ всихъ трохъ громадахъ, нихъто не позналъ, хто и откуль той чоловѣкъ былъ. И о томъ мужобойцы, не могучисе припытать, на третей остатней громаде, всказалемъ дей имъ всимъ присягнуть; якожъ дей и присягнули на томъ мужобойцы, отъ кого се стало, межи собою не ведаютъ, и не суть причинцами сами того мужобойства, а ни его знаютъ, откуль и кто былъ». И кгды то на вряде панъ Былчинскій оповедалъ, то кгды заразомъ тогожъ року, мѣсяца и дня звышьименованного, постановившися обличне передо мною, Янъ Валевскій, возный енералъ воеводства Волынскаго, созналъ тыми словы: «ижъ дей, будучи мне взятымъ на справу отъ пана Петра Сметанковича Былчинского, урядника Дубенского, въ року теперь идучомъ девять десять шостомъ, мѣсяца Іюля двадцать второго дня, а маючи я при собе сторону шляхту, былъ есми въ мѣстѣ Дубне и видѣлъ есми чоловѣка на смерть забитого, лежачого, на марахъ, посередъ рынку Дубенского, противъ церкви Святого Миколы. Тамъ же мещане и предъмещане Дубенскіе и зъ селъ околичныхъ Дубенскихъ подданые были на громаду зобраные. И оповѣдалъ передо мною вознымъ панъ Былчинскій, ижъ дей, дня сегоднешнего, въ понедѣлокъ, рано на свитанью, мещане Дубенскіе нашли того чоловѣка, на смерть забитого, въ мѣстѣ тутошнимъ Дубенскомъ, на улицы Швецкой. Тыежъ мещане и вся громада оповедали и оказовали мнѣ на томъ тѣлѣ раны, то есть голова и тварь вся збита, ледво знать, что человѣкъ былъ, и въ тылъ головы двѣ раны, знать сокиркою тятые, и все тѣло сине побито, котораго дей человѣка незнаемо, ни ведаемо, откуль былъ, и кто его забилъ, аболи тежъ неведаемо, если его откуль инудъ забитого не подвезено и тутъ покинено. Потомъ панъ Былчинскій,

тымъ же мещаномъ, и предъмещаномъ, и селамъ околичнымъ, на громаду другую зыйтысе, для лепшого выведеня и опыту, приказалъ, на день двадцать четвертый, мѣсяца Іюля въ року теперешнемъ девять десять шостомъ, на тоежъ местьце, на рынокъ Дубенскій, и того чоловѣка забитого тамъже вынесть казалъ, и выведыванье на той громаде, межи тыми всими поддаными, водлугъ права, передо мною чинилъ, якобы се могъ довидать, хто его забилъ, кто и откуль былъ. Нижли нихто не отозвалсе, абы его мелъ знать и ведать, откуль былъ. Также и о томъ мужобойцы, хто его забилъ, або откуль если бы подвезенъ забитый былъ, доведати се не могли. За чимъ панъ Былчинскій, подъ виною, въ праве посполитомъ описаною, тымже мѣщанамъ и селамъ околичнымъ Дубенскимъ, што и перво были, то есть: селу Ранчину, селу Погорелцомъ, селу Иваню, селу Головчичамъ, селу Вазнесеню, селу Тороканову и селу Подборцамъ, на тоежъ мѣсце на рынокъ Дубенскій, противъ церкви Святого Миколы, на громаду казалъ, зложивши имъ рокъ на день соботній, тогожъ мѣсяца Іюля, двадцать шостого дня. Кгды оные вси, такъ яко и перво, на громаду зшедшисе, при томъ тѣлѣ, которое было до нихъ третій разъ вынесено, выведанье водле права, хто его забилъ, и откуль, той человѣкъ былъ, чинили; а панъ Былчинскій, яко врядъ тамошній, межи ними особливе се о томъ пыталъ. А кгды, и на той третей, остатней громаде, о томъ человѣку забитомъ межи собою не допытали, тогды имъ всимъ панъ Былчинскій, водле права, декретомъ своимъ наказалъ присягу, яко его не знали, о мужобойцы межи собою не ведають, и нихто зъ нихъ причійною того мужобойства не есть, которую присягу каждій зъ нихъ передо мною вознымъ, при теле забитого, передъ церковью Святого Миколы, за выданемъ роты, водлугъ декрету вышъменованого, учинили. Што мною вознымъ и стороною панъ Былчинскій освѣтъчивши, тое тѣло на цвинътару у костела римского, въ мѣстѣ Дубенскомъ, поховать казалъ. По которомъ оповеданю своемъ и при сознанью возного, просилъ панъ Былчинскій, абы то было до книгъ записано; штомъ и записати казалъ.

(Книга гродская Луцкая 1596 года, листъ 588).

Тысяча пятьсотъ девяносто шестаго года, мѣсяца Августа, пятаго дня.

Явившись въ урядъ Луцкаго замка его королевской милости, предо мною Александромъ Сѣмашкомъ на Хупковѣ, кастеляномъ Брацлавскимъ и старостою Луцкимъ, благородный панъ Петръ Сметанковичь Былчинскій, Дубенскій урядникъ князя, его милости, пана воеводы Кіевскаго, объявилъ слѣдующими словами: «Въ нынѣшнемъ девяносто шестомъ году, мѣсяца Іюля, двадцать втораго дня, въ понедѣльникъ утромъ, на самомъ разсвѣтѣ, мѣщане Дубенскіе нашли тѣло неизвѣстнаго убитаго человѣка, въ городѣ Дубнѣ, на Швецкой улицѣ; и не извѣстно, былъ ли этотъ человѣкъ убитъ гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ и привезенъ въ Дубно, или кто нибудь убилъ его въ этомъ городѣ. Я, согласно съ правомъ посполитымъ, три раза собиралъ громаду, въ томъ же городѣ Дубнѣ, изъ мѣщанъ и предмѣщанъ Дубенскихъ, а также изъ селъ околичныхъ Дубенскихъ. На всѣхъ этихъ трехъ громадахъ никто не узналъ, кто былъ убитый, и откуда. И такъ какъ я не могъ допытаться, кто былъ убійца, то, на послѣдней, третьей громадѣ, приказалъ присягнуть всѣмъ вышеозначеннымъ людямъ, которые присягнули въ томъ, что они не знаютъ между собою убійцы, что они сами не были причиною убійства, и убитаго не знаютъ кто онъ, и откуда». И когда панъ Былчинскій объявилъ это въ урядѣ, то, тотъ же часъ, въ томъ же году, вышеозначеннаго мѣсяца и числа, явившись лично предо мною Янъ Валевскій, Генеральный возный воеводства Волынскаго, донесъ слѣдующее: «Былъ я приглашенъ на слѣдствіе, паномъ Петромъ Сметанковичемъ Былчинскимъ, урядникомъ Дубенскимъ, въ нынѣшнемъ девяносто шестомъ году, мѣсяца Іюля, двадцать втораго дня, а при мнѣ была шляхта, стороннії люди. Прибывъ въ городъ Дубно, я видѣлъ человѣка убитаго на смерть,

лежащаго на носилкахъ, посреди рынка Дубенскаго, противъ церкви Святаго Николы. Тутъ же были собраны на громаду мѣщане и предъмѣщане Дубенскіе и крестьяне изъ селъ околичныхъ Дубенскихъ. И объявилъ предо мною вознымъ панъ Былчинскій, что сего дня, въ понедѣльникъ, утромъ на разсвѣтѣ, мѣщане Дубенскіе нашли этого человѣка, убитаго на смерть, въ здѣшнемъ городѣ Дубнѣ, на Швецкой улицѣ. Мѣщане Дубенскіе и вся громада объявляли и показывали мнѣ раны на тѣлѣ убитаго: голова и все лицо избиты, такъ что едва можно узнать, что человѣкъ былъ; а на затылкѣ двѣ раны, нанесенныя, вѣроятно, сѣкиркою, и все тѣло синее, избитое. И сказали мнѣ мѣщане и вся громада: Мы де этого человѣка не знаемъ, и не вѣдаемъ, откуда онъ, и кто его убилъ; не знаемъ также, не былъ ли онъ убитъ гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, подвезенъ въ нашъ городъ и здѣсь покинутъ. Потомъ панъ Былчинскій приказалъ тѣмъ же мѣщанамъ, предмѣщанамъ и селамъ околичнымъ, для лучшаго изслѣдованія и распроса, сойтись на вторую громаду, на тоже мѣсто, на рынокъ Дубенскій, нынѣшняго девяносто шестаго года, мѣсяца Іюля, двадцать четвертаго дня. На этой громадѣ, панъ Былчинскій, приказавъ вынести убитаго на тоже мѣсто, дѣлалъ, въ моемъ присутствіи, распросъ между всѣми означенными выше людьми, стараясь вывѣдать, кто и откуда былъ убитый, и кто его убилъ. Но никто изъ нихъ не отозвался, кто бы убитаго зналъ, или вѣдалъ, откуда онъ былъ. Не могли также довѣдаться и объ убійцѣ, а также и о томъ, не былъ ли убитый привезенъ изъ какого нибудь другаго мѣста. За тѣмъ, панъ Былчинскій, подъ страхомъ наказанія, въ правѣ посполитомъ назначеннаго, приказалъ еще разъ собраться на громаду, на томъ же мѣстѣ, на рынкѣ Дубенскомъ, противъ церкви Св. Николы, тѣмъ же мѣщанамъ и селамъ околичнымъ Дубенскимъ; которыя и прежде собирались, а именно: Селу Ранчину, селу Погорѣльцамъ, селу Иваню, селу Головчичамъ, селу Вознесенью, селу Тороканову и селу Подборцамъ. Срокъ для этого назначенъ въ субботу, того же мѣсяца Іюля двадцать шестаго дня. И когда всѣ, какъ и въ первый разъ, сошлись на громаду, при трупѣ, который былъ въ третій разъ вынесенъ къ нимъ, то дѣлали, согласно съ правомъ, распросъ, допытываясь, откуда былъ убитый, и кто его убилъ. А панъ Былчинскій, какъ урядникъ тамошній, еще особо объ этомъ распрашивалъ. Когда и на этой третьей, послѣдней громадѣ, сходатаи ничего между собою о томъ убитомъ человѣкѣ не допытались, тогда панъ Былчинскій, поступая согласно съ правомъ, опредѣлилъ декретомъ своимъ, чтобы всѣ вышеозначенные люди присягнули въ томъ, что они убитаго не знали, убійцы между собою невѣдаютъ, и что никто изъ нихъ не былъ виновникомъ убійства. Такую присягу каждый изъ нихъ, на основаніи вышеозначеннаго декрета, по выданной формѣ, учинилъ предо мною вознымъ, при трупѣ, предъ церковью Св. Николы. Засвидѣтельствовавъ все это мною вознымъ и сторонними людьми, панъ Былчинскій приказалъ похоронить трупъ на кладбищѣ у католическаго костела, въ городѣ Дубнѣ». Послѣ такого объявленія, подтвержденнаго донесеніемъ вознаго, просилъ панъ Былчинскій, чтобы это объявленіе записано было въ книги; и я записать приказалъ.

V *Копный судъ о покражѣ меду изъ борти и о сожженіи бортнаго дерева. 1608 Мая 15.*

Року тысяча шесть сотъ осьмаго, мѣсяца Мая пятогонадцать дня.

На вряде кгродскомъ, въ замку его королевской милости Володимерскомъ, передо мною Томашемъ Козиковскимъ, буръграбимъ и намѣстникомъ подстароства Володимерского, постановившисе обличне подданый Его королевской милости Стеферицкій Федоръ войтъ, Кратлипченя присяжникъ, Лучка Панасеня присяжникъ, Олешко Дещеня присяжникъ, Юсько Ярмаковичъ присяжникъ, а подданые его милости пана Юська Овлучимскаго, писара земскаго Володимирскаго зъ Овлучима: Яцко бортникъ, Федоръ Бутковичь, а

подданый пана Ивана Овлучимскаго зъ Овлучима Янко бортникъ, а подданые пана Фридриха, подсудка Хельмъскаго, зъ великое Вербое и зъ Руды: Ясько Попковичь, Иванъ Гриценя, Совтунъ Саченя, Симонъ Юсковичь, сами отъ себе и отъ всихъ иншихъ сусѣдовъ своихъ, на правѣ копномъ будучихъ, и при нихъ волные енеральные, шляхетные Наумъ Кузьминскій и Стефанъ Ковалевскій, ку записаню до книгъ кгродскихъ, вызнали тыми словы: «Ижъ въ року теперь идучомъ, тысяча шесть сотъ осьмомъ, мѣсяца Априля двадцатаго дня, будучи намъ везванымъ на копу, отъ ее милости панее Макгдалены зъ Овлучима Абрамовое Пузовской, на мѣстцѣ певное, въ боръ Пузовскій, за Бѣлинымъ полемъ, и кгды сьми тамъ въ бору Пузовскомъ, на той копе засели, теды ее милость пани Абрамовая Пузовская, передъ нами и при бытности ихъ милости пановъ шляхты: пана Павла Пузовскаго, пана Максима Лудовича, пана Яна и пана Шимана Вербскихъ, и всихъ подданыхъ ихъ, жаловала въ тые слова: «Ижъ въ року теперешнемъ тысяча шесть сотъ осьмомъ, мѣсяца Априля, второго дня, стала ми се въ бору шкода: подрубано сосну бортную, отъ осьми лѣтъ неподглядану, и съ тое сосны медъ выбрано, и сосну спалено». И въ той шкоде своей дала вину паней Васильевой Вербской, и пану Семену Русальскому, и пану Мартину Андрузскому, и пану Павлу Дахновичови. И просила насъ, абыхмо, съ повинности нашое, до пановъ Вербскихъ послали, упоминаючи ихъ, абы они сами, зо всѣми поддаными своими зъ Вербое и зъ Вохновичь, передъ нами на копе стали и въ тое шкоде панее Пузовское справу о собе дали. До которыхъ мы возныхъ звышменованныхъ, упоминаючи, посылали. А ижъ предречовые панове Вербскіе, на томъ же местцу, где се шкода стала, ани сами передъ нами на копе не стали, ани подданыхъ своихъ не поставили, и жадное вѣдомости и справы о собе не дали; теды мы, не коньчеча тое справы, одложили есьмо оную, для лепшого опыту и вывѣдованія, до другое копы, то есть, до дня двадцать семого, мѣсяца тогожъ Априля. А кгды тотъ рокъ припалъ, теды мы всѣ, особы звышменованые, на томъ местцу, на той копе, заседши, за домовеннемъ се панеи Абрамовое Пузовское, посылали есмо тыхъ же возныхъ перво помененныхъ до Вербое и Вохновичь, до панее Василевое Вербское, до тыхъ пановъ вышпомененныхъ, абыхмо, съ невинности своей, упоминаючи, абы они сами передъ нами на той копе стали и подданыхъ своихъ всихъ ставили. А ижъ они, яко первей, такъ и потомъ другій разъ, передъ нами яко не стали и подданыхъ своихъ не ставили, теды мы, яко и первей, не кончили тое справы, оную, для лепшого опыту и выведованя, еще отложили есмо до третіе копы, то есть, до пятницы пришлое, до дня четвертого Мая. А кгды тотъ рокъ, той копе назначенный, припалъ, и мы всѣ особы звышменованные, судьи копные, тамъ же на томъ местцу, где се шкода стала, на той копе засевши, за домовеннемъ се панее Абрамовое Пузовское, третій разъ посылали есмо тыхъ же возныхъ звышменованыхъ до Вербое и Вохновичь, до впродъреченныхъ пановъ Вербскихъ, упоминаючи ихъ, абы они сами передъ нами на копе стали и подданыхъ своихъ поставили. А ижъ они за першимъ, другимъ и третимъ посыланемъ и упоминанемъ нашимъ, передъ нами сами не стали, и подданыхъ своихъ не становили, и жадное вѣдомости и справы о собе не дали, теды мы всѣ, судьи копные, которыхъ насъ было о пултораста, заховуючися въ томъ водлугъ звычаю права нашого копного, бачечи упоръ непослушенства впродъреченыхъ пановъ Вербскихъ и подданыхъ ихъ Вербскихъ, осветчивши то все возными вышменоваными и шляхтою, при насъ будучою, декретомъ нашимъ, тую всю шкоду панее Абрамовое Пузовское до впродъреченыхъ пановъ Вербскихъ, и самихъ, и подданыхъ ихъ Вербскихъ, приложили есьмо. Якъ же и знакъ на той сосне на колоде, клеймо панее Федоровое Пузовское, а въ немъ клеймо панее Абрамовое Пузовское, презъ бортника панее Василевое Вербское положоное, знашли есмо, и оное тыми жъ возными освѣтчили и шляхтою менованою». Где, тутъ же, очевисто ставши передо мною на вряде, возные, менованые: Наумъ Кузминьскій и Стефанъ Ковалевскій, тое право копное въ тые же слова, яко и сами судьи, сознали: ижъ тамъ, на томъ местцу, притомъ всемъ, были и по три кротъ до Вербое и Вохновичь ездили и всихъ пановъ Вербскихъ, именъ звышменованыхъ, въ домехъ ихъ, очевисте заставши, упоминали, абы они сами на копе становились и подданыхъ своихъ

ставили; нижли они, за всѣми трома разы, не становилисе и подданыхъ своихъ не становили. Которое жъ то очевистое сознане судей копныхъ и возныхъ преречоныхъ, за принятемъ моимъ, есть до книгъ кгродскихъ записано.

(Книга гродская Владимірская 1608 года, листъ 286).

Тысяча шестьсотъ восьмаго года, Мая пятнадцатаго дня.

Въ урядѣ гродскомъ, въ замкѣ его королевской милости Владимірскомъ, являлись лично, предо мною, Томашемъ Козиковскимъ, бургграфомъ и намѣстникомъ подстароства Владимірскаго, крестьянинъ его королевской милости θедоръ Стеферицкій войтъ, присяжный Кратлипченя, присяжный Лучка Панасеня, присяжный Юшко Ярмаковичъ, а съ ними крестьяне его милости, пана Юська Овлучимскаго, писаря земскаго Владимірскаго изъ Овлучима: Яцко Бортникъ, θедоръ Бутковичъ и крестьянинъ пана Ивана Овлучимскаго изъ Овлучима, Янко Бортникъ, также крестьяне пана Фридриха подсудка Хелмскаго, изъ Великой Вербы и изъ Руды: Яско Попковичь, Иванъ Гриценя, Совтунъ Соченя, Симонъ Юськовичь, сами отъ себя и отъ всѣхъ другихъ сосѣдей своихъ, бывшихъ на правѣ копномъ. А при нихъ были генеральные возные, шляхетные Наумъ Кузминскій и Стефанъ Ковалевскій. Вышепоименованныя лица объявили, для записанія въ гродскія книги, слѣдующее: «Въ нынѣшнемъ тысяча шестьсотъ восьмомъ году, мѣсяца Апрѣля, двадцатаго дня, были мы позваны на копу, отъ ея милости, паньи Магдалины изъ Овлучима Аврамовой Пузовской, на назначенное мѣсто, въ боръ Пузовскій, за Бѣлинымъ полемъ. И когда мы тамъ, въ бору Пузовскомъ, засѣли на копѣ, то ея милость, пани Аврамовая Пузовская, предъ нами и въ присутствіи ихъ милостей登 пановъ шляхты: Павла Пузовскаго, Максима Лудовича, Яна и Шимана Вербскихъ, и въ присутствіи всѣхъ крестьянъ ихъ, жаловалась слѣдующими словами: «Въ нынѣшнемъ тысяча шестьсотъ восьмомъ году, мѣсяца Апрѣля, втораго дня, причиненъ мнѣ вредъ: подрублена сосна бортная, восемь лѣтъ нелаженная; медъ выбранъ, а сосна сожжена». Въ этомъ поступкѣ она обвиняла панью Васильевую Вербскую, пана Семена Русальскаго, пана Мартына Андрузскаго, и пана Павла Дахновича, и просила насъ, чтобы мы, по своей обязанности, послали къ панамъ Вербскимъ, и пригласили ихъ явиться предъ нами на копу со всѣми крестьянами изъ Вербое и изъ Вохновичь, для оправданія въ означенномъ выше обвиненіи. Мы посылали къ обвиняемымъ съ повѣсткою поименованныхъ выше возныхъ. Но такъ какъ паны Вербскіе сами передъ нами на копѣ, на мѣстѣ преступленія, не явились, крестьянъ своихъ не представили и никакого отъ себя не дали ни отвѣта, ни извѣстія; то мы, не оканчивая этого дѣла, для лучшаго распроса и изслѣдованія, отложили до другой копы, то есть, до двадцать седьмаго дня, того же Апрѣля мѣсяца. И когда насталъ этотъ срокъ, то всѣ мы, вышеозначенныя лица, засѣвъ на прежнемъ мѣстѣ, на копѣ, посылали, по просьбѣ паньи Аврамовой Пузовской, тѣхъ же возныхъ, въ Вербое и Вохновичи, къ паньи Васильевой Вербской и къ вышепоименованнымъ панамъ, напоминая, по своей обязанности, чтобъ они сами явились предъ нами на копѣ и всѣхъ крестьянъ своихъ представили. Но они, какъ въ первый, такъ и во второй разъ, и сами не явились предъ нами, и крестьянъ своихъ не представили. Поэтому мы, не окончивая дѣла для лучшаго распроса и изслѣдованія, отложили до третьей копы, то есть, до будущей пятницы, до четвертаго числа Мая мѣсяца. И когда этотъ срокъ назначенный для третьей копы, насталъ, то всѣ мы, вышеупомянутыя лица, судьи копные, засѣвъ на этой копѣ, по просьбѣ паньи Абрамовой Пузовской, посылали въ третій разъ тѣхъ же возныхъ, въ Вербое и Вохновичи, къ вышепоименованнымъ панамъ Вербскимъ, напоминая имъ, чтобъ

они сами явились предъ нами и крестьянъ своихъ представили. Но они, какъ послѣ перваго и втораго, такъ и послѣ третьяго посланія и напоминанія нашего, и сами предъ нами не явились; и крестьянъ своихъ не представили, и никакого отвѣта и свѣдѣнія о себѣ не дали. Тогда мы всѣ, судьи копные, которыхъ было около полутораста человѣкъ, поступая по обычаю права нашего копнаго, видя упорное непослушаніе поименованныхъ выше пановъ Вербскихъ и крестьянъ ихъ, засвидѣтельствовавъ все это возными и бывшею при насъ шляхтою, опредѣлили декретомъ своимъ взыскать удовлетвореніе, за весь вредъ, причиненный паньи Аврамовой Пузовской, съ поименованныхъ выше пановъ Вербскихъ, съ нихъ самихъ и съ крестьянъ ихъ Вербскихъ. Мы нашли также и знакъ на бортной соснѣ, на колодѣ, клеймо паньи Ѳедоровой Пузовской, а на этомъ клеймѣ — клеймо паньи Аврамовой Пузовской, наложенное бортникомъ паньи Васильевой Вербской, которое клеймо мы засвидѣтельствовали шляхтою». Здѣсь же, явившись лично предо мною, въ урядѣ, возные: Наумъ Кузьминскій и Стефанъ Ковалевскій, сознали вышеизложенный копный судъ, тѣми же словами, какъ сознавали и сами копные судьи, то есть, что они на мѣстѣ копнаго суда были, при всемъ дѣлопроизводствѣ присутствовали, что три раза ѣздили въ Вербое и Вохновичи, каждый разъ заставали всѣхъ вышепоименованныхъ пановъ Вербскихъ въ домахъ ихъ и напоминали, чтобъ они сами явились на копѣ, и крестьянъ своихъ представили. Но они, послѣ всѣхъ трехъ напоминаній, на копу не явились и крестьянъ своихъ не представили. Это личное показаніе судей копныхъ и вышепоименованныхъ возныхъ принято мною и записано въ гродскія книги.

VI Судъ сельской громады о воровствѣ; пытка и смертная казнь. 1622, Декабря 9.

Року тысяча шесть сотъ двадцат второго, месеца Декабря, девятого дня.

На вряде гродскомъ, въ замку его королевской милости Володимерскомъ передо мною Станиславомъ Собанскимъ, буркграбимъ замку Володимерского, и книгами нинешними кгродскими старостинскими, становши очевисто шляхетный Микола Закревскій, возный земскій, енералъ воеводства Волынскаго, для записаня до книгъ нинешнихъ кгродскихъ Володимерскихъ явне, ясне и добровольне зозналъ и на письме реляцию свою, подалъ тыми словы писаную и такъ ся всобе маючую: — Actum est anno 1622, mense decembri, 8 die, w maiętnośći Nizkieniczach iego mośći pana Adama Kysiela, przy bytnośći urodzonych ich mośćiów panów: Jana Sembla, Piotra Kałusowskiego, Stephana Więtczyka, tudzis duchowney osobe, oyca Eremei swieszczenika Spaskiego, z maiętnośći iego mośći, księdza władyki Włodzimierskiego, Tyszkowicz, y przy poddanych z roznych wsi okolicznych, to iest: Samoyle Bartoszowicza, z gromady Butiatickiei, y przy Fiedku Sięku z gromady Tyczkowickiey, Lewku Repiachu z gromady Wareskiey, maietnośći iego mośći pana Sędziego Lwowskiego y przy wielu ynnych. Tudziś, przy wscitkiey gromadzie Nizkienickiey, za instigowaniem poddanego Nizkienickiego Mikołaia Szczerbacza, postanowiony iest do sądu, według zwyczaiu i prawa pospolitego, więzieniem zwyczainym opatrany, nieiaki Waśko, syn Juriia Czerewka, tak iako się on być mianował, ze wsi Zawisznia, dobr, do starostwa Sokalskiego naliezących, s takowym przełożeniem skargi i obwinienia: iż ten pomieniony człek, przepomniawszy boiazni Bożey, niepomniąc na dobrodzieystwo, którego zażywał pierwiey, słuząc teraz instiguiącemu, rosprawiwzy się z nim zwycyaynym sposobem, płacą swoią ukontentowany, czwartego dnia, po odeśćiu z Nizkenicz, w nocy, sposobem złodzieyskym podszedszy, wzioł i ukradł u skarzącego się konia w szyrść ciemno myszatego, którego on sobie szacował złotych czterdzieśćie, z wozem y z chomątem, na podworzu, u tego to instiguiącego, y z onym koniem kradzionym uiechał. Który to złodzi, gdy był szukany wszędzie, przyscigniony iest w maiętnośći wielmożnego iego mośći pana Stanisława Żorawińskiego, Kastellana Bielzskiego, we wsi Holubiach. A potym, za requirowaniem tegoż instiguiącego, od starosty y gromady tameyszey wydany. Który, tam zaraz,

do uczynku swego przyznawzy śię, o koniu, gdzie go zostawił y przychował wyznał, to iest na Wolce za Sokaliem, wsi należącei do Sokala. Którego to konia ten pomieniony instiguiący odszukawszy, takową skargę przełożywszy, oraz złodzieja z licem do sądu stawił, postąpiwszy w tym sobie prawnie, sposobiwszy szlachetnego Mikołaia Zakrzewskiego, generała wojewodstwa Wołynskiego, y mistrza Jaska z miasta Torczyna, requirował y prosił, aby według zasług swoich y według prawa był osądzony. A przeto, urodzeni ich mośći wysz pomienieni, tudzisz pomieneni wysłani z gromad, wespoł z gromadą Nizkienicką, przychiliwszy się do prawa y statutu pisanego, naprzod pytali: ieśliby się znał do takiego uczynku y lica tego? Który to obwiniony złodzi przyznał się do uczynku y lica tego. A potem dekret swoy ferowali, aby był, tak iako zasłużił, y prawo uczy, na garle karany. I za takowym dekretem oddany iest do rąk wyszpomienionego mistrza na executią, zostawiwszy przy tym wolne instiguiącym, który z inszych wsi przypytowali się do złodzieia tego, probe, ieśliby który chciał, y ieśliby ten złodzi miał przyznać do iakiego uczynku. Niżli, iż żaden nie ynstigował, aby był pociągniony do proby wyznania kradzieży, dalszy podany nie był, za uczynek samey teie, kradzieży zwyszpomienioney, przez mistrza, zwyszpomienionego odniosł, według zasługi swey y prawa opisanego, zapłate y na garle karany iest». Што все менованный возный, такъ власне правдиве быти зознавши, просилъ, абы тое его очевистое и добровольное зознанье принято и до книгъ записано было; которое есть принято и записано.

(Книга гродская Владимірская 1622 года, листъ 911, на оборотѣ).

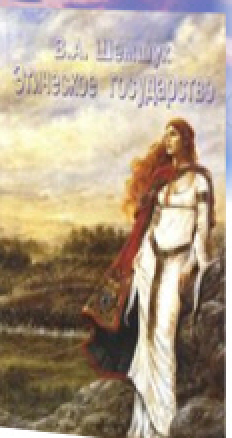
Тысяча шестьсотъ двадцать втораго года, мѣсяца Декабря, девятаго дня.

Въ урядѣ гродскомъ, въ замкѣ его королевской милости Владимірскомъ, предо мною Станиславомъ Собанскимъ, бургграфомъ замка Владимірскаго, и предъ книгами нынѣшними гродскими старостинскими, явившись лично шляхетный Николай Закревскій земскій генеральный возный воеводства Волынскаго, сознавъ явно, ясно и добровольно, для вписанія въ нынѣшнія гродскія Владимірскія книги, и подалъ на письмѣ свою реляцію, написанную слѣдующими словами и заключающую въ себѣ нижеслѣдующее: — «Дѣялося въ 1622-мъ году, Декабря 8-го дня, въ имѣніи его милости, пана Адама Киселя, Низкеничахъ, въ присутствіи благородныхъ ихъ милостей пановъ, Яна Сембля, Петра Калусовскаго, Стефана Вѣнтчика, также въ присутствіи духовной особы, Спасскаго священника, отца Іереміи изъ Тышковичь, имѣнія его милости владыки Владимірскаго, также въ присутствіи крестьянъ изъ разныхъ селъ околичныхъ, а именно: при Самуилѣ Бартошевичѣ изъ громады Бутятицкой, при Федькѣ Сенкѣ изъ громады Тышковицкой, Левкѣ Репяхѣ изъ громады Вареской, изъ имѣнія пана судьи Львовскаго, и при многихъ иныхъ. Въ это время, по доносу Низкеницкаго крестьянина Николая Щербача, поставленъ былъ на судъ, предъ всею громадою Низкеницкою, по обычаю и праву посполитому, подъ обычнымъ арестомъ, какой-то Васько, сынъ Юрія Черевка, какъ онъ самъ называлъ себя, зъ села Завишня, принадлежащаго къ староству Сокальскому. На него представлена была слѣдующая жалоба и обвиненіе: «Поименованный человѣкъ; забывъ страхъ Божій, не помня благодѣяній, которыми пользовался прежде, служивъ вышеозначенному истцу, расчитавшись съ нимъ обыкновеннымъ способомъ и получивъ условленную плату, отправился ночью, четвертаго числа, изъ Низкеничь, а потомъ, подкравшись воровскимъ способомъ, взялъ и укралъ у истца, на подворьи, коня, шерстью темномышастаго, оцѣниваемаго истцомъ въ сорокъ злотыхъ, съ возомъ и хомутомъ, и съ украденнымъ конемъ уѣхалъ». Воръ былъ отыскиваемъ вездѣ и застигнутъ въ селѣ Голубяхъ, имѣніи вельможнаго его милости пана Станислава Жоравинскаго, кастеляна Белзскаго. Потомъ, по требованію того же истца, воръ былъ выданъ старостою и громадою вышеозначеннаго села. Тамъ же воръ, тотчасъ признался въ своемъ преступленіи, и объявилъ, гдѣ онъ

оставилъ и припряталъ коня, именно за Сокалемъ, въ селѣ Волькѣ, принадлежащемъ къ Сокалю. Отыскавъ украденнаго коня, истецъ ставилъ вора на судъ вмѣстѣ съ поличнымъ. Представивъ означенную выше жалобу, сообразно съ законами, пригласивъ генеральнаго вознаго воеводства Волынскаго, шляхетнаго Николая Закревскаго и палача Яска, изъ города Торчина, онъ требовалъ и просилъ, чтобы воръ былъ осужденъ по законамъ, по мѣрѣ его вины. Въ слѣдствіе чего, вышепоименованные ихъ милости, также лица, присланныя отъ громадъ, вмѣстѣ съ Низкеницкою громадою, сообразуясь съ обычнымъ правомъ и съ писаннымъ статутомъ, спрашивали вора: признается ли онъ въ преступленіи и въ томъ, что у него найдено поличное? И этотъ обвиненный воръ признался въ преступленіи и въ томъ, что у него найдено поличное. За тѣмъ вышеозначенныя лица опредѣлили декретомъ своимъ, чтобы онъ, какъ заслужилъ, и какъ повелѣваетъ право, былъ казненъ смертію. На основаніи такого приговора, онъ отданъ былъ въ руки вышепоименованнаго палача на экзекуцію. При этомъ людямъ изъ другихъ селъ, желавшимъ допросить вора, предоставлено было вольное право, требовать, чтобъ воръ подвергнутъ былъ пыткѣ, не признается ли онъ еще въ какомъ нибудь преступленіи. Но такъ какъ никто не требовалъ, чтобы воръ, для признанія въ воровствѣ, былъ подвергнутъ пыткѣ, то онъ и не былъ болѣе подвергаемъ пыткѣ; но за одну только означенную выше покражу, получилъ отъ вышепоименованнаго палача награду, по своей заслугѣ и согласно съ писаннымъ правомъ: былъ казненъ смертію». Вышепоименованный возный, объявивъ, что все это дѣйствительно такъ происходило, просилъ, чтобы его личное и добровольное сознанье было принято и въ книги записано; и оно принято и записано.

Василий Лычковский
(составитель)

Древнерусская Мораль как основа Русского Святого Духа

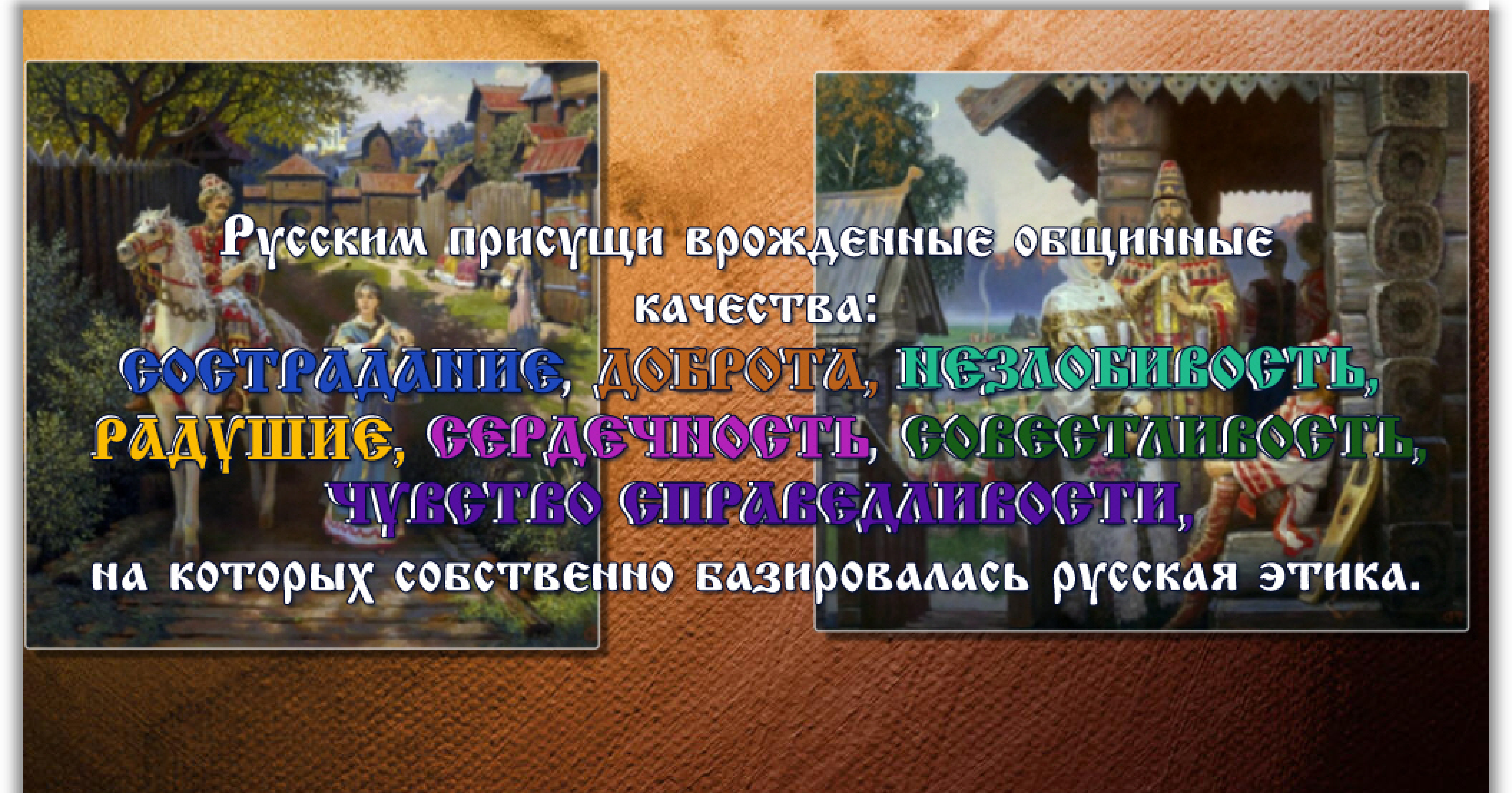

По книге В.А.Шемшука
Этическое государство

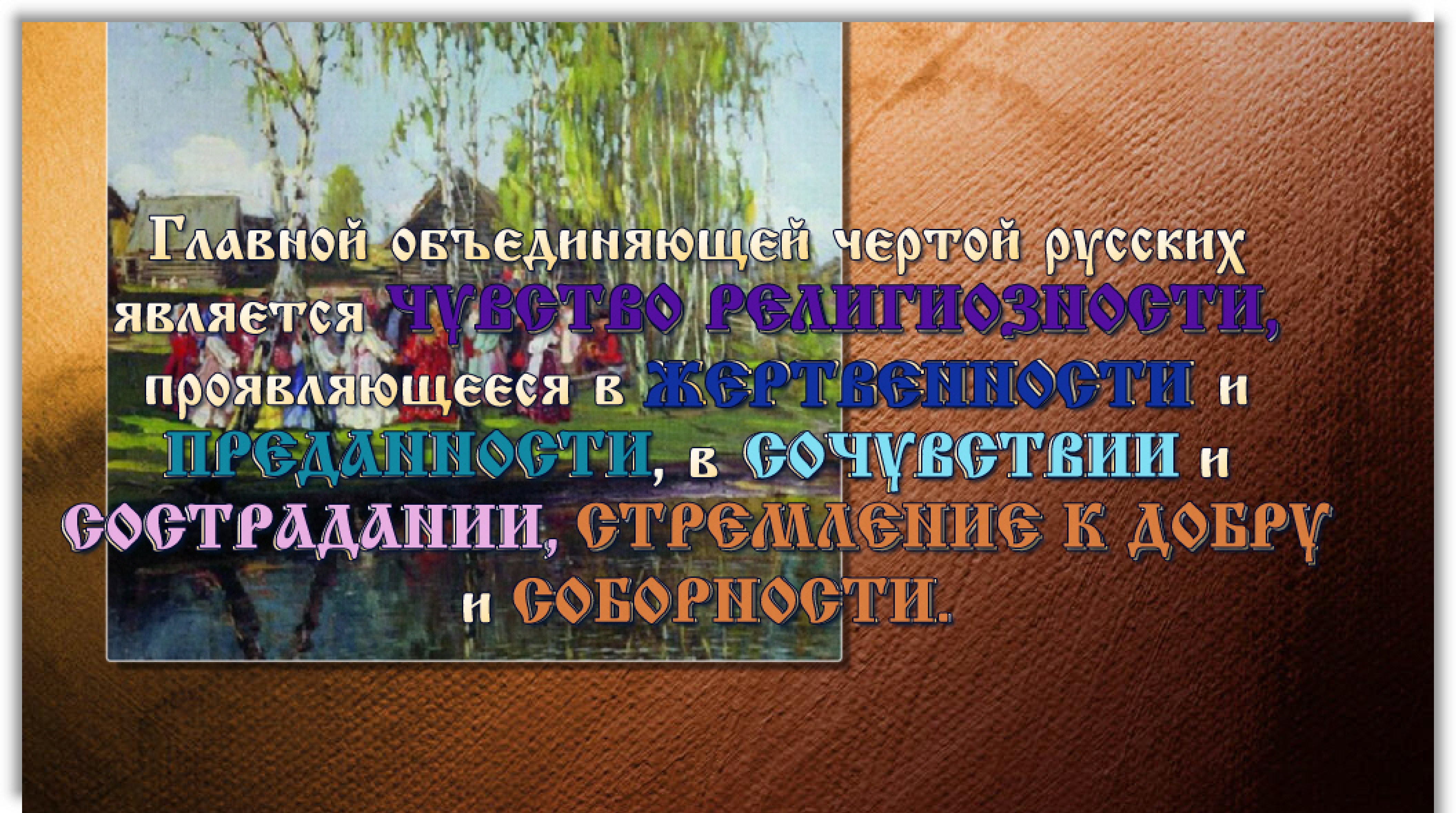

Древнерусская Мораль
как основа Русского Святого Духа
слушать
ia.livejournal.com

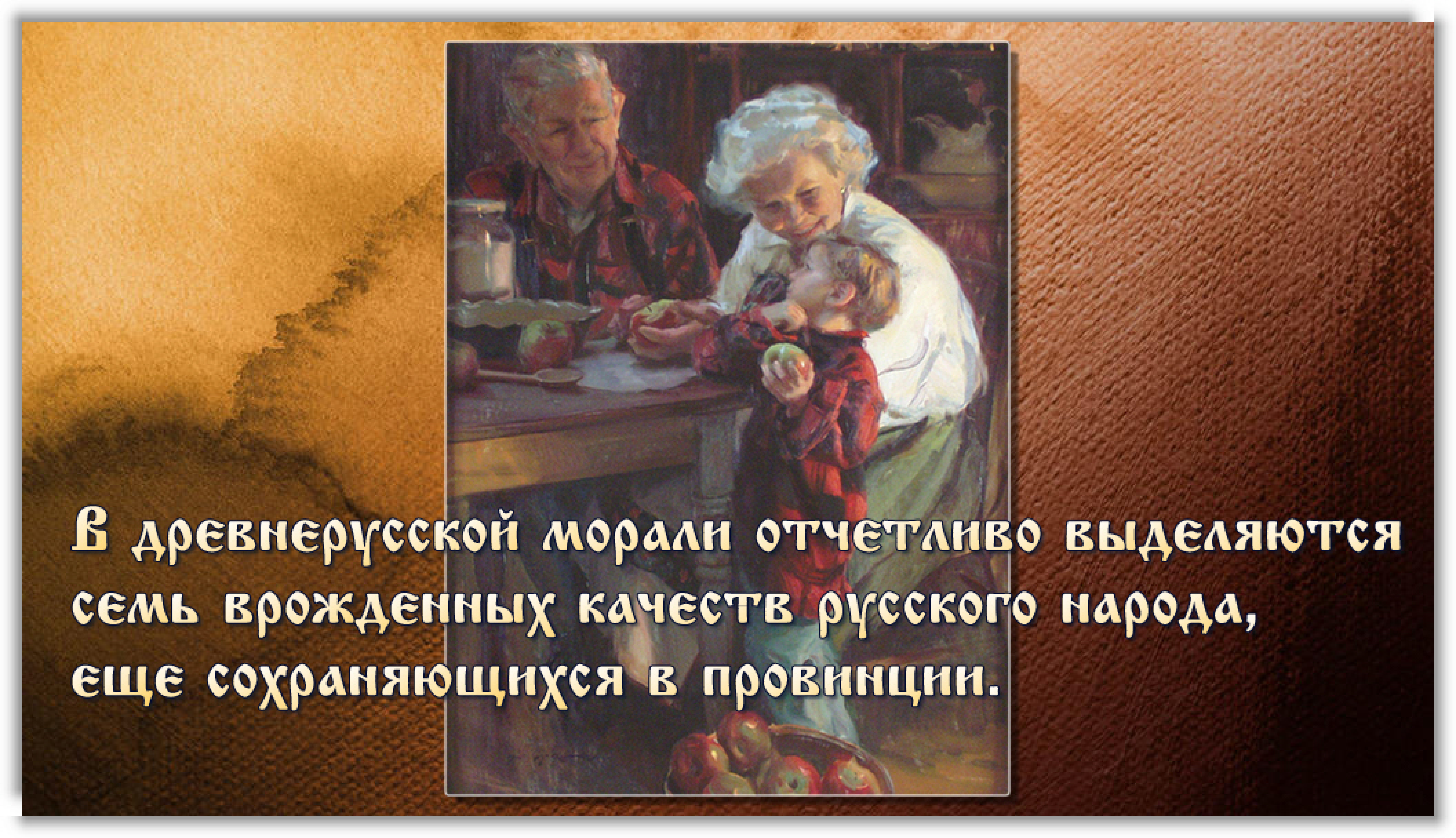

Все Человечество прошло через общину, благодаря чему была сформирована общечеловеческая мораль - правила поведения по отношению к другим людям.

Она просуществовала вплоть до прошлого века, в то время как большинство других цивилизованных народов утратило общинный уклад 1-1,5 тысячи лет назад.

Русским присущи врожденные общинные
качества:
сострадание, доброта, незлобивость,
радушие, сердечность, совестливость,
чувство справедливости,
на которых собственно базировалась русская этика.

Но, к сожалению, она не стала нормой жизни сформировавшегося российского государства, поскольку после принятия Христианства государственное устройство стало формироваться по римскому образцу.

Главной объединяющей чертой русских
является чувство религиозности,
проявляющееся в жертвенности и
преданности, в сочувствии и
сострадании, стремление к добру
и соборности.

В древнерусской морали отчетливо выделяются
семь врожденных качеств русского народа,
еще сохраняющихся в провинции.

1. ДОБРОДУШИЕ было национальной
чертой наших Предков.

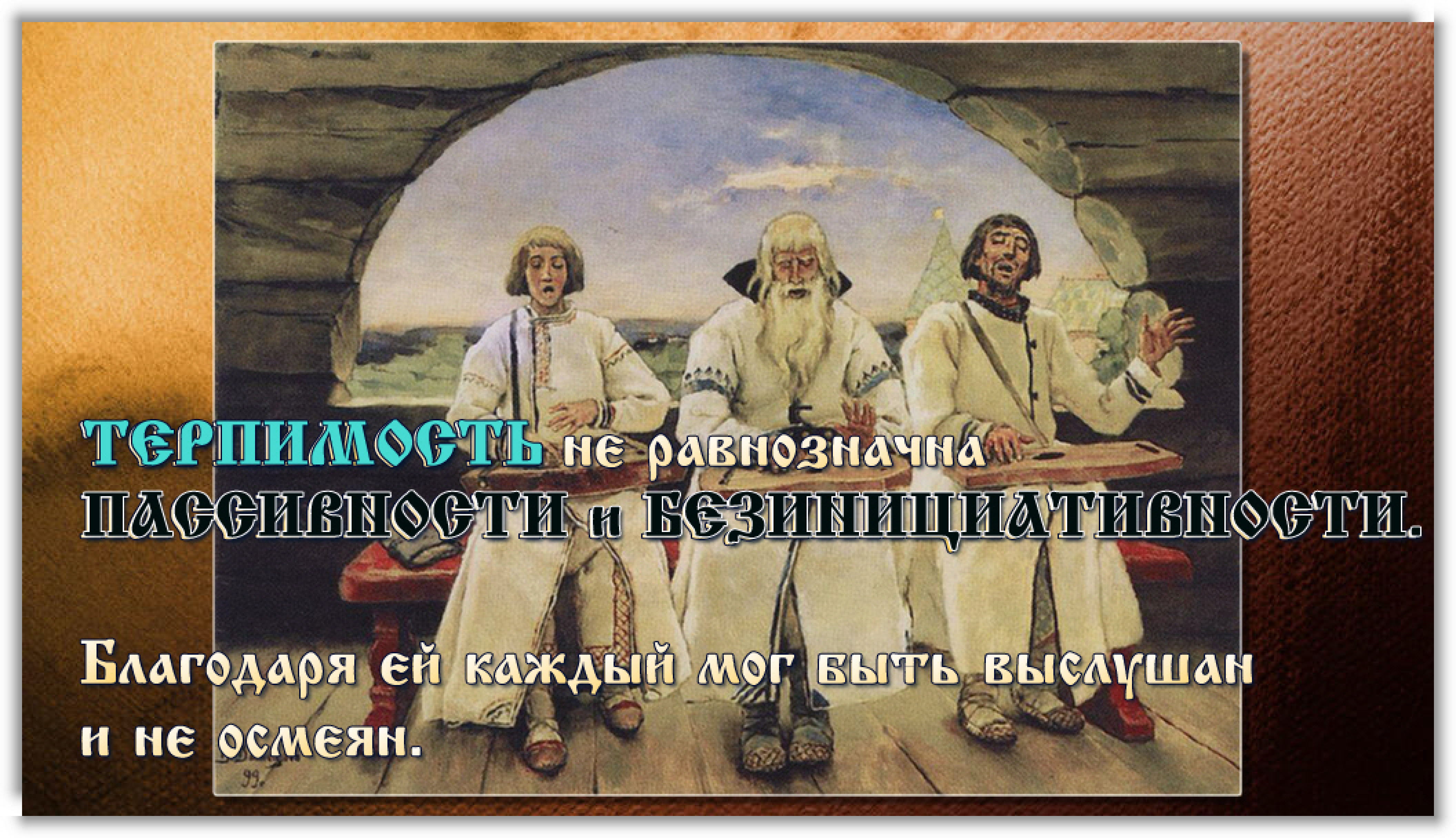

Оно соответствует
МОРАЛЬНОМУ ПРИНЦИПУ -
ТЕРПИМОСТИ.

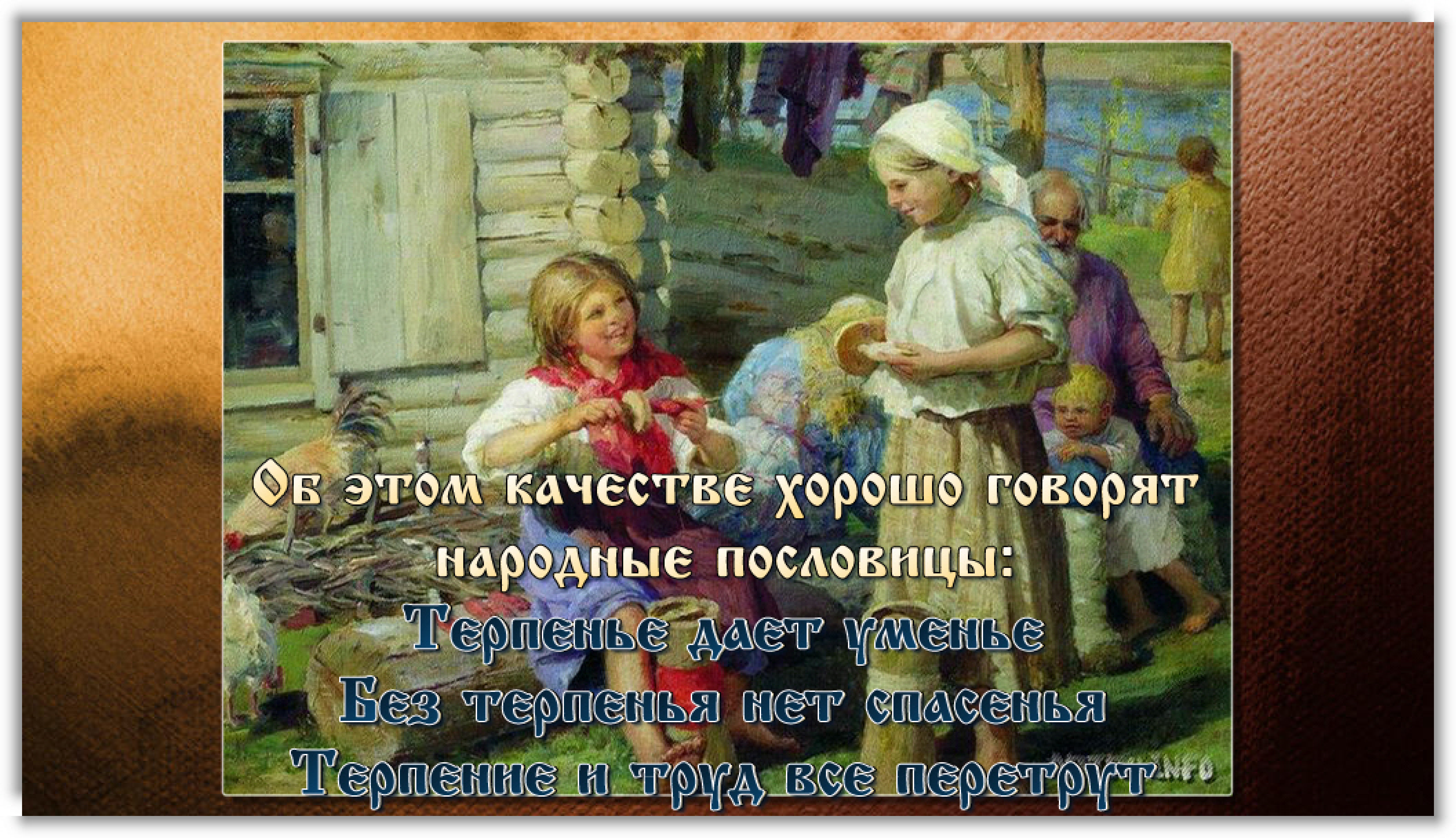

Эта черта помогла российскому народу
объединить многие народности на
территории Европы, Азии и Америки.

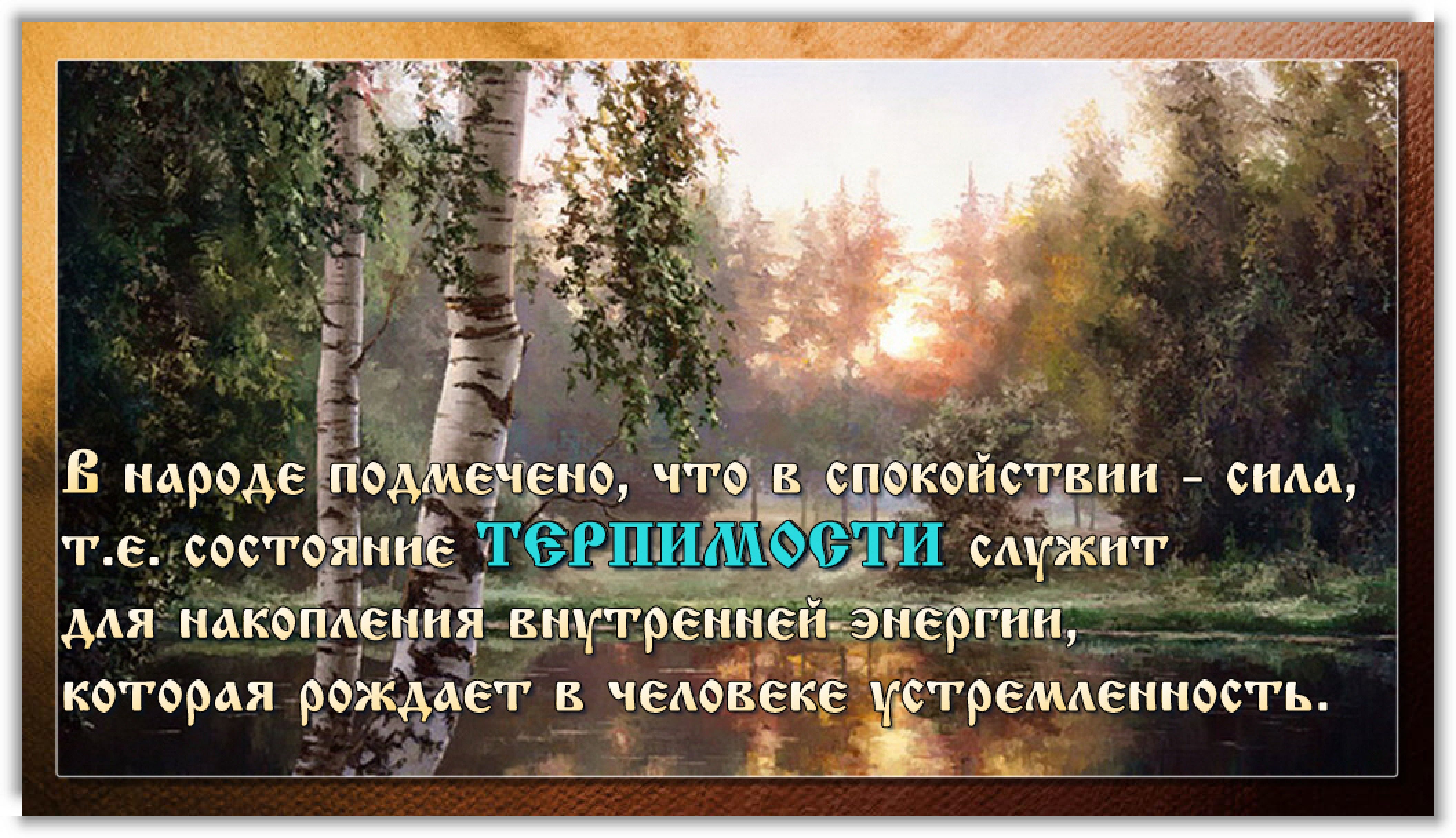

Если ее поддержать на государственном уровне, то благодаря соблюдению этого **МОРАЛЬНОГО ПРИНЦИПА** мы сможем противостоять вырождению и мутациям, охватившим сегодня большинство наций.

ТЕРПИМОСТЬ не равнозначна
ПАССИВНОСТИ и БЕЗИНИЦИАТИВНОСТИ.
Благодаря ей каждый мог быть выслушан
и не осмеян.

Об этом качестве хорошо говорят
народные пословицы:
Терпенье дает уменье
Без терпенья нет спасенья
Терпение и труд все перетрут

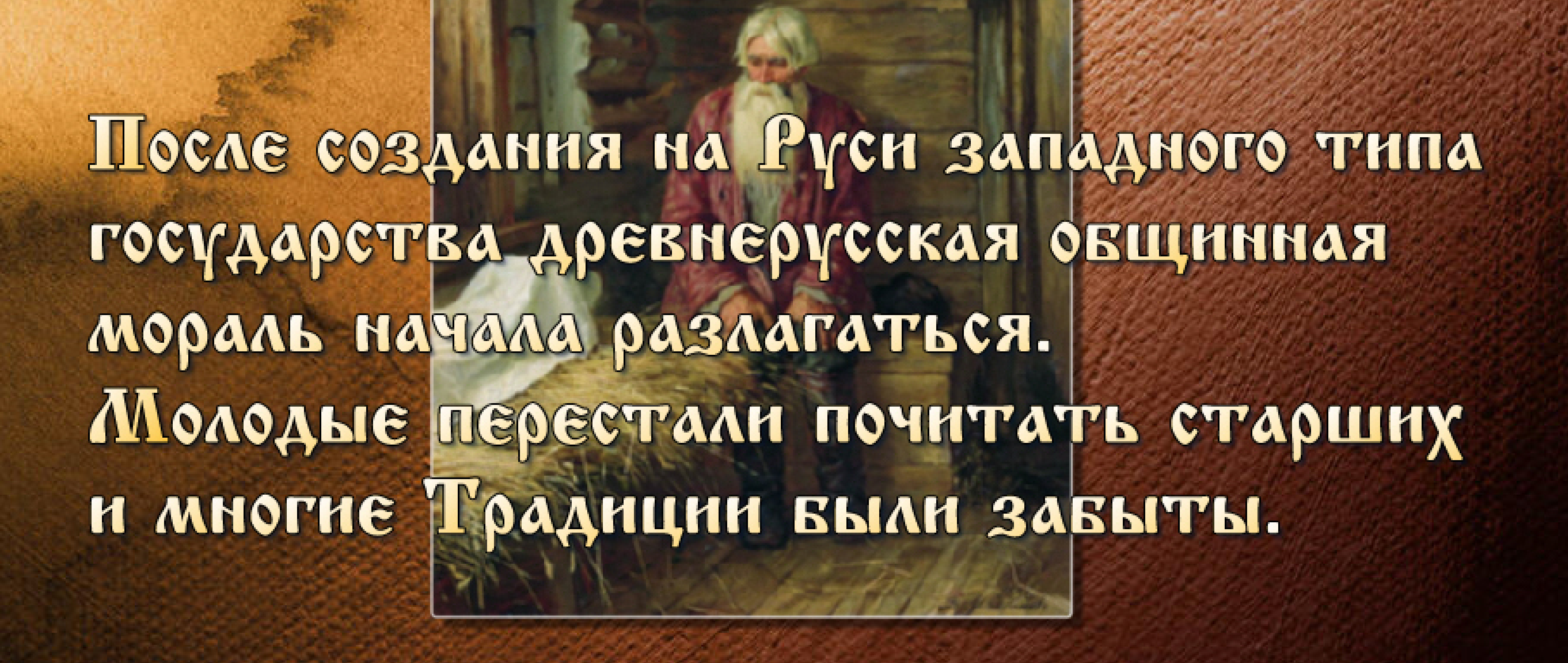

В народе подмечено, что в спокойствии - сила,
т.е. состояние ТЕРПИМОСТИ служит
для накопления внутренней энергии,
которая рождает в человеке устремленность.

2. Общинные качества человека:
СОСТРАДАНИЕ, СОЧУВСТВИЕ,
способность войти в положение другого и
понять причины его состояния связаны
с МОРАЛЬНЫМ ПРИНЦИПОМ –
УВАЖЕНИЕМ.

Взаимопонимание людей - это условие единства нации и государства.
Бытовавшее на Руси взаимопонимание позволило ей просуществовать тысячелетия.

Из многочисленных пословиц об этом
принципе приведем две:
Нет того любее, как люди людям любы.
Где совет, там и свет.

После создания на Руси западного типа государства древнерусская общинная мораль начала разлагаться.
Молодые перестали почитать старших и многие Традиции были забыты.

Принцип преемственности постоянно нарушался: достаточно вспомнить никоновскую реформу, Февральскую и Октябрьскую революции, множество смен правителей российского государства, борьбу враждующих группировок и др.

Победившая сторона, как правило, отвергала
все достижения и чем обедняла последующую
жизнь общества.
Отказ от прошлого вызывает смертельную
болезнь Человечества.

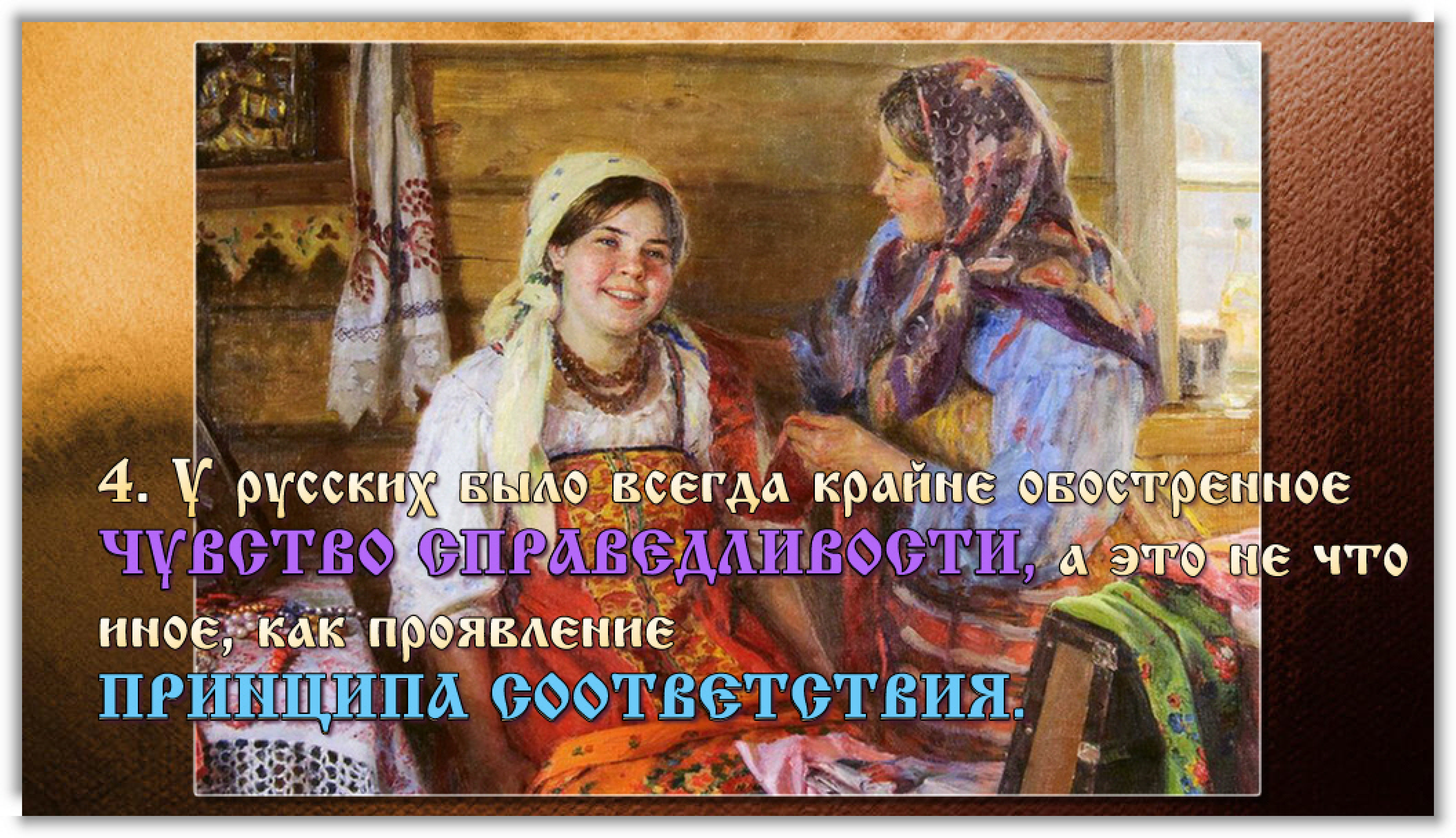
Пришла пора возродить почти утраченный МОРАЛЬНЫЙ ПРИНЦИП ПРЕЕМСТВЕННОСТИ, без которой невозможна дальнейшая эволюция российского общества.

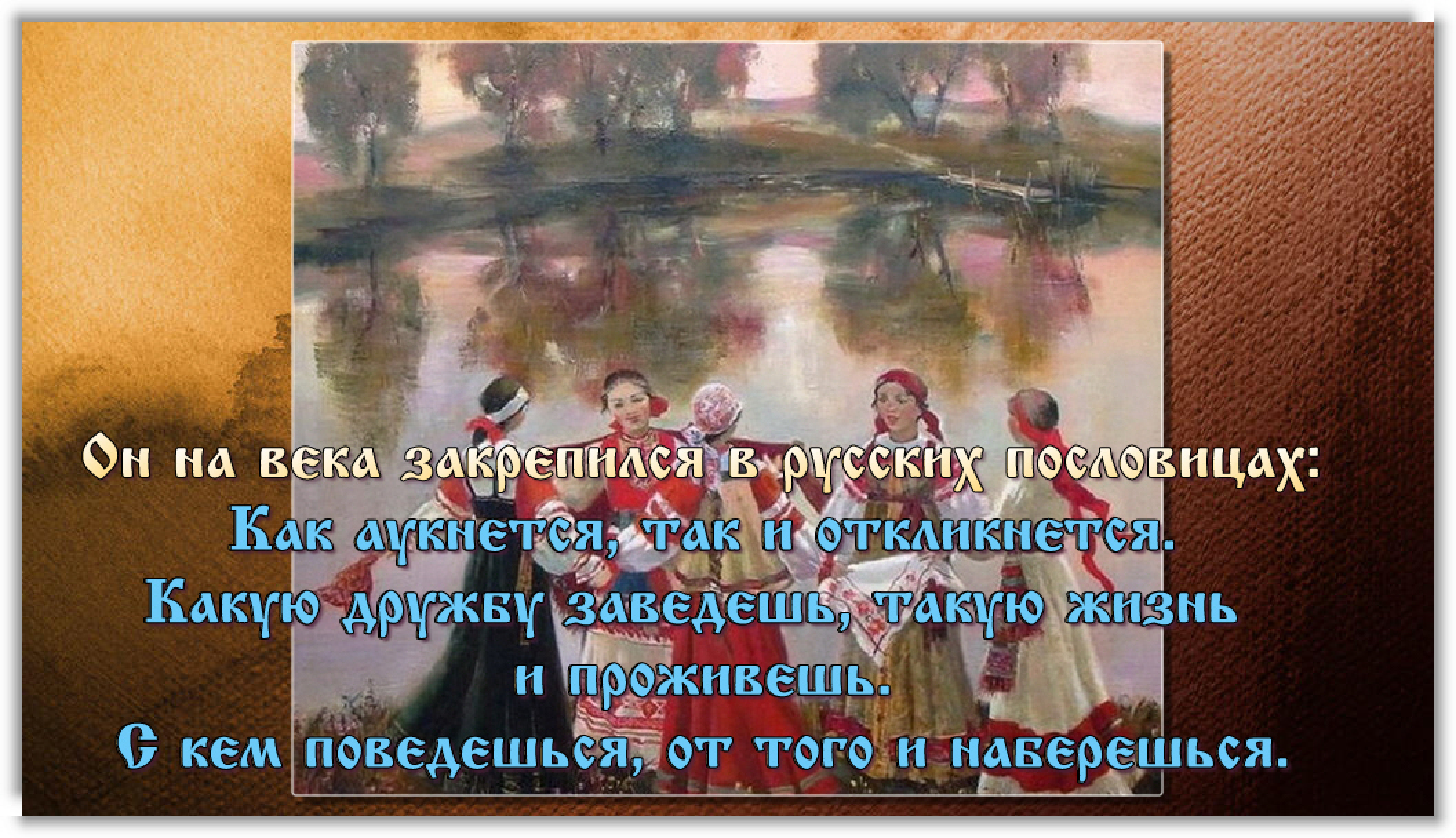
Сохранились пословицы, характеризующие этот ПРИНЦИП:

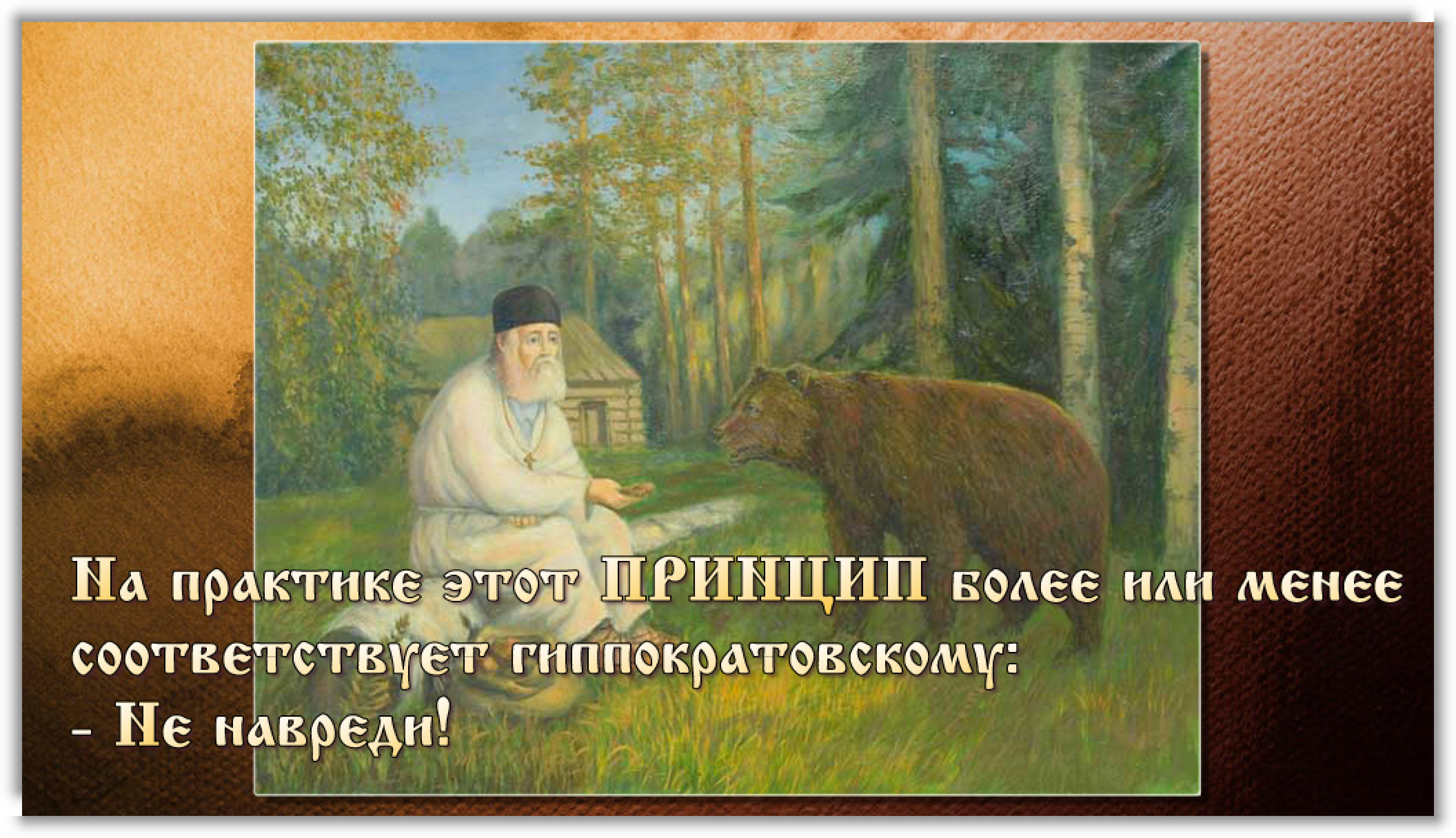
Живи по-старому, проживешь дольше, а мели по-новому, намелешь больше.

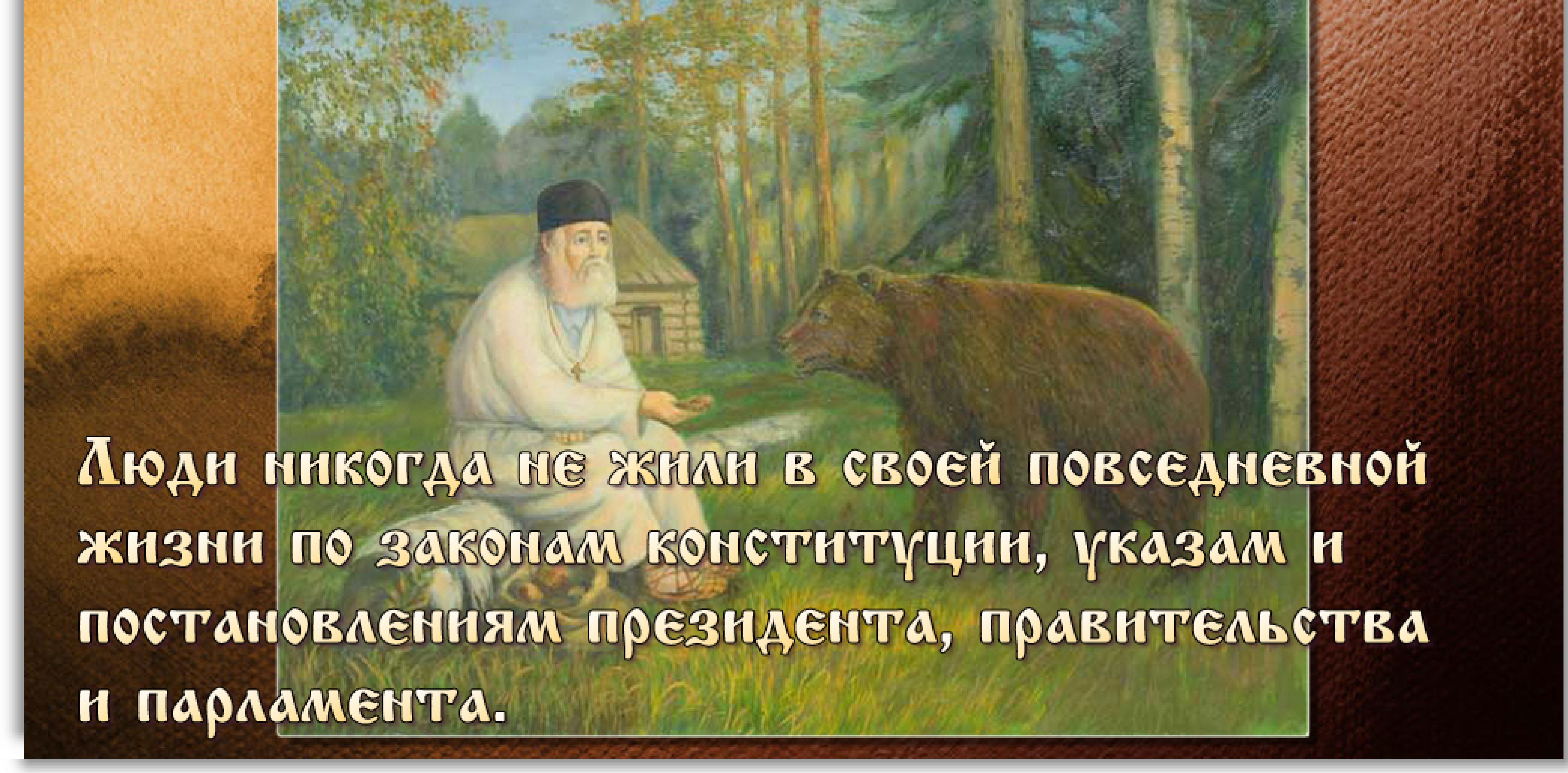
Все по-новому, а когда по-старому?

Своих друзей наживай, а отцовских - не теряй.

4. У русских было всегда крайне обостренное
ЧУВСТВО СПРАВЕДЛИВОСТИ, а это не что
иное, как проявление
ПРИНЦИПА СООТВЕТСТВИЯ.

Он на века закрепился в русских пословицах:
Как аукнется, так и откликнется.
Какую дружбу заведешь, такую жизнь
и проживешь.
С кем поведешься, от того и наберешься.

На практике этот ПРИНЦИП более или менее
соответствует гиппократовскому:
- Не навреди!

Люди никогда не жили в своей повседневной жизни по законам конституции, указам и постановлениям президента, правительства и парламента.

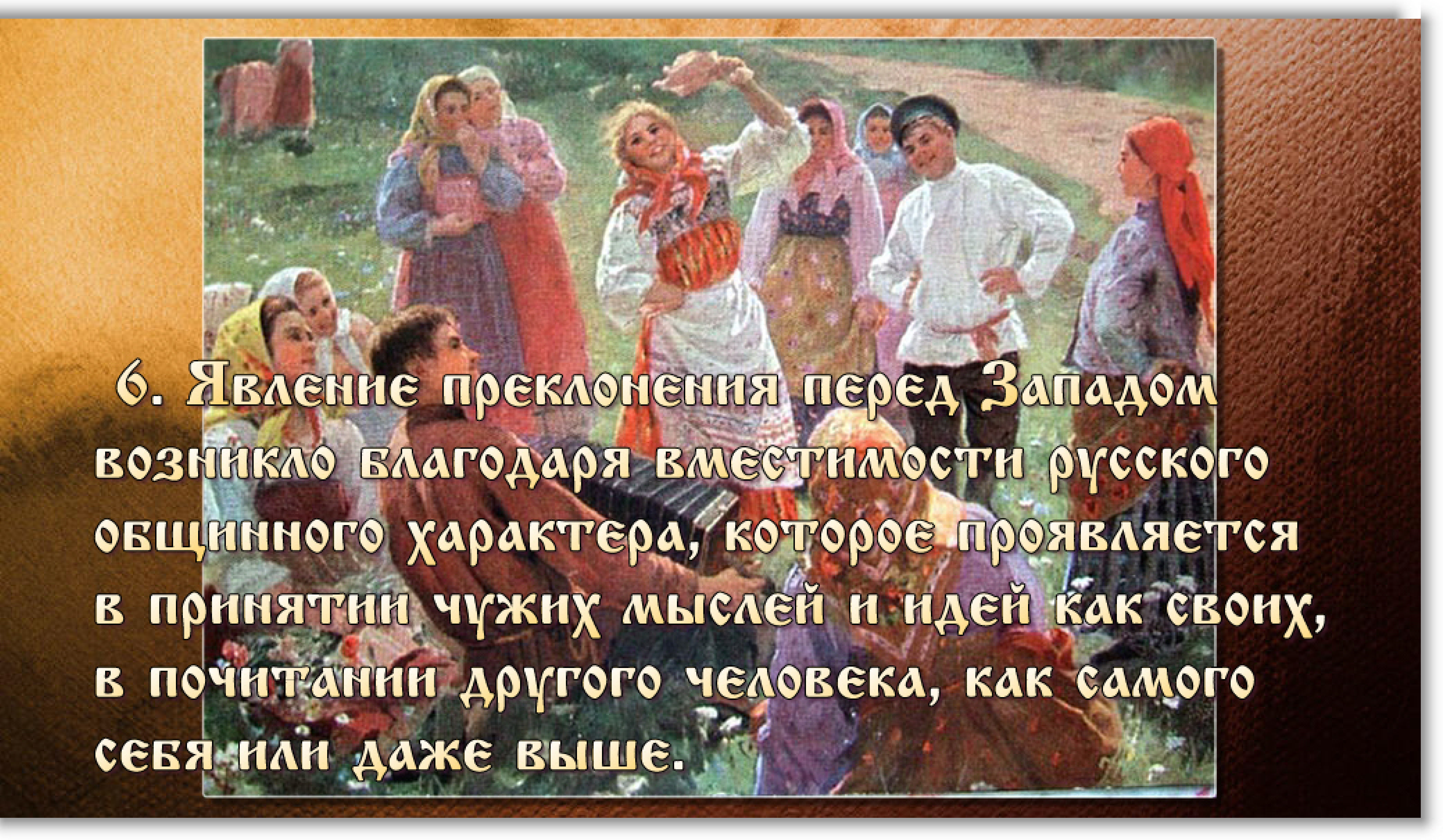
5. Наиболее ярко у русских проявляется врожденное качество – **СОВЕСТЛИВОСТЬ**, которому соответствует **МОРАЛЬНЫЙ ПРИНЦИП СОИЗМЕРИМОСТИ**, позволяющий соизмерять свое поведение с реакцией окружающих, проявляющийся в ответственности перед Богом за свои чувства, мысли, слова и деяния.

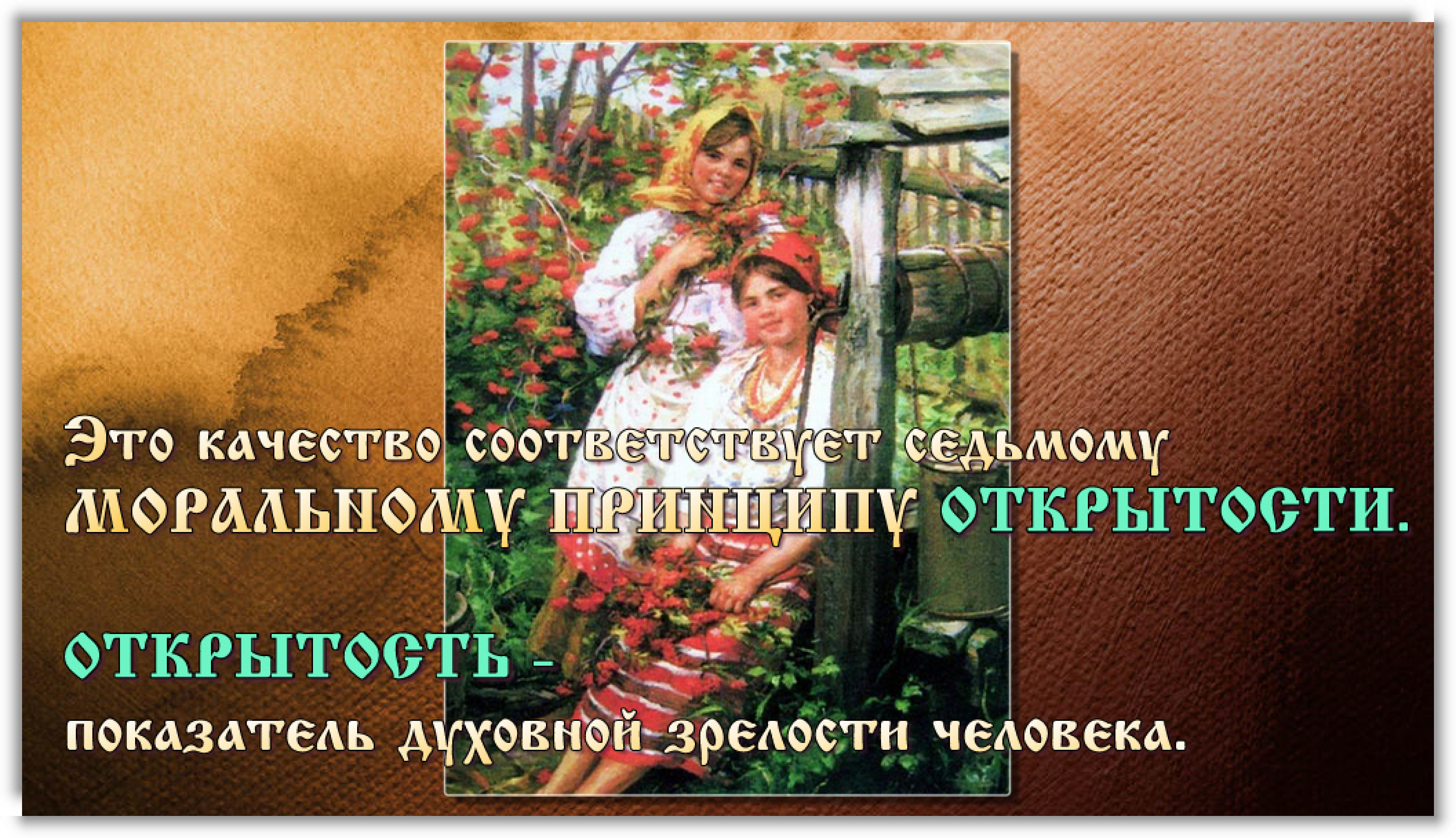

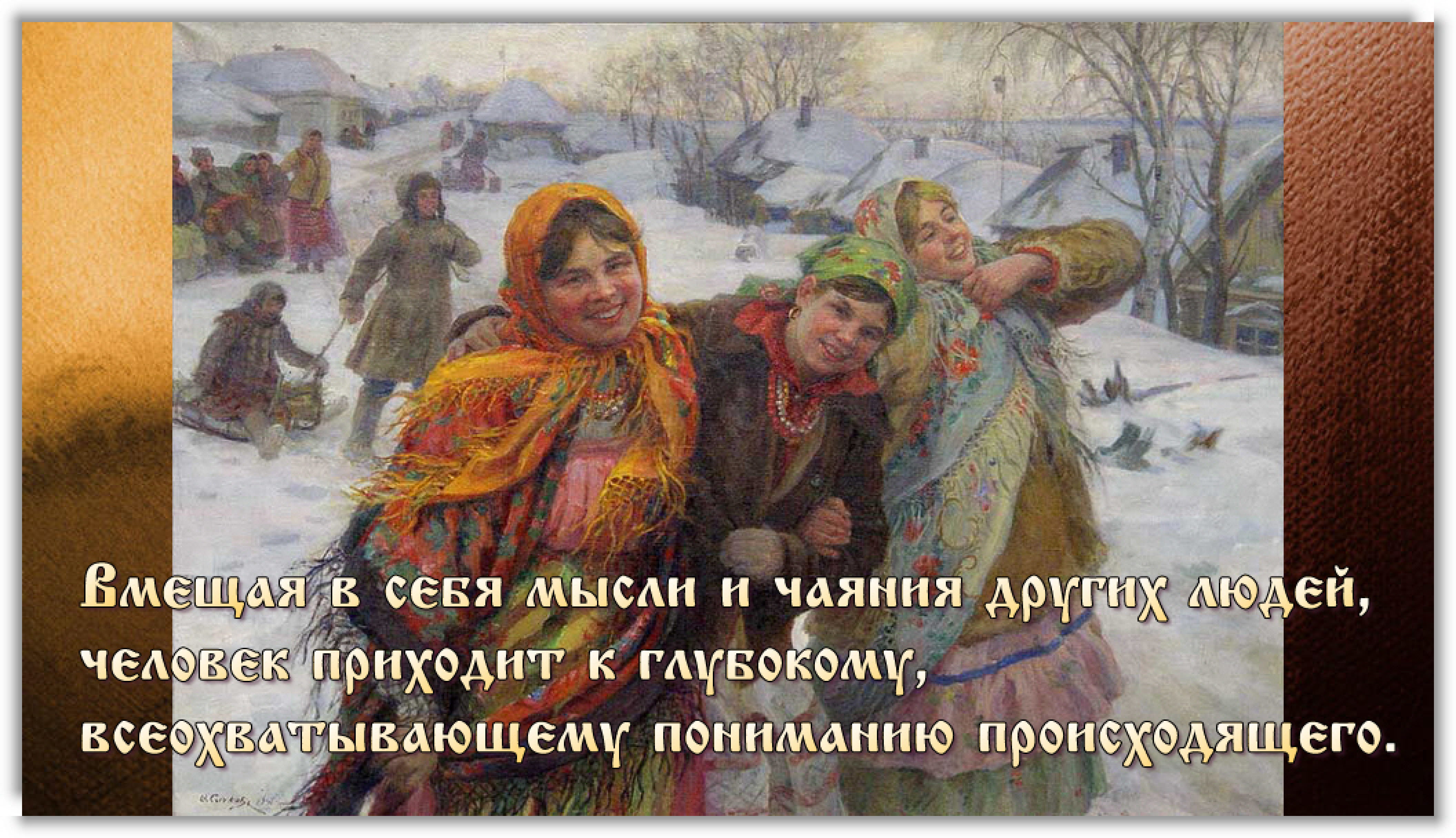
Русские люди живут по нормам морали, передающимся из поколения в поколение. Приоритет морали над правом, существовавшим в России – не признак ее отставания от цивилизации, а условие возможного подчинения права морали.

Обратные попытки (подчинить мораль праву) всегда приводили Россию к смуте и бунту.
Русским Людям свойственно жить не по законам государства, а по Небесным Божиим Канонам, по Совести, и Правде.

Русские пословицы, раскрывающие
этот ПРИНЦИП:
В ком стыд, в том и совесть.
Виноватый винится, а правый ничего не боится.
Как ни мудри, а совести не перемудришь.
Чьим умом живешь, того и песенку поешь.

6. Явление преклонения перед Западом возникло благодаря вместимости русского общинного характера, которое проявляется в принятии чужих мыслей и идей как своих, в почитании другого человека, как самого себя или даже выше.

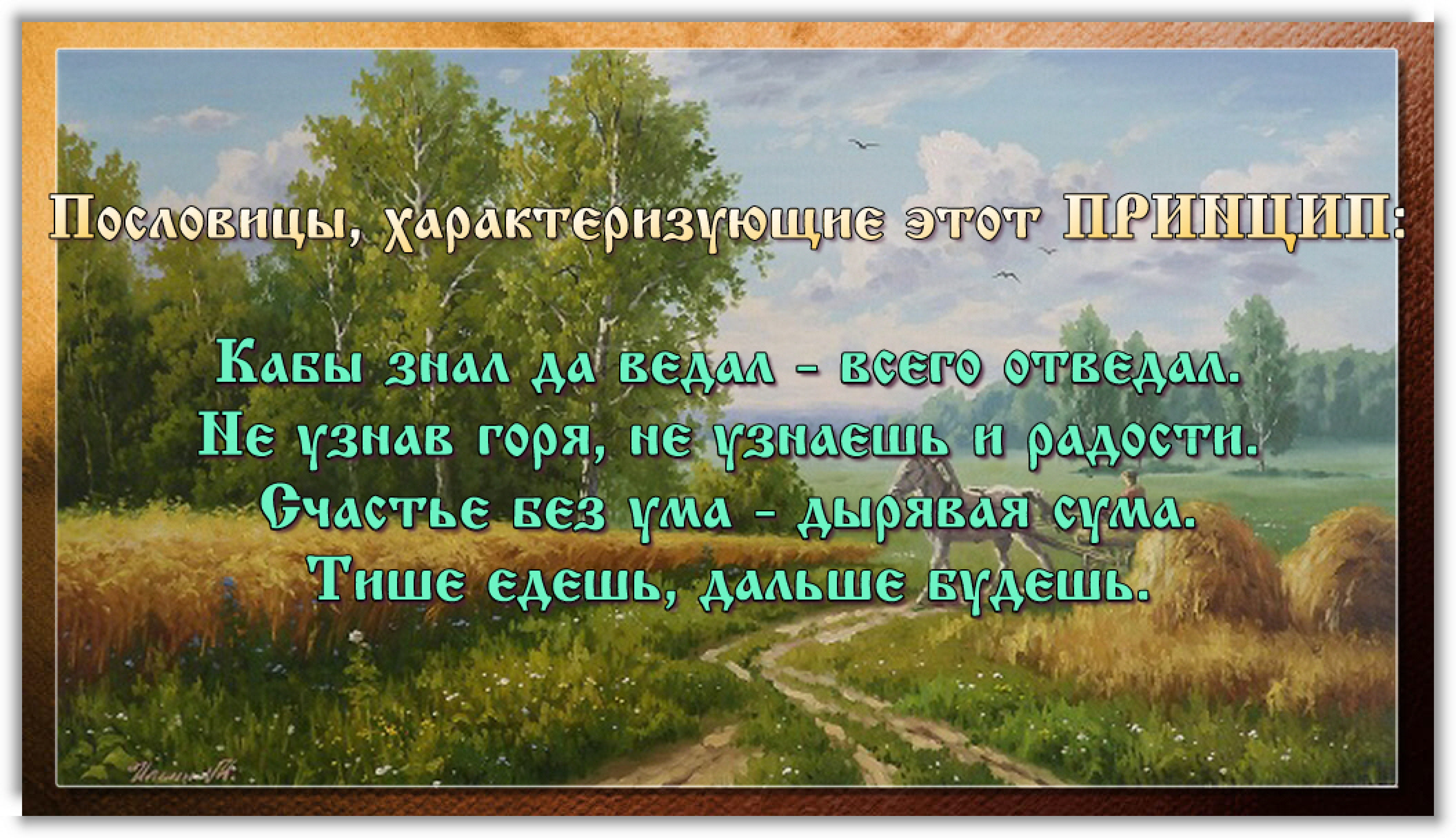

Это качество соответствует седьмому
МОРАЛЬНОМУ ПРИНЦИПУ ОТКРЫТОСТИ.
ОТКРЫТОСТЬ –
показатель духовной зрелости человека.

Вмещая в себя мысли и чаяния других людей,
человек приходит к глубокому,
всеохватывающему пониманию происходящего.

Но если это качество не уравновешивается почитанием Предков и их Традиций и Божиих Канонов, то проявляются его негативные стороны, такие как загипнотизированность некоторой части молодежи мнимыми западными ценностями и др.

Конечно, разочарование у них рано или поздно обязательно наступает и начинается обратная тенденция - полного отрицания, хотя это тоже неправильно.

Наша задача - вбирать в свою культуру от других народов только лучшее.

Пословицы, характеризующие этот ПРИНЦИП:
Кабы знал да ведал - всего отведал.
Не узнав горя, не узнаешь и радости.
Счастье без ума - дырявая сума.
Тише едешь, дальше будешь.

7. С отзывчивостью русского характера связан еще один моральный принцип - сотрудничество.
Общинная мораль ведет к общности, а всякая иная, где присутствует конкуренция - к разрушению.

Исторически Запад тяготел более ко второму
типу морали.
Он ведет к крайнему ИНДИВИДУАЛИЗМУ,
порождая глобальный кризис человеческой
личности, о котором в последнее время
все громче говорят западные философы,
социологи и психологи.

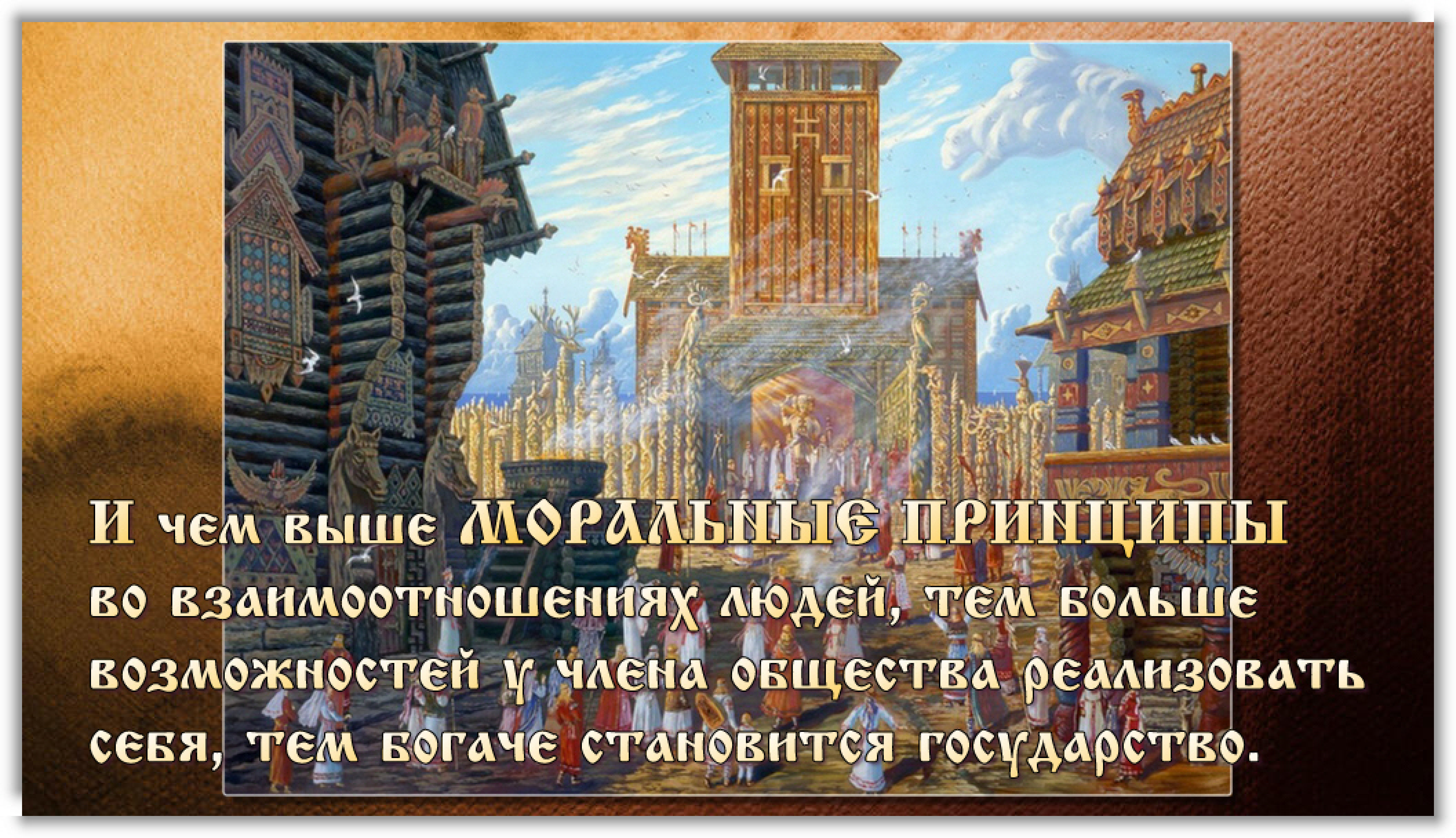
Человек оказался отсеченным от общности и духовности, от семьи и друзей, от своей нации и государства.
А сегодня пытаются эту мораль привить и российскому обществу.

Вот как говорят об этом принципе
русские пословицы:
Одна пчела немного меду натаскает.
Глуп совсем, кто не знается ни с кем!
Одной рукой и узла не завяжешь.

Люди живут по существующим нормам морали, которые передаются из поколения в поколение. Названные качества в древности сформировали русскую этику, со времен Петра I, выброшенную из норм жизни Российского государства, которое стало строиться по римскому, а затем западному образцу.

Все, что созидает человек, является богатством. А это прежде всего человеческие отношения (мораль). Именно они организуют общество, если строятся на живой морали (способствующие выживанию) или дезорганизуют его, если подчинены другой морали.

И чем выше МОРАЛЬНЫЕ ПРИНЦИПЫ
во взаимоотношениях людей, тем больше
возможностей у члена общества реализовать
себя, тем богаче становится государство.

Чем человек моральней, тем он талантливей.
Человек с гордостью назвал себя Человек разумный, но разум без морали мертв (Мораль идет от Души, Сердца).
Аморальные люди производят лишь хаос и разрушение, и особенно опасно, если в их руках государственные бразды правления.

Мы сейчас подходим к рубежу, когда Человечество осознает приоритет морали над разумом, и, перешагнув этот рубеж, человек будет иметь право называть себя Человек - моральный.
Именно Мораль отражает уровень достижений Цивилизации.

Использованы переработанные выдержки из книги В.А.Шемшука "Этическое государство".